

ТИТ ЛИВИЙ

ИСТОРИЯ РИМА
ОТ ОСНОВАНИЯ
ГОРОДА

Тит Ливий

**История Рима от
основания Города**

«ЭКСМО»

Ливий Т.

История Рима от основания Города / Т. Ливий — «Эксмо»,

Великий историк Тит Ливий оставил потомкам великую книгу о великом городе – Вечном городе Рим. В распоряжении Ливия был богатейший материал разной степени достоверности и художественности. Основные сведения об официальной жизни города он черпал из летописей жрецов-понтификов, а также охотно использовал многочисленные «анналы» и исторические сочинения греческих и римских авторов, дошедшие до нас по большей части в отрывках. Итогом его многолетнего труда стала книга, которая и поныне остается блестящим памятником эпохи – и читается с неослабевающим интересом. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

Книга I	5
Книга II	48
Книга III	90
Конец ознакомительного фрагмента.	136

Тит Ливий

История Рима от основания Города

Книга I

Прибытие Энея в Италию и его деяния (1–2). Царствование в Альбе Аскания, а затем Сильвиев (3). Рождение Ромула и Рема (4). Основание Рима (5–7). Учреждение сената (8). Война с сабинянами (9–13). Деление народа на курии (13). Победа над фиденянами и вейянами (14–15). Апофеоза Ромула (16). Религиозные учреждения Нумы Помпилия (17–21). Тулл Гостилий опустошил Альбанскую область; бой Горациев и Куриациев (22–26). Измена и казнь Метия Фуфетия (27–28). Разрушение Альбы (29). Победа над сабинянами (30). Смерть Тулла (31). Анк Марций победил латинов и основал Остию (32–33). Прибытие в Рим Лукумона (34). Воцарение Тарквиния Древнего; его победы и сооружения (35–38). Чудо над Сервием Туллем (39). Убийство Тарквиния и воцарение Сервия Туллия (40–41). Победа над вейянами; деление народа на разряды; сооружение храма Дианы (42–45). Смерть Сервия Туллия (46–48). Воцарение Тарквиния Гордого; убийство Турна Гердония (49–52). Война с вольсками; разграбление Габий (53–54). Сооружения на Капитолии (55–56). Осада Ардеи; смерть Лукреции и изгнание царей (57–60).

Предисловие

Будет ли стоить труда, если я напишу историю римского народа с основания города, твердо не знаю, да если бы и знал, то не решился бы сказать: дело в том, что предприятие это, как я вижу, и старое, и многими испробованное, причем постоянно появляющиеся новые писатели думают или привнести нечто новое со стороны фактической, или превзойти суровую древность искусством изложения. Как бы то ни было, все же приятно будет и мне, по мере сил, послужить увековечению деяний первого народа на земле; и если имя мое в такой толпе писателей останется в тени, то я стану утешать себя славой и величием соперников. Кроме того, дело это большого труда, так как приходится воспроизводить события более чем за семьсот лет, и притом из жизни государства, начавшего с малого и возросшего до того, что величина его становится ему уже в тягость; наконец, большинству читателей, несомненно, доставит мало удовольствия история возникновения города и ближайших к тому событий; они ведь спешат ознакомиться с той недавней порою, когда силы чересчур могучего народа уже давно истребляют сами себя. Я же буду вознагражден также и тем, что отвернусь от переживаемых нами в течение стольких лет бедствий хоть на то время, пока всеми силами моей души буду занят воспроизведением тех древних событий; тут я не буду испытывать никакой тревоги, которая, если и не в состоянии отклонить ум писателя от истины, то все же может беспокоить его. Я не намерен ни утверждать, ни опровергать известия о событиях, предшествовавших основанию, или, вернее, мысли об основании города; все они более изукрашены поэтическими вымыслами, чем опираются на несомненные исторические памятники: древности дозволяется освящать начало городов, примешивая божественное к человеческому. И если какому народу должно позволить освятить свое возникновение и приписать его богам, то римский народ приобрел это право своей воинской доблестью, и народы, переносящие-де власть его, должны столь же безропотно сносить, когда он называет своим родоначальником и родителем основателя своего города не

кого иного, как Марса. Я не придаю, конечно, особенного значения тому, как взглянут и оценят это и ему подобные известия; для меня важно, чтобы каждый внимательно проследил, какая была жизнь, какие нравы, какие люди и какими средствами в мирное и военное время приобрели и увеличили могущество государства; пусть он затем проследит, как нравственность, с постепенным падением порядка, начала колебаться, как она затем все более и более стала клониться к упадку и наконец рухнула; таким образом, мы дошли до настоящего положения, когда уже не можем выносить ни пороков, ни средств против них. В этом-то и состоит нравственная польза и плодотворность изучения истории, что примеры всякого рода событий созерцаешь точно на блестящем памятнике, отсюда можно взять и для себя, и для своего государства образцы, достойные подражания, тут же найдешь и позорное начало, и позорный конец – чего следует избегать.

Впрочем, или меня обманывает любовь к предпринятому труду, или действительно никогда не существовало государства более великого, более нравственного, более богатого добрыми примерами; государства, в которое бы столь поздно проникли жадность и роскошь и где бы дольше оказывался столь великий почет бедности и воздержанию. Ибо чем меньше было средств, тем меньше гонялись за ними; только недавно богатства породили жадность, а обилие в удовольствиях – страсть губить все роскошью и распутством.

Но пусть хоть начало столь великого предприятия свободно будет от жалоб, которые и тогда не будут приятны, когда их, быть может, нельзя будет избежать. Если бы у нас, как у поэтов, это было в обычае, то мы гораздо охотнее начали бы с добрых предзнаменований, с обетов и молитв богам и богиням, чтобы они даровали счастливый успех приступившему к столь великому делу.

1. Прежде всего, достаточно хорошо известно, что за взятием Трои последовала свирепая расправа над всеми троянцами; только к двум, Энею и Антенору¹, ахейцы вовсе не применили права войны вследствие старинного гостеприимства и вследствие того, что они постоянно советовали помириться и вернуть Елену. Затем, после разных приключений, Антенор прибыл в самый отдаленный залив Адриатического моря с горстью энетов, которые за мятеж были изгнаны из Пафлагонии и, лишившись под Троей царя Пилемеда, искали вождя и места для поселения; прогнав еванеев, живших между морем и Альпами, энецы и троянцы завладели этой землей. Место, где они высадились в первый раз, называется Троей, а оттуда и область носит имя Троянской; народ же весь назван венетами.

Эней, бежавший вследствие той же беды из отечества, но предназначенный судьбою для более великих начинаний, сперва прибыл в Македонию, оттуда, ища места для поселения, занесен был в Сицилию, а из Сицилии прибыл со своими кораблями к Лаврентской области. И это место также зовется Троей. Выйдя здесь, троянцы, как люди, у которых после чуть не бесконечного блуждания не осталось ничего, кроме кораблей и оружия, захватили находившиеся на полях скот; тогда царь Латин и аборигены, владевшие тогда теми местами, сбежались с оружием в руках из города и с полей, чтобы отразить нападение пришельцев. О последующем существует двойное предание: по одному – Латин, проиграв сражение, заключил с Энеем мир, а затем и породнился с ним; по другому – когда оба войска стояли готовыми к битве и, прежде

¹ Текст печатается по изданию: *Тит Ливий. Римская история от основания Города*. Перевод с латыни под редакцией П. Адрианова. В 6 томах. М., Типография Е. Гербера, 1897 (2-е изд. 1901). При составлении примечаний использовались комментарии редактора к первому и второму изданиям перевода на русском языке, а также комментарии к изданию: *Тит Ливий. История Рима от основания Города*. В 3 томах. М., Наука, 1989–1993. Примечания к настоящему изданию, отмеченные «Примеч. ред.», подготовлены О. А. Королевой, которая также привела комментарии редактора первого издания в соответствие с орфографическими и стилистическими нормами современного словоупотребления... *только к двум, Энею и Антенору*... – Эней – герой Троянской войны, в римской мифологии сын Анхиса и Венеры, родственник троянского царя Приама. Антенор – советник Приама, один из мудрых троянских старейшин, оказавший гостеприимство Менелая и Одиссею, когда те явились в Трою с требованием выдать Елену.

чем подан был сигнал, из толпы старейшин выступил Латин и вызвал вождя пришельцев для переговоров. Затем он спросил, что они за люди, откуда и по какому случаю ушли из дому и чего ради высадились в Лаврентской области; услышав, что народ – троянцы, а вождь их – Эней, сын Анхиза и Венеры, что бежали они с родины после сожжения отечественного города и ищут места для поселения и основания нового города, – Латин, дивясь знатности народа и вождя и готовности их помириться или сражаться, закрепил будущую дружбу рукопожатием. Затем вожди заключили договор, а войска приветствовали друг друга; Эней стал гостем Латина, а затем перед пенатами² Латин скрепил союз политический домашним, выдав за Энея дочь свою. Это обстоятельство окончательно укрепило в троянцах надежду, что их блуждания наконец-то кончились и они нашли постоянное и прочное место для поселения. Они основывают город, и Эней по имени супруги называет его Лавинием. Немного спустя у молодых супругов родился сын, которого родители называли Асканием.

2. Затем аборигены и троянцы одновременно подверглись нападению. Царь рутулов Турн, за которого до прибытия Энея просватана была Лавиния, оскорбленный предпочтением пришельца, напал на Энея и Латина. Оба войска вышли из битвы с ущербом: рутулы были побеждены, а победители – аборигены и троянцы – потеряли вождя Латина. Тогда Турн и рутулы, не доверяя своим силам, искали защиты у известных своим могуществом этрусков и царя их Мезенция, повелевавшего Церой, сильным в то время городом. Уже с самого начала он был недоволен возникновением нового города; тогда же, считая, что силы троянцев растут гораздо быстрее, чем то позволяет безопасность соседей, он охотно соединил свое оружие с оружием рутулов.

Эней, желая, ввиду столь грозной войны, привлечь к себе сердца аборигенов, назвал оба народа латинами, для того чтобы все имели не только одни законы, но и одно имя. И с тех пор аборигены не уступали троянцам в усердии и преданности царю Энею. Надеясь на мужество двух народов, со дня на день более и более сближавшихся друг с другом, Эней вывел войска в поле, хотя слава могущества Этрурии разнеслась не только по земле, но и по морю, вдоль всей Италии – от Альп до Сицилийского пролива, и хотя он имел возможность защищаться в стенах. Последовавшее сражение было удачно для латинов, а для Энея оно было и последним подвигом. Погребен он у реки Нумик; как подобает именовать Энея, я не знаю, зовут же его Юпитером Родоначальником³.

3. Сын Энея, Асканий, не достиг еще того возраста, чтобы вступить во власть, но царство осталось нетронутым, пока он не возмужал; латинское государство, царство его деда и отца, охраняемое женщиной, уцелело; такой способной женщиной была Лавиния! Я не стану спорить (да и кто решится говорить с полной уверенностью о столь древнем событии!), был ли это тот Асканий или другой, старший, родившийся от Креусы еще во время существования Илиона, сопровождавший отца в бегстве, – словом, тот, которого под именем Юла род Юлиев считает своим родоначальником⁴. Этот-то Асканий – все равно, где и от какой бы матери он ни родился (во всяком случае достоверно, что он был сыном Энея), – вследствие избытка в населении оставил цветущий по тому времени город матери (или мачехи), а сам основал у подошвы Альбанской горы новый город, который назвал Альбой Лонгой, так как он тянулся

² ...перед пенатами... – Пенаты – божества-хранители, культ которых связан с обожествлением предков. Домашние, или фамильные, пенаты – хранители дома, запасов продовольствия. Общественные, или государственные, пенаты считались одной из главных святынь Рима. В торжественных клятвах их называли вместе с Юпитером. Их фигурки, привезенные Энеем из Трои, сначала находились в Лавинии, а потом в Риме, в храме Весты. – *Примеч. ред.*

³ ...как подобает именовать Энея, я не знаю, зовут же его Юпитером Родоначальником. – Юпитер Родоначальник – лат. *Iuppiter Indiges*. Вероятно, имеется в виду, что культ Энея слился с культом бога-родоначальника.

⁴ ...тот, которого под именем Юла род Юлиев считает своим родоначальником. – Юлии – знатный римский род. Юлии возводили себя к Юлу, мифическому сыну Энея. Первое историческое лицо, относящееся к этому роду, – Гай Юлий Юл, консул 489 года до н. э. – *Примеч. ред.*

вдоль горного хребта⁵. Между основанием Лавиния и выведением колонии⁶ в Альбу Лонгу прошло почти тридцать лет, тем не менее могущество государства, особенно после поражения этрусков, возросло до того, что ни после смерти Энея, ни во время управления женщины, ни даже в первые годы царствования юноши ни Мезенций с этрусками, ни другие какие соседи не рискнули поднять оружия. По мирному договору границей между этрусками и латинами стала река Альбула, именуемая теперь Тибром.

Затем царствовал сын Аскания Сильвий⁷, по какому-то случаю родившийся в лесу. У него был сын Эней Сильвий, а у того – Латин Сильвий. Он вывел несколько колоний, которые получили название «Древние латины». Затем за всеми царями Альбы осталось прозвище Сильвиев. У Латина был сын Альба, у Альбы – Атис, у Атиса – Капис, у Каписа – Капет, у Капета – Тиберин, который утонул, переплывая Альбулу, получившую от того славное впоследствии имя Тибр, затем царствовал Агриппа, сын Тиберина, после Ариппы – Ромул Сильвий, принявший власть от отца; он поражен был ударом молнии; ему непосредственно наследовал Авентин; тот был погребен на холме, получившем от него имя и составляющем ныне часть Рима, затем царствовал Прока. У него были сыновья Нумитор и Амулий. Старинное царство Сильвиев завещано было Нумитору как старшему сыну. Но сила оказалась выше воли отца и права старшинства: прогнав брата, воцарился Амулий; к одному злодеянию он присоединил другое, умертвив сына брата; дочь же брата, Рею Сильвию, он лишил надежды на потомство, сделал ее под видом почести весталкой и обязав, таким образом, вечно оставаться девой.

4. Но, я полагаю, столь сильный город и государство, уступающее лишь могуществу богов, обязано было своим возникновением соизволению судьбы. Когда изнасилованная весталка родила близнецов, то она объявила отцом этого безвестного потомства Марса или потому, что верила в это, или потому, что считала более почетным выставить бога виновником своего преступления. Однако ни боги, ни люди не в силах были защитить ее и детей от жестокости царя⁸: жрица в оковах была брошена в тюрьму, а детей приказано было выбросить в реку. Но по воле рока Тибр выступил из берегов и образовал болота, так что нигде нельзя было подойти к настоящему руслу его; вместе с тем посланные надеялись, что дети потонут хоть и в стоячей воде. Итак, считая себя исполнившими повеление царя, они бросили детей в ближайшую лужу, где теперь находится Руминальская смоковница⁹ (говорят, что она называлась Ромуловой). В тех местах был тогда обширный пустырь. Существует предание, что, когда плавающее корыто, в котором были выброшены мальчики, после спада воды осталось на сухом месте, жаждающая волчица, шедшая из окрестных гор, направилась на плач детей. Она с такой кротостью припала к ним и кормила их грудью, что главный царский пастух, называвшийся, по преданию, Фавстулом, нашел ее лижущей детей. Последний принес их домой и отдал на воспитание жене своей

⁵ ...новый город, который назвал Альбой Лонгой, так как он тянулся вдоль горного хребта. – Альба Лонга значит «Длинная Альба»; в 25–30 км от Рима. – Примеч. ред.

⁶ ...выведением колонии... – Колониями назывались города-поселения, выводимые римлянами в разные районы Италии. Они делились на колонии римских граждан и колонии латинского права. Вторые становились самостоятельными городами – их поселенцы теряли прежнее гражданство (римское или других городов Лация) и делались гражданами вновь основываемых поселений. Выведение колоний в захваченные у неприятеля города служило укреплению позиций Рима. – Примеч. ред.

⁷ Затем царствовал сын Аскания Сильвий... – Сильвий – от лат. *silva* – лес. Древние римские писатели приписывали основание Рима или самому Энею, или Ромулу, называя последнего его внуком. Но так как основание Рима приурочивали к 400 или даже 432 году после разрушения Трои, то получалась слишком большая лакуна; чтобы сгладить это противоречие, около времени Суллы составлен был приводимый Ливием список альбанских царей.

⁸ Однако ни боги, ни люди не в силах были защитить ее и детей от жестокости царя... – Право выбора и наказания весталки принадлежит царю как верховному жрецу.

⁹ ...где теперь находится Руминальская смоковница... – Руминальская смоковница (лат. *rumis* – «сосок»), по указанию древнего грамматика Феста, названа так потому, что под нею волчица кормила Ромула и Рема грудью. Смоковница эта находилась на той части Палатинского холма, которая именуется Кермал и лежит против Капитолия. Во времена Тита Ливия ее уже не было; надо, следовательно, полагать, что Ливий неточно выразился или смешал эту смоковницу с другой, которая росла на Комиции и существовала еще при Плинии Старшем. Наименование этой смоковницы Ромуловой основано на смешении имени богини Румины, которой она была посвящена, с именем Ромула.

Ларенции. Некоторые полагают, что Ларенция за распутство называлась среди пастухов *лира*, и это послужило основанием удивительной сказки¹⁰. Так родились они и так воспитались; когда же подросли, то, не оставаясь без дела в хижине пастуха или около стад, они, охотясь, бродили по лесам. Укрепившись среди таких занятий телом и духом, они не только преследовали зверей, но и нападали на разбойников, обремененных добычей, делили награбленное между пастухами и с этой со дня на день увеличивавшейся дружиной занимались и делом, и шутками.

5. Уже в то время существовало, по преданию, совершаемое и ныне празднество Луперкалий¹¹ на горе Палатинской, называвшейся сперва от имени аркадского города Паллантия¹² Паллантейской, а потом Палатинской. Там Евандр, родом аркадянин, много лет раньше живший в тех местах, установил взятое из Аркадии празднество, состоявшее в том, что нагие юноши¹³ бегали, сопровождая шутками и весельем поклонение Пану Ликейскому¹⁴, переименованному впоследствии римлянами в Инуя. Этот праздник стал известным; и вот, когда они предавались играм, разбойники, раздраженные потерей добычи, устроили им засаду; Ромул отбил, а Рема они захватили, немедленно представили царю Амулию и сами же еще стали обвинять его. Главное обвинение состояло в том, что братья нападают на поля Нумитора и с шайкой юношей угоняют оттуда скот, точно неприятели. Вследствие этого Рем был передан Нумитору для наказания.

Уже с самого начала Фавстул подозревал, что у него воспитываются царские дети; он знал, что они выброшены по повелению царя; совпадало и время, когда он нашел их; но, не уверившись окончательно, он не хотел открывать этого, разве выпадет случай или принудит необходимость. Необходимость явилась раньше. И вот под влиянием страха он открывает все Ромулу. Случайно и Нумитор, держа под стражей Рема и слыша о братьях-близнецах, вспомнил о внуках, сопоставляя их возраст и характер пленника, вовсе не похожего на раба. Путем расспросов он пришел к тому же результату и почти признал Рема. Таким образом, царю со всех сторон куются козни. Ромул, не считая возможным действовать открытой силой, нападает на царя не с шайкой юношей, а приказав каждому пастуху своей дорогой явиться к определенному времени около дворца, со стороны же жилища Нумитора является на помощь Рем, приготовив другой отряд. Так они убивают царя.

6. Нумитор в начале суматохи, заявляя, что неприятели вторглись в город и напали на дворец, отозвал альбанскую молодежь для защиты крепости; когда же увидел, что братья, умертвив царя, идут к нему с приветствием, тотчас созывает собрание, выставляет на вид преступление брата против него, указывает на происхождение внуков – как они родились, как воспитались, как были узнаны, затем – как был убит тиран и объявляет, что он виновник этого. Юноши, стройно выступив на средину собрания, приветствовали деда царем, а следовавшие единодушные восклицания толпы закрепили за ним царское имя и власть.

Предоставив таким образом альбанское царство Нумитору, Ромул и Рем пожелали основать город в тех местах, где были выброшены и воспитаны. К тому же был избыток в альбан-

¹⁰ ... Ларенция за распутство называлась среди пастухов *лира*, и это послужило основанием удивительной сказки. – Акка Ларенция, мать Ларов, под именем *Лира* или *Lupercal* почиталась как воспитательница богов-покровителей Римского государства – Пика и Фавна; в честь ее установлен был праздник Ларенталий. Позже ее превратили в историческую личность кормилицы Ромула и Рема, а так как слово *лира* имеет и предосудительное значение – «потаскуха», то эту кормилицу стали считать публичной женщиной. В основе сказки о волчице лежит, как полагают, то же сходство имени богини *Лира* с латинским названием волчицы (*лира*).

¹¹ ...празднество Луперкалий... – Луперкалии (от лат. *lupus* – «волк») – древнеримский праздник очищения и плодородия, совершался 15 февраля в честь бога плодородия Фавна Луперка.

¹² ...города Паллантия... – Паллантий – древний город к западу от Тегеи; считается родиной Евандра.

¹³ ...нагие юноши... – Юноши были покрыты только козлиной шкурой, как и находившееся в храме у подножия Палатинского холма изображение Пана.

¹⁴ ...поклонение Пану Ликейскому... – Ликейским Пан называется от имени горы Ликей, лежавшей близ Паллантия; там родился Пан и там же был его храм.

ском и латинском населении; к ним присоединились пастухи, а это все вместе, естественно, подавало надежду, что и Альба, и Лавиний будут малы в сравнении с тем городом, который собирались основать. Но затем в этом сказалось вредное влияние дедовского зла – страсти к царской власти, следствием чего был позорный бой, возникший из-за довольно маловажного обстоятельства. Так как братья были близнецы и нельзя было решить дела на основании уважения к старшинству, то Ромул избирает Палатинский, а Рем – Авентинтинский холм для гадания¹⁵, чтобы боги, покровители тех мест, указали знамениями, кому дать имя новому городу и кому управлять им.

7. Рассказывают, что знамение – шесть коршунов – явилось ранее Рему, и оно уже было возведено, как Ромулу явилось двойное число; и вот того и другого окружающая толпа приветствовала царем: одни требовали царской власти для своего вождя, основываясь на времени появления птиц, другие – на числе их. Поднялась брань, а вызванное ею раздражение привело к резне, во время которой в толпе был убит Рем. Более распространено, однако, предание, что Рем, смеясь над братом, перепрыгнул через новые стены; разгневанный этим Ромул убил его, сказав: «Так будет со всяким, кто перепрыгнет через мои стены». Таким образом, Ромул один завладел царством, а основанный город был назван именем основателя¹⁶.

Прежде всего он укрепил Палатинский холм, на котором сам вырос. Священнодействия всем богам он установил по альбанскому ритуалу, Геркулесу же – по греческому, как это было положено Евандром. Рассказывают, что Геркулес, убив Гериона, пригнал в эти места удивительно красивых быков его и, переплыв вслед за стадом через Тибр, улегся на лугу, чтобы дать отдохнуть и покормиться на хорошей траве скоту, да и самому оправиться от усталости с дороги. Когда, отяжелев от пищи и вина, он заснул, жившие в тех местах пастух по имени Как¹⁷, страшной силы, плененный красотой быков, задумал присвоить себе их как добычу; но понимая, что если он прямо погонит скот в пещеру, то следы сами приведут туда хозяина, когда тот станет искать быков, Как перетаскал туда самых лучших из них за хвост. Проснувшись на заре, Геркулес обвел глазами стадо и, видя, что части его недостает, направился к ближайшей пещере посмотреть, не туда ли ведут следы; видя, однако, что все они направлены из пещеры и не идут никуда дальше, смущенный и в недоумении, он погнал стадо из этого злого места. Но когда некоторые коровы, уходя и тоскуя по оставшимся, начали, как это обыкновенно бывает, мычать, ответное мычание запертых в пещере заставило Геркулеса вернуться. Как пробовал заградить ему силой доступ в пещеру, но, пораженный палицей, пал, напрасно вызывая о помощи к пастухам.

Царствовал тогда в этих местах, более опираясь на свое нравственное превосходство, чем на власть, Евандр, бежавший из Пелопоннеса; муж этот пользовался уважением за удивительные письма¹⁸, неведомые грубым людям, а еще более вследствие веры в божественную силу его матери Карменты¹⁹, перед пророчествами которой преклонялись обитатели Италии еще до

¹⁵ ...то Ромул избирает Палатинский, а Рем – Авентинтинский холм для гадания... – Авгур (здесь сам Ромул) ставит определенные вопросы, на которые боги должны ответить определенными же знамениями. Обычай вопрошать волю богов перед вступлением во власть или перед началом какого-либо важного предприятия остался и впоследствии. Коллегиальное устройство авгуров получили при царе Нуме (гл. 18).

¹⁶ ... Ромул один завладел царством, а основанный город был назван именем основателя. – Тит Ливий оставляет открытым вопрос, происходил ли спор до или после основания Рима. Впрочем, этимологически невозможно произвести *Roma* от *Romulus*; из имени *Romulus* вышло бы *Romula*, но так как уменьшительная форма имени могла иметь дурное значение для будущего государства, то она была изменена в *Roma*.

¹⁷ ...пастух по имени Как... – Как у поэтов является чудовищем, полузверем; потомок Вулкана. Весьма вероятно, что италийские греки отождествляли его имя с прил. *κακός* («злой»), и в этом смысле он удобно противопоставлялся «доброму мужу» (Евандру). Жил Как, по одним источникам, на Палатине, где и позже показывали «лестницу Кака» (*Scalae Caci*), ведущую к цирку, по другим – на Авентине.

¹⁸ ...муж этот пользовался уважением за удивительные письма... – Т. е. латинский алфавит, которому приписывается греческое происхождение (от Евандра); занесен он был в Лаций, вероятно, через Кумы.

¹⁹ ...в божественную силу его матери Карменты... – Кармента (от лат. *carmen* – «песнь», «пророчество») – древнеримское

прибытия туда Сивиллы²⁰. Этот-то Евандр встревожен был суетой пастухов, в страхе бегавших около чужестранца, явно виновного в убийстве. Узнав о преступлении и причине его и видя, что рост и вся внешность этого мужа значительно больше и внушительнее, чем у смертного, он спросил, что он за человек. Услышав имя его, его отца и отечество, он сказал: «Привет тебе, Геркулес, сын Юпитера! Мать моя, правдивая истолковательница воли богов, предсказала, что ты увеличишь число небожителей и что тебе будет здесь посвящен жертвенник и некогда могущественнейший народ на земле будет именовать его Величайшим²¹ и поклоняться ему по обычаю, тобою установленному!» Подав правую руку, Геркулес сказал, что он принимает пророчество и готов исполнить волю судьбы, основав и посвятив жертвенник. Тут впервые принесена была в жертву Геркулесу избранная из стада корова; к участию в служении и пиршестве приглашены были Потиии и Пинарии – как роды, пользовавшиеся тогда наибольшим почетом в тех местах. Случайно вышло, что Потиии явились вовремя и им предложены были внутренности, Пинарии же успели к остальной части пира, когда внутренности были уже съедены. Отсюда сохранился обычай, что, пока существовал род Пинариев, они не ели внутренностей от праздничных жертв. Наученные Евандром²² Потиии много веков были предстоятелями этих священнодействий, пока не исчез род их вследствие того, что это священное служение их было поручено общественным рабам. Это единственные священнодействия, которые перенял от чужестранцев Ромул, уже тогда почитатель приобретенного доблестью бессмертия, к которому вела его собственная его судьба.

8. Когда богопочитание было устроено надлежащим образом, то он, созвав собрание, дал толпе законы, так как ничем иным нельзя было сплотить ее в один народ. Полагая, однако, что законы только в том случае будут уважаемы поселянами, если внешние знаки власти внушат им почтение к нему самому, он возвысил себя в их глазах общей обстановкой и, главное, завел себе двенадцать ликторов²³. Некоторые полагают, что он выбрал это число, сообразуясь с числом птиц, которые предрекли ему царскую власть; я же склоняюсь к мнению тех, которые думают, что и служители этого рода, и число их заимствовано у соседей-этрусков, откуда взято и курульное кресло, и тога-претекста²⁴; а у этрусков было так установлено, потому что у них двенадцать племен сообща избирали царя и каждое племя давало по одному ликтору.

Между тем, с присоединением все новых и новых мест, укрепления города росли; но они возводились больше в расчете на будущий прирост населения, чем сообразно с тем, которое было тогда. А затем, чтобы большой город не оставался пустым, для увеличения населения открыто было убежище, которое находится за загородкой, если спускаться с Капитолия²⁵, и

божество, отождествленное впоследствии с матерью или женой Евандра. Почиталась как пророчица и родовспомогательница. Кроме древнего алтаря на Бычьем рынке ей был посвящен небольшой храм у ворот в ее честь у подножия Капитолия; в честь нее проводился праздник Карменталий. – *Примеч. ред.*

²⁰ ...еще до прибытия туда Сивиллы. – Сивилла прибыла в Италию, по преданию, после разрушения Трои.

²¹ ...тебе будет здесь посвящен жертвенник и некогда могущественнейший народ на земле будет именовать его Величайшим... – Жертвенник Геркулеса – *Ara maxima* – вместе с часовней находился у входа в цирк на Бычьем рынке, названном так потому, что здесь, по преданию, остановился Геркулес со своими быками. При его жертвеннике заключались договоры; в дар ему приносили десятую часть приобретенного добра.

²² Наученные Евандром... – Жертву надлежало приносить с непокрытой головой, жертвенное угощение съедать сидя и не допускать к нему женщин; все это, по одним источникам, было установлено Евандром со слов Геркулеса, по другим – самим Геркулесом.

²³ ...двенадцать ликторов. – Ликторы – прислужники при высших должностных лицах. Совмещали функции телохранителей, палачей и т. п. Количество ликторов зависело от ранга должностного лица. – *Примеч. ред.*

²⁴ ...откуда взято и курульное кресло, и тога-претекста... – Курульное кресло и тога-претекста – знаки царской власти, заимствованные у этрусков. Курульное кресло – переносное сиденье из слоновой кости, тога-претекста – тога, окаймленная пурпурной полосой. – *Примеч. ред.*

²⁵ ...для увеличения населения открыто было убежище, которое находится за загородкой, если спускаться с Капитолия... – В ложбине, находящейся между двумя вершинами Капитолия, в то время покрытыми лесом, находился храм бога Вейовиса, защищавшего и очищавшего бежавших к нему рабов, должников и преступников. Подобные убежища существовали и в других местах Италии.

называется *«inter duos lucos»*. Воспользовался Ромул при этом старым обычаем основателей городов, которые, привлекая к себе толпу темного и низкого происхождения, сочиняли потом, что народ родился у них из земли. Туда сбегался из соседних племен всякий сброд, без различия, свободные и рабы, желавшие перемены своего положения, и это было основой создаваемого величия. Когда уже не было недостатка в людях, он учреждает совет, избрав сто старейшин или потому, что считал это число достаточным, или потому, что было всего сто человек, которых можно было выбрать в «отцы». «Отцами» они названы были, конечно, вследствие почета, которым пользовались, дети же их получили наименование «патриции»²⁶.

9. Уже Рим окреп настолько, что мог померяться силами с любым из соседних государств; но за отсутствием женщин это могущество могло продолжиться лишь человеческий век, так как у них дома не было надежды на продолжение рода, не было и брачного союза с соседями. И вот, по совету отцов, Ромул отправил к соседним племенам послов просить союза и договора, обеспечивающего для нового народа право вступать в браки. «Города, – говорили они, – как и все остальное, возникают из ничтожества; затем кому помогает своя доблесть и боги, те приобретают великое могущество и великое имя. Нам достаточно известно, что и боги помогли возникновению Рима, и в доблести не будет недостатка. Итак, вы – люди – не гнушайтесь вступить в кровное родство с людьми!» Нигде послы не были выслушаны приветливо – так презирали их соседи и в то же время боялись за себя и потомство ввиду того, что среди них крепнет такая сила. Большинство отвергло их, спрашивая, отчего бы не открыть им убежища и для женщин – вот было бы как раз подходящее супружество!

Это очень оскорбило римскую молодежь, и дело явно стало клониться к насилию. Чтобы выбрать время и место к тому, Ромул, скрыв огорчение, преднамеренно затевает торжественные игры в честь Нептуна Конного и называет их Консуалиями²⁷. Затем приказывает объявить о предстоящем зрелище соседям и, чтобы придать ему блеск и интерес, он делает к играм роскошные приготовления, какие только были известны и возможны в то время. Сошлось много людей, желавших вместе с тем и посмотреть на новый город, преимущественно же соседи: жители Ценины, Крустумерии, Антемны; пришел и весь народ сабинский с женами и детьми. Радужно приглашенные по домам, ознакомившись с положением города, его стенами и многочисленными зданиями, они дивятся, что могущество римлян выросло в столь короткое время. Когда наступило время игр и взоры всех с напряженным вниманием были обращены туда, согласно уговору, произошло нападение: по данному знаку римские юноши бросаются в разные стороны похищать девушек. Большею частью хватали кому какая попадалась; но некоторых, выдававшихся красотой и предназначенных главнейшим из отцов, приносили в их дома простолудины, которым было поручено это дело. Рассказывают, что одна девушка, далеко превосходившая всех красотой и фигурой, захвачена была шайкой некоего Талассия, и когда многие спрашивали, кому несут ее, то во избежание оскорбления ее много раз кричали: «Талассию!»; отсюда этот возглас вошел в употребление при свадьбах²⁸.

Вследствие происшедшей отсюда паники игры расстроились, и печальные родители девушек бежали, жалуясь на нарушение закона гостеприимства и вызывая к богу, на торжественные игры которого они пришли, будучи безбожно и вероломно обмануты. Да и похищенные были также в отчаянии и не менее негодовали. Но сам Ромул обходил их и объяснял, что это про-

²⁶ ...наименование «патриции». – Патриции, или отцы (*patres*), были главами «фамилий» – больших патриархальных семей, из которых состоял род. Из их числа и составлялся первоначально сенат; слова «отцы» и «сенаторы» в книгах Ливия часто равнозначны.

²⁷ ...затевает торжественные игры в честь Нептуна Конного и называет их Консуалиями. – Имя бога, соответственно названию праздника, было Конс; он был покровителем земледелия; его жертвенник находился в конце цирка и оставался весь год засыпанным; отрывали его всего три раза в год, преимущественно в дни Консуалий – 21 августа и 15 декабря.

²⁸ ...отсюда этот возглас вошел в употребление при свадьбах. – «Талассию!» кричали невесте при входе ее в дом жениха; это имя одного из участников похищения сабинянок.

изошло вследствие гордости их родителей, отказавших соседям в брачном договоре; тем не менее они, став законными супругами, будут участницами в имуществе, гражданских правах и, что всего дороже людям, будут иметь законных детей; пусть они только смягчат свой гнев и отдадут сердца свои тем, кому судьба отдала их тела. Часто из обиды со временем возникает расположение, и они приобретут себе тем лучших мужей, что каждый со своей стороны, по мере сил своих, будет стараться, выполнив обязанности супруга, вознаградить их и за тоску по родителям и родине. Присоединялись сюда ласковые речи мужей, оправдывавших свой поступок страстной любовью, а для женщин это наиболее действительное средство.

10. Уже сердца похищенных были совсем смягчены, а родители их тем временем, в траурной одежде, слезно жалуясь, волновали общины; выражая свое негодование, они не ограничивались своими пределами, а стекались сами и присылали посольства отовсюду к сабинскому царю Титу Тацию, так как имя его пользовалось известностью в тех пределах. В числе обиженных были жители Ценины, Крустумерии и Антемн; считая Тита Тация и сабинян слишком медлительными, эти три народа сообща стали готовиться к войне; но и жителей Крустумерии и Антемн крайне раздраженные ценинцы признали недостаточно энергичными, и вот они одни нападают на римские пределы. Но Ромул с войском встречает их, когда они врассыпную производили опустошения, и в легкой стычке показывает им, что бессильный гнев ни к чему не ведет: войско их он рассеивает, обращает в бегство и преследует, царя их убивает в битве и снимает с него доспехи, а вследствие гибели неприятельского вождя и город берет при первом натиске.

Возвратившись домой с победоносным войском и будучи мужем столь же великим по своим подвигам, сколько любящим блеснуть ими, он повесил доспехи с убитого вражеского вождя на нарочно для того устроенные носилки и вступил на Капитолий²⁹; положив здесь их у дуба, чтимого пастухами, и принеся дары, он назначил место для храма Юпитера и дал богу новое прозвище. «Юпитер Феретрийский»³⁰, – сказал он, – я, победоносный царь Ромул, приношу тебе это царское оружие и посвящаю храм в этих пределах, которые я мысленно только что обозначил³¹, место для «тучных доспехов», которые, следуя моему примеру, будут приносить потомки, убив неприятельских царей и вождей». Таково происхождение первого храма, посвященного в Риме³². Так затем судили боги, чтобы не напрасны были эти слова основателя храма, возвестившего, что потомки будут приносить сюда доспехи; но вместе с тем честь принесения этого дара не сделалась обыною, так как она выпала на долю немногих: в последующее время, в течение стольких лет и при столь большом числе войн, дважды только были приобретены «тучные доспехи»³³ – так редко посылала судьба это отличие.

11. Тем временем полчища антемнян, пользуясь удобным случаем – отсутствием римского войска, напали на их пределы. Но и против них быстро приведено было римское войско и захватило их, когда они рыскали по полям. Вследствие этого при первом натиске, при первом крике неприятель бежал, а город был взят. Ромул торжествовал двойную победу, и жена его Герсилия, уступая просьбам похищенных, убеждает его простить их родителей и принять в число граждан, указывая, что так, путем соглашения, община может усилиться. Ромул легко

²⁹ ...он повесил доспехи с убитого вражеского вождя на нарочно для того устроенные носилки и вступил на Капитолий... – Это еще не был триумф, учреждение которого Ливий приписывает Тарквинию (38 гл.).

³⁰ Юпитер Феретрийский... – Юпитер Феретрийский почитался как воинское божество, которому посвящались «тучные доспехи», снятые с предводителя неприятельского войска римским полководцем. Храм Юпитера Феретрийского (старший в Риме) был мал, и в нем не было статуи бога – только скипетр и кремень.

³¹ ...приношу тебе это царское оружие и посвящаю храм в этих пределах, которые я мысленно только что обозначил ... – Ромул совершает действия, приписываемые в других местах авгуру (ср. гл. 18).

³² ...первого храма, посвященного в Риме. – Храм этот находился на западном склоне Капитолийского холма.

³³ ...дважды только были приобретены «тучные доспехи»... – В первый раз после Ромула «тучные доспехи» принес Авл Корнелий Косс, убив вейского царя Толумния (IV, 19), во второй – Марк Клавдий Марцелл, убив инсубрийского царя Виридомара (222 до н. э.).

склонился на ее просьбу. Затем он отправился на жителей Крустумерии, сделавших вражеское нападение. Тут борьба была еще короче, так как неприятели пали духом вследствие поражений, понесенных другими. В обе области были выведены колонии; так как Крустумерия была очень плодородна, то в те земли нашлось больше охотников; а оттуда многие переселились и в Рим, преимущественно из родителей и родственников похищенных.

Следующее нападение сделано было сабинянами, и оно было всех серьезнее. Они действовали не под влиянием раздражения и увлечения и объявили войну, лишь когда начали ее. К обдуманному плану присоединилось коварство. Начальником римской Крепости³⁴ был Спурий Тарпей. Его дочь, девушку, Таций подкупил золотом, чтобы она впустила вооруженных в Крепость – она случайно пошла тогда за городские стены за водой для священнодействий. Войдя в Крепость, сабиняне забросали ее оружием, или с той целью, чтобы казалось, будто они силой заняли Крепость, или чтобы показать пример, что по отношению к предателю вовсе не обязательно держать слово. Присоединяют баснословный рассказ, будто она выговорила себе то, что они носят на левой руке, так как у всех сабинян на левой руке были тяжелые золотые браслеты и большие кольца с камнями; но они вместо даров из золота набросали ей щитов. Некоторые говорят, что она в условии передачи Крепости прямо требовала оружие, которое у них было в левой руке, вследствие чего была заподозрена в коварстве и умерщвлена тем, что сама себе выговорила как плату за услугу.

12. Так или иначе, но Крепость была в руках сабинян, и на следующий день, когда выстроившееся римское войско наполнило все пространство между Палатинским и Капитолийским холмами, они спустились на равнину лишь тогда, когда раздраженные римляне, горя желанием вернуть Крепость, пошли на приступ. И тут и там к битве поощряли вожди: со стороны сабинян – Меттий Курций, а со стороны римлян – Гостий Гостилий. Стоя в первом ряду, он своей бодростью и смелостью поддерживал римлян, хотя они занимали невыгодную позицию. Как только Гостий пал, римское войско тотчас дрогнуло и побежало по направлению к старым воротам Палатинского холма. Ромул, также увлекаемый толпою бегущих, подняв оружие к небу, воскликнул: «Юпитер! По приказанию посланных тобою птиц я положил здесь, на Палатинском холме, основание городу. И уже сабиняне, купив преступлением Крепость, владеют ею; оттуда с оружием в руках они стремятся сюда и уже перешли середину долины; но ты, отец богов и людей, хоть сюда непусти врагов, освободи римлян от страха и останови позорное бегство. Здесь я посвящаю храм тебе, Юпитеру Статору³⁵, который да послужит на память потомству, что город спасен твоей явной помощью». Так, помолившись и как бы чувствуя, что молитва его услышана, он сказал: «Отсюда, римляне, Юпитер Всеблагий Всемогущий³⁶ приказывает остановиться и возобновить битву!» И римляне, точно по мановению небесного голоса, остановились; сам Ромул выбегает в первый ряд. Со стороны сабинян первым сбежал с Крепости Меттий Курций и гнал римлян по всему пространству, занятому теперь форумом³⁷. И уже он был недалеко от Палатинских ворот, крича: «Мы победители вероломных друзей и слабых врагов; теперь-то они знают, что одно – похищать девушек, а другое – сражаться с мужами!» Когда он так похвалялся, на него напал Ромул с горсткой самых отважных юношей. Случайно Меттий сражался в ту минуту, сидя на коне; тем легче было обратить его в бегство; римляне преследовали его. И другой отряд, воспламененный смелостью царя, рассеял сабинян. Меттий бросился

³⁴ ...римской Крепости... – Крепость – одна из двух вершин Капитолийского холма.

³⁵ ...посвящаю храм тебе, Юпитеру Статору... – Храм Юпитера Статора (Становителя) был сооружен лишь в 294 году до н. э. консулом Марком Атилием Регулом по обету, данному им в битве при Луцерии.

³⁶ ...Юпитер Всеблагий Всемогущий... – Юпитер Всеблагий Всемогущий (*Jupiter Optimus Maximus*), или Юпитер Капитолийский – главное божество пантеона. Первоначально олицетворял силы солнечного света, молнии, грома и бури. – *Примеч. ред.*

³⁷ ...по всему пространству, занятому теперь форумом. – Форум – главная площадь Рима, в низине между Палатином и Капитолием.

в болото, так как конь его был перепуган шумом преследующего неприятеля; это обстоятельство – опасность столь важного лица – отвлекло и сабинян. И когда он, одобренный многочисленными знаками сочувствия и криками своих, выбрался, римляне и сабиняне среди равнины, лежащей между двумя холмами, возобновляют битву. Но перевес был на стороне римлян.

13. Тогда сабинские женщины, из-за оскорбления которых началась война, победив под влиянием беды женский страх, с распущенными волосами, в растерзанной одежде, решились броситься меж летающих стрел и разнять сражающиеся войска, разнять раздраженных; зывая, с одной стороны, к отцам, с другой – к мужьям, они просили их не обагрять себя безбожно кровью, указывая им на то, что они тести и зятья, не осквернять потомков – одни внуков, другие детей – убийством кровных своих. «Если вы негодуете на свойство, если вы негодуете на брак, то обратите свой гнев на нас; мы – причина войны, мы – причина ран и смерти наших мужей и родителей; лучше нам погибнуть, чем жить без кого-нибудь из вас или вдовами или сиротами». Это тронуло и толпу, и вождей; сразу водворяется тишина и спокойствие; затем выходят вперед вожди для заключения договора; и не только заключается мир, но два государства соединяются в одно; царское достоинство делают общим и всю верховную власть сосредоточивают в Риме. Чтобы и за сабинянами осталось хоть что-нибудь, жители удвоившегося таким образом города получили название «квиритов» от имени города Куры. Памятником этой битвы осталось название Курциева озера за тем местом, где остановилась лошадь Курция, выбравшись из болота.

Неожиданное и радостное водворение мира после столь прискорбной войны сделало сабинянок еще более дорогими и мужьям, и родителям, и прежде всех самому Ромулу. Поэтому, разделяя народ на тридцать курий, он назвал их именами женщин. Относительно того нет известия, давалось ли право наименования курий женщинам по их возрасту, или по знатности их или мужей, или по жребию, так как несомненно, что число женщин было гораздо больше числа курий. В то же время были набраны и три центурии всадников: Рамны получили имя от Ромула, Тиции – от Тита Тация, причина же наименования и происхождения Луцеров неизвестна. С этого времени оба царя царствовали не только сообща, но и в согласии.

14. Несколько лет спустя родственники царя Тация прогнали послов лаврентских, и, когда лаврентийцы на основании международного права стали требовать удовлетворения, Таций отдал предпочтение расположению к своим и их просьбам. Вследствие этого наказание, следовавшее им, он обратил на себя: прибыв в Лавиний для торжественного жертвоприношения³⁸, он был убит напавшей на него толпой. Рассказывают, что Ромул отнесся к этому случаю более спокойно, чем следовало бы, или потому, что управление сообща включает в себе начало неверности, или потому, что считал это убийство совершенно справедливым. Итак, воздержавшись от войны, он, однако, возобновил договор между городами Римом и Лавинием³⁹, чтобы очистить народ, повинный в оскорблении послов и убиении царя.

Таким образом, с ними, сверх чаянья, сохранен был мир; но зато возникла другая война, много ближе, почти у самых ворот города. Фиденяне, руководясь мыслью, что слишком близко от них растет могущественное государство, поспешили начать войну, прежде чем сила его достигнет тех размеров, которых она, очевидно, должна была достичь. Посланы были вооруженные юноши, которые опустошили все пространство между городом и Фиденями; затем, так как справа мешал Тибр, то, повернув в левую сторону, они продолжают опустошение, наводя великий страх на поселян; и неожиданное смятение, проникшее с полей в город, возвестило о беде. Так как столь близкая война не могла терпеть отлагательства, то встревоженный Ромул

³⁸ ...прибыв в Лавиний для торжественного жертвоприношения... – Как римский царь, Тит Таций приносил жертву богам Латинского союза на праздник пенатов; впоследствии это делали консулы и диктаторы при вступлении в должность и оставлении поста.

³⁹ ...возобновил договор между городами Римом и Лавинием... – Договор этот возобновлялся ежегодно после Латинских празднеств даже тогда, когда латины были уже покорены.

выводит войско и располагается лагерем в тысяче шагов⁴⁰ от Фиден. Оставив здесь небольшой отряд, он двинулся со всеми силами, а части воинов приказал сесть в засаде в потаенном месте, окруженном густыми кустарниками; затем, двинувшись с большей частью пехоты и всей конницей, он начал шумную и грозную битву и, подъезжая почти к самым городским воротам, выманил неприятеля, чего и добивался. В то же время конная битва подала естественный предлог к бегству, в которое надо было обратиться притворно. И когда конница как бы колебалась, недоумевая, сразиться или бежать, а вследствие этого и пехота стала пятиться назад, враги, высыпав из настежь отворенных ворот, заставили римское войско отступить и, горя желанием наступать и преследовать, завлечены были в место засады. Внезапно выскочив оттуда, римляне напали с фланга на врага; паника усилилась при виде двигавшихся со стороны лагеря знамен тех отрядов, которые оставлены были на защиту его. Таким образом, пораженные ужасом со всех сторон фиденяне бросились бежать чуть ли не прежде, чем Ромул и бывшие с ним всадники успели повернуть лошадей. И вот те, которые только что гнались за притворно бегущими, неслись к городу в гораздо большем беспорядке, так как их бегство было настоящее. Однако они не ускользнули от рук неприятеля; преследовавшие по пятам римляне, смешавшись с ними, ворвались в город, прежде чем были заперты ворота.

15. Война, затеянная фиденянами, перекинулась на их родственников (фиденяне были тоже этруски), вейян, которых беспокоила близость Рима, в случае если римляне станут грозить оружием всем соседям. Вейяне сделали набег на римские пределы скорее с целью произвести опустошение, чем по обычаю настоящей войны; не располагаясь лагерем, не дожидаясь неприятельского войска, они вернулись в Вейи с добычей, награбленной с полей. Напротив, римляне, не обнаружив в полях врага, перешли Тибр, построившись и внимательно ожидая решительного сражения. Услыхав, что они располагаются лагерем и собираются подступить к городу, вейяне выступили навстречу им, предпочитая решить дело в открытом бою, чем, будучи запертыми, сражаться за свой кров и стены. Здесь римский царь победил без всяких искусственных средств, опираясь исключительно на силу старого войска; преследуя рассеявшегося неприятеля до стен, он не напал на город, так как последний был укреплен стенами и самим положением. На обратном пути он опустошает поля не столько ради добычи, сколько с тем, чтобы отомстить врагу. И эта беда не менее, чем несчастная битва, побудила вейян послать в Рим послов просить мира; часть полей была отнята у них, а затем им дано перемирие на сто лет.

Вот приблизительно все, что совершено было в царствование Ромула дома и на войне [753–717 гг.]; все это нисколько не противоречит вере в его божественное происхождение и признанию, что после смерти он причислен к богам, – взять ли дух его, выразившийся в возвращении царства деду, или план основания города и укрепления его военными и мирными средствами. Он ведь дал ему столько силы, что в течение последующих сорока лет можно было безопасно жить в мире. Больше ему предан был народ, чем отцы, но наибольшим сочувствием он пользовался среди воинов; из них-то не только в военное, но и в мирное время он всегда держал при себе как телохранителей триста человек, которых наименовал «быстрыми»⁴¹.

16. Когда, свершив эти бессмертные дела, он созвал собрание, чтобы произвести смотр войска на поле у Козьего болота⁴², внезапно налетевшая буря, сопровождаемая раскатами грома, окружила царя столь густым облаком, что он сделался невидим собранию; и после того Ромула не стало на земле. Римские юноши, оправившись от страха, когда за такой бурей наступила тишина и возвратился солнечный свет, увидели царское седалище пустым; хотя они

⁴⁰ ...в тысяче шагов... – Тысяча шагов равна одной римской миле. «Шаг» (*passus*, т. е. двойной шаг) равнялся 5 футам (римский фут = 29,57 см).

⁴¹ ...наименовал «быстрыми». – «Быстрыми» назывались всадники, чье наименование Тит Ливий и другие писатели ошибочно перенесли на царских телохранителей.

⁴² ...у Козьего болота... – Козье болото – озерцо или болото на Марсовом поле.

вполне верили стоявшим ближе отцам, что он взят бурей на небо, однако в унынии долго хранили молчание, как бы пораженные страхом своего сиротства. Затем, по почину немногих, все приветствуют Ромула как бога, сына бога, царя и родоначальника города Рима⁴³; в молитвах испрашивают у него благоволения, чтобы он благосклонно и милостиво всегда охранял свое потомство.

Я полагаю, что уже тогда были некоторые, которые втихомолку подозревали, что он терзан руками отцов, так как сохранилось и это предание, хотя и очень темное⁴⁴; благоговение перед этим мужем и объявивший всех в данную минуту страх придали больше веса первому преданию. К подтверждению его послужила еще, как рассказывают, находчивость одного человека. В то время как государство, тоскуя по царю, было в тревожном состоянии и враждебно настроено против отцов, выступил в собрании Прокул Юлий верным, как говорит предание, свидетелем, хотя и по чудесному делу. «Граждане! – сказал он. – Ромул, отец нашего города, совершенно неожиданно спустившись с неба, повстречался мне сегодня на рассвете. Когда я, пораженный ужасом, с благоговением стоял перед ним, моля, чтобы позволено было созерцать его, он сказал мне: “Иди и возвести римлянам: так хотят небожители, чтобы мой Рим был главою вселенной; поэтому пусть они усердно занимаются военным делом и пусть сами знают и так передадут потомкам, что никакие человеческие силы не в состоянии противиться римскому оружию”. Так сказав, он поднялся на небо». Замечательно, какую веру придали этому известию и до какой степени признание бессмертия Ромула успокоило тоску по нему в народе и войске⁴⁵.

17. Между тем умы отцов волновало соперничество и желание захватить царскую власть. Но так как никто еще особенно не выдавался из среды молодого народа, то борьба шла не между отдельными лицами, а партийная – между племенами. Происходившие из сабинян, опасаясь потерять обладание царской властью, хотя союз был и равноправный, желали, чтобы царь был избран из их среды, так как после смерти Тация царя из них не было; коренные же римляне с презрением смотрели на царя-чужеземца. Так как прелесть свободы еще не была изведена, то, несмотря на различие симпатий, все же все желали, чтобы был царь. Затем отцы начали бояться, как бы государство без главы, войско без вождя не подверглись иноземному нападению со стороны многочисленных враждебно настроенных соседних государств. Поэтому, с одной стороны, желали, чтобы был какой-нибудь представитель власти, а с другой – никому и в мысли не приходило уступить сопернику. И вот сто отцов достигают соглашения между собою, установив десять декурий и распределив между ними отдельных лиц, к которым должна была переходить верховная власть. Управляли десять человек; из них один имел знаки власти и ликторов; пребывание в высшей власти ограничивалось пятидневным сроком, и так шло по всем вкруговую⁴⁶. Отсутствие царя продолжалось год⁴⁷; названо оно было «междущарствием», каковым оно было и на самом деле и каковое имя сохраняется и по настоящее время.

⁴³ ...все приветствуют Ромула как бога, сына бога, царя и родоначальника города Рима... – Обогащенный Ромул, отец-основатель города, был отождествлен с сабинским, как считается, богом Квирином. Квирином впоследствии стал одним из наиболее чтимых в Риме богов, его культ часто объединялся с культами других богов – Януса, Марса, Юпитера.

⁴⁴ ...сохранилось и это предание, хотя и очень темное... – Возникновение этой редакции сказания о кончине Ромула относят ко времени борьбы патрициев с плебеями.

⁴⁵ ...и до какой степени признание бессмертия Ромула успокоило тоску по нему в народе и войске. – Апофеоз Ромула относится к позднему времени; Энциклопедия передает его в другой форме, говоря, что Ромул взят был на небо в колеснице отца своего Марса.

⁴⁶ ...и так шло по всем вкруговую. – Рассказ Тита Ливия был бы совершенно ясен, если бы сенат состоял из 100 человек; но в гл. 3 упомянуто, что с принятием сабинян в число римских граждан государство, а следовательно, и число сенаторов, удвоилось, т. е. их было 200. Думать, что участие в управлении принимали не все сенаторы, нельзя; поэтому приходится остановиться на предположении, что все сенаторы делились на десять равных частей, именуемых декуриями, но в каждой декурии было не непременно 10 человек, а могло быть и более. Нельзя с точностью сказать и того, в каком порядке управление переходило от одного лица к другому; чередовались ли между собою сперва все члены I декурии, затем II, III и т. д., или же составлялась коллегия из 10 первых членов каждой декурии, затем из 10 вторых и т. д., до конца. В том и другом случае как

Затем в народе поднялся ропот, что рабство усилилось, что вместо одного теперь сто повелителей; и казалось, что они не станут более повиноваться никому, кроме царя, и при том ими самими избранного. Когда отцы заметили, что движение принимает такое направление, то предпочли сами предложить то, что им предстояло потерять; таким образом, передав народу верховную власть, они заручаются его расположением, хотя предоставленные ему права были не больше удержанных ими самими. Ибо они постановили, чтобы избрание народом царя только тогда было действительно, если отцы утвердят его. И в настоящее время, когда предлагаются законопроекты и избираются должностные лица, сохраняется то же право, хотя оно и лишено значения; дело в том, что прежде, чем народ подает голоса, отцы дают утверждение неизвестному еще результату комиций. Тогда междуцарь, созвав собрание, сказал: «Да послужит это ко благу, счастью и благополучию! Квириты, избирайте царя: таково соизволение отцов. А затем отцы утверждают, если вы выберете достойного стать вторым после Ромула». Это было так приятно народу, что он, не желая отстать в великодушии, сделал только постановление, чтобы сенат выбрал царя для Рима.

18. В то время пользовался известностью за свою справедливость и набожность Нума Помпилий. Жил он в сабинском городе Курах – муж опытнейший в божественных и гражданских законах, насколько это возможно было в те времена. За отсутствием другого, учителем его ошибочно называют самосца Пифагора, между тем как известно, что этот последний, больше ста лет после того, как царем в Риме был Сервий Туллий, живя на отдаленном конце Италии, около Метапонта, Гераклеи, Кротоны, собирал вокруг себя толпы юношей, искавших знания. И хотя бы он жил и в то же время, как молва о нем могла проникнуть из тех мест к сабинянам? Или на каком языке, беседуя, он мог возбудить в ком-нибудь желание учиться? Или при чьей помощи мог он один пробраться через столько племен, различных и по языку, и по нравам? Итак, я считаю более вероятным, что ум Нумы обязан природному дарованию и развился не столько под влиянием иноземной науки, сколько благодаря серьезному и строгому порядку, господствовавшему среди сабинян, благочестивее которых в те времена не было народа.

Услыхав имя Нумы, никто из римских отцов не решился предпочесть ему ни себя, ни кого-либо другого из своей партии, ни из отцов, ни из граждан, и единогласно постановили передать ему царскую власть, хотя и понимали, что с избранием его сила склоняется на сторону сабинян. Получив приглашение, он приказал спросить и о себе богов по примеру Ромула, который принял царство согласно гаданию, произведенному при основании города. И вот, приведенный в Крепость авгуром⁴⁸, который после того получил в виде почести пожизненную жреческую должность от лица государства, он сел на камень, обратившись лицом к югу. Авгур, покрыв его голову, сел слева от него, держа в правой руке загнутую палку без сучков, именуемую жезлом. Обозрев затем город и поля и помолившись богам, он обозначил пределы от востока до запада, сказав, что правая сторона будет считаться на юге, а левая – на севере, а на земле мысленно наметил знак на расстоянии, какое только можно было видеть; затем, взяв жезл в левую руку, правую же возложив на голову Нумы, он молился так: «Отец Юпитер! Если есть на то твоя воля, чтобы этот Нума, голову которого я держу, был царем в Риме, то пошли нам верные знамения в тех пределах, которые я обозначил». Затем он исчисляет те знамения, о ниспослании которых он молил; когда же они были ниспосланы, то Нума был объявлен царем и сошел с места гадания.

порядок декурий, так и порядок отдельных членов каждой декурии определялся жребием.

⁴⁷ *Отсутствие царя продолжалось год...* – И тут неясность: если даже предположить 100 участников в управлении, то и тогда междуцарствие продолжалось не менее пятисот дней, Тит Ливий же говорит о годичном промежутке.

⁴⁸ *...приведенный в Крепость авгуром...* – Авгуры – римские жрецы; они улавливали поданные божеством знаки и толковали их. Особое значение придавалось гаданию по полету птиц (ауспиции). Авгур не предсказывал будущее – он должен был определять, благоприятствуют или не благоприятствуют боги задуманным действиям.

19. Получив таким образом царство, Нума задумал путем установления права, законов и обычаев снова основать молодой город, основанный силою оружия. Понимая, что к этому нельзя привыкнуть среди войн, от которых люди делаются дикими, он решил смягчить суровый народ, отучив его от оружия, и для этого построил на краю Аргилета храм Януса⁴⁹, который должен был служить показателем мира и войны: если он был отперт, то это показывало, что государство находится на военном положении, если же заперт, то значит все окрестные народы пользуются миром. Два только раза затем после царствования Нумы храм был заперт: в первый раз в консульство Тита Манлия, по окончании Первой Пунической войны; во второй (боги сподобили нас видеть это) – когда после битвы при Акции император Цезарь Август водворил мир на море и на суше. Заперев храм Януса и привязав к себе всех соседей союзными договорами, Нума, опасаясь, как бы народ, сдерживаемый до сих пор боязнью перед врагом и военной дисциплиной, освободившись от внешних опасностей, не впал среди мира в распущенность, решил прежде всего внушить страх перед богами – средство самое действительное против непросвещенной и грубой толпы, каковой были в то время римляне. Но так как, не выдумав чуда, нельзя было вложить этот страх в сердца людей, то он делает вид, что у него бывают по ночам свидания с богиней Эгерией; по ее-де совету он учреждает наиболее приятные богам священнодействия и поставляет для каждого бога особых жрецов.

Прежде всего, соответственно движению луны, он разделяет год на двенадцать месяцев⁵⁰; но так как лунный месяц не заключает в себе полных тридцать дней и недостает нескольких дней до полного года, образуемого оборотом солнца от одного солнцестояния до другого, то, вставляя промежуточные месяцы, он устроил дело так, что через каждые двадцать лет дни совпадали с положениями солнца, соответствующими тому году, с которого начали, и число дней всех годов вместе выходило полное. Он же установил дни неслужебные и служебные⁵¹, так как представлялось полезным определить для будущего, чтобы в некоторые дни не позволялось вести дела перед народом.

20. Затем он обратил внимание на избрание жрецов, хотя большинство жреческих обязанностей он оставил за собой, преимущественно те, которые теперь переданы фламину Юпитера. Но так как он думал, что среди воинственного народа будет больше царей, похожих на Ромула, чем на Нуму, и что они сами будут ходить на войну, то для того, чтобы священнодействия, связанные с царским саном, не оставались в пренебрежении, он учредил Юпитеру постоянного жреца – фламина – и присвоил ему блестящую одежду и царское курульное кресло. К нему он присоединил двух фламинов – одного Марсу, а другого Квирина⁵² – и избрал дев Весте; это жреческое звание идет из Альбы и не чужое роду основателя Рима. Чтобы они были постоянными предстоятельницами храма, он назначил им жалованье от казны, а обязав их быть девами и окружив их церемониалом, он сделал их уважаемыми и неприкосновенными⁵³. Он избрал также двенадцать салиев⁵⁴ Марсу Защитнику и дал им вышитую тунику,

⁴⁹ ...на краю Аргилета храм Януса... – Храм Януса имел только две стены и крышу; остальные две стены заменяли ворота; в храме стояло изображение Януса, во времена Нумы единственная статуя бога. Аргилет – улица на северо-востоке от форума.

⁵⁰ ...он разделяет год на двенадцать месяцев... – Создание первого римского календаря приписывалось античной традицией Ромулу. Царь Нума Помпилий (ок. 700 до н. э.) преобразовал древнейший римский календарь, состоявший из десяти месяцев (304 дня). Он высчитал, что в году 355 дней, и разделил каждый год на двенадцать месяцев; первым месяцем римского календаря считался март. Около 451 года до н. э. высшие римские чиновники (децемвиры) привели последовательность месяцев прежнего календаря к нынешнему виду, перенеся начало года с 1 марта на 1 января. – *Примеч. ред.*

⁵¹ ...установил дни неслужебные и служебные... – В «служебные» дни можно было заниматься общественной деятельностью и вести судебные дела. Занятие общественными делами в «неслужебные», праздничные дни требовало искупления очистительной жертвой.

⁵² ...он учредил Юпитеру постоянного жреца – фламина... К нему он присоединил двух фламинов – одного Марсу, а другого Квирина... – Фламин – в Риме жрец определенного бога, который должен был совершать ежедневные жертвоприношения. Упомянутые три фламина назывались «старшими» и всегда выбирались из патрициев; кроме того, было двенадцать младших фламинов. Бог Квирина считался ипостасью Марса (олицетворял Марса мирного в отличие от Марса военного).

⁵³ ...он назначил им жалованье от казны, а обязав их быть девами и окружив их церемониалом, он сделал их уважаемыми

поверх туники медный панцирь и небесные щиты, именуемые «анцилиями»⁵⁵, которое приказал носить, шествуя в торжественной пляске на три счета по городу и воспевая гимны⁵⁶. Затем он избрал из среды отцов понтифика – Нуму Марция, сына Марка, и передал ему точное описание всех священнодействий, какие жертвы, в какие дни и при каких храмах следует приносить и откуда испрашивать потребные для этого деньги. Равным образом все остальные общественные и частные священнодействия он подчинил решению понтифика⁵⁷, чтобы было к кому обращаться народу за советом, во избежание нарушения божественных законов, происходящего от небрежения отеческими преданиями или заимствования иноземных обычаев. Тому же понтифику предоставлено было давать наставления не только касательно обрядов, сопровождающих служение небожителям, но и относительно надлежащего погребения и умиловливания тени усопшего, а равно какие знамения, посылаемые в виде молнии или иного явления, должны быть принимаемы и предотвращаемы жертвами. Чтобы вывести их у богов, он посвятил на Авентинской горе жертвенник Юпитеру Элицию⁵⁸, и узнал от бога при помощи авгура, какие знамения следует принимать.

21. Пока обсуждалось и устанавливалось все это, народ забыл совершенно о военных делах, умы постоянно были заняты чем-нибудь, а непрестанная забота о богах, заставлявшая думать, что они сами участвуют в человеческих делах, наполнила сердца таким благочестием, что государственная жизнь была более управляема добросовестностью и клятвой, чем страхом перед карой закона. И в то время, как сам народ подражал в своих нравах примеру царя, этого отменного мужа, и соседние народы, думавшие прежде, что среди них возник не город, а лагерь, чтобы нарушать общий мир, прониклись уважением и считали безбожным оскорблять государство, всецело обратившееся к богопочтению. Была роща, середину которой постоянно орошал источник, вытекавший из тенистой пещеры. Так как Нума часто удалялся туда один, будто бы для свиданий с богиней, то и посвятил ее Каменам, потому что, по его словам, там они собирались с супругой его Эгерией⁵⁹. Установил он и почитание богини Верности. К капищу ее⁶⁰ он велел ездить фламинам на паре в колеснице с дугообразной покрывкой и совершать жертвоприношение рукою, завернутой до пальцев, в знак того, что Верность должна быть почита-

и неприкосновенными. – Возведению в весталки предшествовали гадания; эти жрицы имели особенную, приличествующую их званию одежду и пользовались разными преимуществами. В храме Весты, этом очаге Римского государства, лежавшем на склоне Палатинского холма, обращенном к форуму, весталки должны были поддерживать неугасимый огонь. Жалование, о котором упоминает Тит Ливий, вероятно, не было постоянным, а выдавалось единовременно при вступлении в жреческое звание.

⁵⁴ ...избрал также двенадцать салиев... – Салии – члены древнейших жреческих коллегий, Палатинской и Коллинской. Название салиев уже древние производили от *salii* – «прыгуны», имея в виду совершаемое ими по городу шествие на три счета (*tripudium*).

⁵⁵ ...и небесные щиты, именуемые «анцилиями»... – Анцилии – священные щиты особой продолговатой формы. По легенде, однажды, когда Нума молился, ему упал на руки щит с неба, и раздался голос, говоривший, что пока этот щит у римлян, их могущество будет незыблемо. Вследствие этого Нума распорядился сделать одиннадцать таких же овальных щитов, так что нельзя было узнать настоящий, и похищение его становилось почти невозможным.

⁵⁶ ...шествуя в торжественной пляске на три счета по городу и воспевая гимны. – Торжественная процессия салиев, обходивших город в марте, сопровождалась пением гимна в честь всех небожителей вместе и каждого в отдельности. Этот гимн (*carmen saliare*) есть древнейший памятник римской поэзии.

⁵⁷ ...все остальные, общественные и частные, священнодействия он подчинил решению понтифика... – Понтифики – высшая жреческая коллегия, надзиравшая за другими жреческими коллегиями, ведала составлением календарей, обрядами, сакральным правом и т. д. Здесь, очевидно, речь идет о *верховном* понтифике, который, не заведая культом определенного божества, наблюдал за всеми вообще священнодействиями; это звание долго оставалось за патрициями, державшими плебеов в зависимости и в религиозном отношении.

⁵⁸ ...жертвенник Юпитеру Элицию... – Элиций – т. е. вызванный с неба, являющийся в виде молнии и тем обнаруживающий свою волю.

⁵⁹ ...и посвятил ее Каменам, потому что, по его словам, там они собирались с супругой его Эгерией. – Камены – нимфы источника, имеющие дар прорицания, впоследствии были отождествлены с Музами; посвященная им роща находилась у Капенских ворот; из находившегося тут источника весталки брали воду для храма. Эгерия – итальяское божество водных источников. – *Примеч. ред.*

⁶⁰ К капищу ее... – Капище богини Верности находилось на Капитолии.

ема и что священное седалище ее находится и в деснице. Он учредил и много других священных действий и для совершения их освятил места, именуемые понтификами «Аргеями»⁶¹. Но главным делом всего его правления была охрана мира наравне с царством.

Таким образом, два царя, следовавших один за другим, укрепили государство каждый по-своему: один – войною, другой – мирными средствами. Ромул царствовал тридцать семь лет, Нума – сорок три года. Государство было сильно и хорошо организовано и для мира, и для войны.

22. Со смертью Нумы вновь наступило междоусобие. Затем народ избрал в цари Тулла Гостилия⁶², внука Гостилия, прославившегося битвою против сабинян у подножия Крепости; отцы утвердили избрание. Этот не только не походил на своего предшественника, но был еще воинственнее Ромула. Побуждали его к тому столько же его возраст и силы, сколько слава деда. Итак, считая, что государство слабеет от мира, он искал повсюду случаев затеять войну. Как раз римские поселяне угнали скот с альбанских полей, а альбанские – с римских. Во главе правления в Альбе стоял в то время Гай Клуилий⁶³. Из обоих государств почти одновременно отправлены были посольства требовать удовлетворения. Тулл наказал своим послам прежде всего вести переговоры о том, что им поручено, хорошо зная, что альбанцы откажут; таким образом можно будет объявить войну вполне законно. Альбанцы действовали беспечнее. Любезно и милостиво принятые Туллом как гости, они охотно участвуют в царском пиршестве. Тем временем римляне первые потребовали удовлетворения и вследствие отказа альбанцев объявили, что через тридцать дней начнется война. С этим известием они вернулись к Туллу; а тогда и он предложил послам высказать, зачем они пришли. Ничего не зная, они сперва напрасно оправдывались, что против воли своей, повинаясь приказанию, должны сказать нечто неприятное Туллу: они пришли требовать удовлетворения, и если оно не последует, то им приказано объявить войну. На это Тулл отвечал: «Возвестите вашему царю, что римский царь призывает в свидетели богов, пусть они взыщут за все ужасы предстоящей войны с того народа, который первый пренебрег требованием послов, просивших удовлетворения». Это известие и приносят альбанские послы домой.

23. И вот с обеих сторон начались усиленные приготовления к войне, весьма похожей на междоусобную, более того, чуть ли не к войне между родителями и детьми, ведь все они были потомки троянцев, так как Лавиний обязан своим происхождением Трое, Лавинию – Альба, а римляне – роду альбанских царей. Но исход войны не был особенно печален, так как до сражения дело не дошло и оба народа, ограничившись каждый разорением вражеского города, соединились в один. Альбанцы первые с огромными силами напали на римскую область и, расположившись лагерем не более как в пяти тысячи шагов от города, окапывают его рвом; в течение нескольких веков ров этот назывался Клуилиевым, по имени вождя, пока время не изгладило вместе с предметом и самого названия. В этом лагере умер царь альбанский Клуилий, и альбанцы избрали диктатором Меттия Фуфетия⁶⁴.

⁶¹ ...освятил места, именуемые понтификами «Аргеями». – В Риме было 24 часовни (по 6 в каждой городской трибе), которые носили имя Аргеи; 16 и 17 марта совершался ход от одной часовни к другой, причем жена фламينا Юпитера являлась в трауре, знаком которого были непричесанные волосы. Вторая процессия совершалась 15 мая; в ней принимали участие понтики, весталки, преторы и те граждане, которые имели на это право; все шли на Свайный мост и по принесении жертвы бросали в Тибр двадцать четыре куклы, также называвшиеся Аргеями.

⁶² ...избрал в цари Тулла Гостилия... – Тулл Гостилий – легендарный царь Рима, правивший в 672–640 годах до н. э. – *Примеч. ред.*

⁶³ Во главе правления в Альбе стоял в то время Гай Клуилий. – Об отношениях Рима и Альбы Тит Ливий ничего не говорит, и в существовании договора, о котором упоминается ниже, можно сомневаться. На основании рассказа об избрании Меттия Фуфетия диктатором сомнительно, что и Клуилий был царем; вернее всего то, что с прекращением рода Сильвиев вместо царей стали избирать ежегодно сменяемых диктаторов.

⁶⁴ ...альбанцы избрали диктатором Меттия Фуфетия. – Диктатор – должностное лицо с чрезвычайными полномочиями на срок, не превышающий шесть месяцев. Избирался в случае военной опасности, а позднее – для ведения определенных внутригосударственных дел. Назначался консулом по предложению сената. Меттий – латинизированная форма оскского

Между тем Тулл, храбрость которого особенно возросла после смерти царя, миновав ночью неприятельский лагерь, двинулся с войском в Альбанскую область, заявляя, что всемогущие боги, начав с царя, накажут весь альбанский народ за эту нечестивую войну. Это обстоятельство заставило и Меттия двинуться со стоянки; подойдя к неприятелю на возможно близкое расстояние, он посылает вперед посла с приказанием сказать Туллу, что прежде, чем вступать в битву, надо переговорить: если они сойдутся, то он сделает сообщение, несомненно столь же интересное для римлян, сколько и для альбанцев. Тулл, не отказываясь от приглашения, на случай неподходящего предложения, вывел войска на битву. Вышли и альбанцы.

Когда оба войска стали друг против друга в боевом порядке, на средину выступили вожди в сопровождении немногих приближенных. Начинает альбанский вождь так: «Кажется, я слышал, что царь наш Клуилий считал причиной настоящей войны то, что вы обидели нас и не дали удовлетворения, хотя оно было потребовано на основании договора; уверен, что и ты, Тулл, выставляешь то же основание. Но если говорить правду, а не нынешние фразы, то властолюбие подстрекает к войне два родственных и соседних народа. И я не вдаюсь в рассуждения о том, правильно ли это или неправильно: пусть об этом судит тот, кто начал войну; меня альбанцы выбрали вождем, чтобы вести ее. И я хотел бы тебе, Тулл, указать на одно: живя ближе к этрускам, ты лучше меня знаешь, какие большие силы их окружают нас и особенно тебя. Они очень сильны на суше, очень сильны и на море. Помни, что, как только ты дашь сигнал к битве, они будут наблюдать за обоими войсками, чтобы одновременно напасть на утомленных и истощенных победителя и побежденного. Итак, не довольствуясь верной свободой и начиная опасную игру в господство или рабство, изыщем, если мы угодны богам, способ решить без большой беды, без большого кровопролития с обеих сторон, вопрос: кому над кем властвовать».

Тулл одобряет предложение, хотя и по складу характера, и вследствие надежды на победу он был более склонен к войне. Изыскивая способ, обе стороны пришли к решению, осуществлению которого помогла и судьба.

24. Случилось так, что в обеих армиях было тогда по три брата-близнеца, одинаковых и по возрасту, и по силе. Точно известно, чуть ли не точнее всех других событий древности, что то были Горации и Куриации. Но, несмотря на эту точность, остается сомнение относительно имен, к которому народу принадлежали Горации, к которому Куриации. Писатели говорят и то и другое, хотя я нахожу большее число свидетелей, именующих римлян Горациями. На эту сторону склоняется и мое мнение. Цари начинают переговоры с тремя братьями-близнецами, чтобы они сразились за свое отечество: на чьей стороне будет победа, там будет и господство. Они соглашались; стовариваются относительно времени и места. Перед поединком между римлянами и альбанцами заключен был договор с условием, чтобы тот народ, граждане которого выйдут из этого сражения победителями, в полном согласии повелевал другим народом.

Всякий договор, несмотря на различие условий, заключается одинаковым способом. Известий о каком-нибудь более древнем договоре нет, но тогда дело происходило таким образом. Фециал⁶⁵ спросил царя Тулла так: «Повелеваешь ли, царь, заключить союз с уполномоченным⁶⁶ народа альбанского?» Получив приказание от царя, он сказал: «Я требую у тебя, царь,

титула *meddix*. – Примеч. ред.

⁶⁵ Фециал... – Фециалы – коллегия жрецов, ведавшая принципами международного права. Они совершали обряды, которыми сопровождалось объявление войны и заключение мира, и только при условии строгого выполнения этих обрядов война считалась справедливой, а договор действительным. – Примеч. ред.

⁶⁶ ...союз с уполномоченным... – Уполномоченный (*pater patratus*) избирался особо всякий раз из коллегии фециалов и получал особое посвящение, о котором говорит здесь Тит Ливий. При заключении договора он являлся представителем всего римского народа, произносил клятву за него; он же объявлял войну, выдавал нарушителей международного права. Он назывался *pater*, как представитель всего народа, уподобляемого семье, *patratus*, как выбранный и посвященный (глагол *patrare*) для совершения всех необходимых действий и принесения клятвы за народ.

священной травы⁶⁷». Царь отвечал: «Вырви чистую траву». Фециал принес пучок чистой травы из Крепости, затем спросил царя такими словами: «Царь!

Уполномочиваешь ли ты меня с моими сосудами и спутниками⁶⁸ быть царским вестником римского народа квиритов?» Царь отвечал: «Уполномочиваю, и да совершится это без ущерба для меня и римского народа квиритов». Фециалом был Марк Валерий, уполномоченным он сделал Спурия Фузия, коснувшись волос на его голове священной травой. Уполномоченный назначается для произнесения клятвы, то есть для освящения договора, и производит это многословно, в длинной формуле, которую не стоит воспроизводить. Затем, по прочтении условий договора, он говорит: «Услышь, Юпитер, услышь, уполномоченный народа альбанского, услышь ты, альбанский народ! Римский народ не уклонится первым от исполнения всех условий, которые без злого коварства ясно прочитаны от начала до конца из этих навощенных досок и здесь сегодня вполне правильно истолкованы. Если же по общему совету, со злым умыслом он первый уклонится, то ты, Юпитер, в тот день так порази римский народ, как я здесь сегодня поражу этого поросенка, но ты порази тем чувствительнее, чем больше у тебя силы и могущества!» Сказав эти слова, он поразил поросенка кремнем⁶⁹. Так точно альбанцы через своего диктатора и жрецов произнесли свою клятвенную формулу.

25. По заключении договора братья, согласно условию, берутся за оружие. Тем и другим соотечественники напоминали, что на их оружие, на их руки взирают теперь родные боги, отечество и родители, все сограждане, оставшиеся дома, и все находящиеся в войске; и вот они, мужественные и по своему собственному характеру, и вследствие одобрительных возгласов земляков, выступают на середину меж двумя армиями. С той и другой стороны перед лагерем сели воины, скорее свободные от настоящей опасности, чем от тревоги: дело ведь шло о господстве, и защита его возложена была на доблесть и счастье столь немногих. Итак, в крайне напряженном ожидании они устремляют свое внимание на это далеко не приятное зрелище.

По данному знаку шесть юношей, мужество которых равнялось мужеству больших армий, враждебно с оружием в руках сходятся, точно два строя. И ни те ни другие не думают о собственной опасности, но о господстве или рабстве государства, о последующей судьбе отечества, которую создадут они сами. Как только при первой схватке зазвучало оружие и сверкнули обнаженные мечи, страшная дрожь пробежала по членам зрителей, и когда победа не склонялась ни в ту ни в другую сторону, у них захватывало дыхание и прерывался голос. Уже видны были не только движения членов борющихся и ничего не решающие взмахи наступательного и оборонительного оружия, но и раны и кровь, как они схватились врукопашную, и два римлянина, ранив трех альбанцев, пали один за другим бездыханными. При виде этого альбанское войско подняло радостный крик, римские же легионы, потеряв всякую надежду, в ужасе терзались лишь заботой об участии одного, окруженного тремя Куриациями. По случаю он был невредим, так что, далеко не будучи равен всем вместе, был страшен каждому порознь. Итак, чтобы разделить битву с ними, он обращается в бегство, рассчитывая, что они будут преследовать, насколько каждому позволят раны. Уже он пробежал значительное пространство от того места, где сражались, как, оглянувшись, видит, что они гонятся за ним на значительных промежутках и один очень недалеко от него. Стремительно он обращается на него, и пока альбанское войско кричит Куриациям, чтобы они помогли брату, Гораций, убив уже врага, победоносно неся для второй битвы. Тогда римляне поддерживают своего воина кликами, в каких обыкновенно выражается участие к потерявшему было всякую надежду⁷⁰, и он спешит окон-

⁶⁷ ...священной травы. – Трава эта (ее называют железняк) бралась на Капитолии и вырывалась непременно с землей, что служило символом территориальных владений государства. Траву эту вручал фециалу царь, а после – консул.

⁶⁸ ...и спутниками... – По свидетельству Варрона, спутников обычно было четверо.

⁶⁹ ...он поразил поросенка кремнем. – В храме Юпитера Феретрийского хранился кремь, служивший символом Юпитера, карающего нарушителя клятвы ударом молнии.

⁷⁰ Тогда римляне поддерживают своего воина кликами, в каких обыкновенно выражается участие к потерявшему было

чить битву. Итак, прежде чем подоспел третий, находившийся недалеко, он убивает второго Куриация, а когда шансы уже уравнились и оставался один против одного, то ни уверенность, ни силы их не были равны: одному для третьей битвы прибавляло мужества отсутствие ран и двойная победа; другой идет навстречу победоносному врагу, ослабев от раны, утомленный бегом, удрученный смертью двух братьев. И это уже не было сражение. Ликующий римлянин кричит: «Двух я принес в жертву теням братьев; третьего я принесу в жертву во имя того, что возбудило настоящую битву, чтобы римляне повелевали над альбанцами». И когда тот еле держал оружие, он вонзил ему меч сверху в горло и снял доспехи с убитого.

Римляне, ликуя и поздравляя, встречают Горация, и тем большею была их радость, чем страшнее казалось дело. Затем приступают к погребению убитых далеко не в одинаковом настроении, так как одни получили главенство, другие подпали под чужую власть. Могилы находятся на тех местах, где каждый пал: две римских вместе, ближе к Альбе, три альбанских – по направлению к Риму, но на некотором расстоянии друг от друга, соответственно тому, как происходило сражение.

26. Прежде чем разошлись оттуда, на вопрос Меттия, какой приказ будет отдан согласно заключенному договору, Тулл велит держать молодых людей под оружием: ему нужна будет их помощь в случае войны с вейянами. Так войска были оттуда уведены по домам.

Впереди шел Гораций, неся перед собой тройные доспехи; перед Капенскими воротами его встретила сестра – девица, просватанная за одного из Куриациев; узнав на плечах брата плащ жениха; ею самой сделанный, она, распустив волосы, с плачем зовет погибшего жениха по имени. Вопль сестры, несмотря на его победу и столь великую радость государства, привел в негодование свирепого юношу. И вот, обнажив меч, он пронзил девушку с такими бранными словами: «Иди отсюда к жениху со своей несвоевременной любовью, ты, забывшая о павших братьях и о живом, забывшая об отечестве! Так погибнет всякая римлянка, которая будет оплакивать врага».

Этот поступок признан был жестоким и отцами, и народом, но недавняя заслуга смягчала его; тем не менее Гораций был схвачен и приведен на суд к царю⁷¹. Царь, не желая быть виновником столь печального и неприятного народу приговора и вызываемой им казни, созвав народное собрание⁷², сказал: «На основании закона назначаю дуумвиров, которые будут судить Горация за государственное преступление»⁷³. Закон⁷⁴ заключал в себя ужасную формулу: «Дуумвиры должны судить государственного преступника; если на их приговор последует со стороны подсудимого обращение к народу⁷⁵, то он должен вести дело в апелляционном порядке; если дуумвиры выиграют, то голова его должна быть закрыта, его следует повесить на несчастном дереве⁷⁶ и бить или в городской черте, или за городской чертой». На основании этого закона были назначены дуумвиры. Они полагали, что, руководствуясь этим законом, они

всякую надежду... – Тит Ливий прибегает к сравнению, заимствованному из обычаев гладиаторских игр, когда бойца, потерявшего уже надежду на победу, начинает ободрять сочувственными возгласами стоящая за него партия.

⁷¹ ...на суд к царю. – Царь является высшим судьей в государстве; он или сам расследует дело и произносит приговор, или же уполномочивает других лиц, назначая их перед народным собранием; в последнем случае царь уступает судебную власть народу, к которому обвиненный может апеллировать.

⁷² ...созвав народное собрание... – Так называемое *contio*, которое, не предпринимая никаких решений, должно лишь выслушать волю царя.

⁷³ «На основании закона назначаю дуумвиров, которые будут судить Горация за государственное преступление». – Хотя Горация и выражала сочувствие врагу отечества, но брат, убив ее, присвоил себе принадлежащее государству право судить виновного. Комиссия для выполнения какого-нибудь дела назывались у римлян по числу членов – дуумвиры (2 лица), триумвиры (3 лица), децемвиры (10 лиц) и т. д.

⁷⁴ Закон... – Из текста не ясно, существовал ли закон о наказании государственного преступника раньше или был издан только теперь.

⁷⁵ ...если на их приговор последует со стороны подсудимого обращение к народу... – Народ как высшая инстанция стоит выше спорящих сторон (в данном случае судьи и подсудимого) и имеет право миловать.

⁷⁶ ...на несчастном дереве... – Так назывались деревья, посвященные подземным богам.

не могут оправдывать даже невинного, и когда обвинительный приговор был произнесен, то один из них сказал: «Я объявляю тебя, Гораций, государственным преступником; иди, ликтор, свяжи ему руки». Ликтор приблизился и уже готов был набросить веревку, как Гораций, по совету Тулла, снисходительного истолкователя закона, сказал: «Я апеллирую». Таким образом прения начались перед народом в апелляционном порядке. При этом на суде наибольшее впечатление на собравшихся произвел Публий Гораций-отец, заявивший, что, по его мнению, дочь убита заслуженно; в противном случае он наказал бы сына сам по праву отцовской власти. Затем он просил не лишать вовсе детей его, которого так недавно видели отцом прекрасного потомства. При этом старик, обняв юношу и указывая на доспехи Куриациев, водруженные на месте, именуемом «Горациевы копья» ⁷⁷, сказал: «Ужели вы, квириды, можете видеть при-
вязанным к колодке, претерпевающим побои и мучения того, которого вы только что видели шествующим с трофеями и торжествующим победу? Столь ужасное зрелище едва ли могли бы перенести даже альбанцы. Иди, ликтор, свяжи руки, которые только что оружием стяжали главенство народу римскому; иди, покрой голову освободителя этого города, повесь его на несчастном дереве, бей его хоть в черте города, только среди оружия и доспехов врагов, или вне черты города, только между могилами Куриациев. Куда в самом деле вы можете увести этого юношу, где бы его собственные трофеи не защищали его от столь позорной казни?» Не вынес народ слез отца и спокойствия самого подсудимого, одинаково относившегося ко всякой опасности, и освободил его, руководствуясь уважением к доблести, а не обстоятельствами дела. Но чтобы очевидное убийство было хоть чем-нибудь искуплено, отцу приказано было принести за сына очистительную жертву на общественный счет.

Он совершил некоторые искупительные священнодействия ⁷⁸, переданные потом роду Горациев, перекинул через дорогу жердь и, закутав голову юноши, как бы провел его под ярмом. Эта церемония по сей день ежегодно устраивается на общественный счет и именуется «сестрин брус» ⁷⁹. На могиле Горации, устроенной на том месте, где она была убита, воздвигнут памятник, состоящий из квадратных плит.

27. Мир с Альбой продолжался недолго. Негодование народа, что судьба государства поручена была трем воинам, поколебало неустойчивый ум диктатора, и так как справедливым его начинаниям не посчастливилось, то он пожелал снова привлечь к себе сердца соотечественников преступными средствами. И вот, как прежде, во время войны, он искал мира, так теперь, во время мира, начал искать войны; но видя, что у его государства больше храбрости, чем силы, он побуждает другие народы начать войну открытую, а для своих, под видом союзников римлян, приберегает роль изменников. Вооруженную борьбу начинают Фидены, римская колония, в союзе с Вейями, обеспечив себе переход альбанцев на их сторону. Когда Фидены открыто отпали, то Тулл, вызвав из Альбы Меттия с войском, двинулся на неприятеля. Перейдя Аниен, он располагается лагерем при слиянии рек. Между этим местом и Фиденами перешло Тибр вейское войско. Они заняли правый фланг строя, расположенный около реки, а на левом, ближе к горам, стали фиденяне. Тулл направляет своих против вейян, а альбанцев помещает против отряда фиденян. У альбанцев было столько же храбрости, сколько и верности. Итак, не дерзая ни оставаться на месте, ни открыто перейти на сторону врага, Меттий понемногу двигается к горам. Затем, считая, что достаточно подвинулся, он вытягивает весь строй и в нерешительности, чтобы оттянуть время, расставляет ряды. План его был – склониться на ту сторону, на

⁷⁷ ...на месте, именуемом «Горациевы копья»... – Место это находилось на краю форума у одного из окружавших его портиков.

⁷⁸ Он совершил некоторые искупительные священнодействия... – Так как народ оставил в своей среде преступника, то он считался оскверненным, и необходима была очистительная жертва.

⁷⁹ ...как бы провел его под ярмом. Эта церемония по сей день ежегодно устраивается на общественный счет и именуется «сестрин брус». – «Ярмо» сооружалось из двух столбиков (копий) с перекладиной; проведение под ярмом было унижающей процедурой.

которой будет перевес. Близко стоявшие римляне сперва удивлялись, видя, что их фланги за уходом союзников остаются открытыми; затем всадник, прищпорив коня, возвещает царю, что альбанцы уходят. В критическом положении Тулл дает обет учредить двенадцать салиев⁸⁰ и построить храм Страху и Ужасу⁸¹. Выражая порицание всаднику так громко, что враги могли слышать, он приказывает ему вернуться на место: нечего-де бояться; альбанское войско делает обходное движение по его распоряжению, чтобы ударить на открытый тыл фиденян. Вместе с тем он велит всадникам поднять вверх копья; это загородило большей части римской пехоты вид удаляющегося альбанского войска; а те, которые видели, доверяя словам царя, сражались с тем большею храбростью. Страх теперь переходит на неприятелей; они ясно слышали слова царя, и так как большая часть фиденян были римскими колонистами, то понимали по-латыни; так, чтобы не быть отрезанными от города внезапным движением альбанцев с гор, они обращают тыл. Тулл наступает, рассеяв фланг фиденян, с ожесточением бросается на вейян, смятенных чужим страхом. И они не выдержали натиска, но поспешному бегству мешала находившаяся сзади река. Добежав до нее, одни, позорно бросая оружие, в ослеплении кидались в реку, другие, остановившись на берегу и не зная, сражаться или бежать, были смяты римлянами. И никогда до того римляне не сражались с большим ожесточением.

28. Тогда альбанское войско, оставшееся зрителем битвы, выведено было на равнину. Меттий поздравляет Тулла с решительной победой над врагами; Тулл, со своей стороны, приветливо разговаривает с Меттием. Затем, что да послужит ко благу, приказывает альбанцам присоединиться к римскому лагерю; на следующий день готовится очистительное жертвоприношение.

С рассветом, когда все было готово, согласно обычаю, царь приказывает созвать оба войска на собрание. Глашатаи, начав с конца лагеря, сперва позвали альбанцев. Эти, заинтересованные делом, бывшим им в новинку, стали ближе всех, чтобы слышать речь римского царя. Римское войско нарочно становится вокруг с оружием; центурионам приказано было немедленно исполнять приказания. Тогда Тулл начинает так: «Римляне! Если когда раньше во время войн вам следовало прежде всего благодарить бессмертных богов, а затем уже свою доблесть, то это было во вчерашнем сражении. Ибо сражались мы не столько с врагом, сколько с изменой и вероломством союзников, а такое сражение и важнее, и опаснее. Не оставайтесь в заблуждении – альбанцы без моего приказания двинулись к горам, не делал я такого распоряжения, а сообразил и притворился, будто они повинуются мне, чтобы вы, пребывая в неведении, что вас покидают, продолжали храбро сражаться, неприятели же, думая, что их обходят, испугались и бросились бежать. И преступление, в котором я обвиняю их, совершено не всеми альбанцами: они последовали за вождем, что сделали бы и вы, если бы я вздумал куда-нибудь направить войско с места битвы. Меттий – тот вождь, который повел их по этому пути, Меттий же устроил эту войну, Меттий – нарушитель договора римлян с альбанцами. Пожалуй, и другой когда-нибудь отважится на такое дело, если я не покажу на нем пример, знаменательный для всех».

Вооруженные центурионы становятся вокруг Меттия, а царь продолжает: «Да послужит это ко благу, счастью и благополучию народа римского, мне и вам, альбанцы, – я решил весь альбанский народ переселить в Рим, плебеем дать право гражданства, старейшин назначить в отцы, сделать один город, одно государство. Как некогда альбанское государство разделилось на два народа, так теперь пусть соединится в один». На эту речь безоружная альбанская молодежь, окруженная вооруженными римлянами, отвечала молчанием, к чему вынуждал их общий страх, хотя желания у них и были различны. Затем Тулл сказал: «Меттий Фуфетий!

⁸⁰ ...дает обет учредить двенадцать салиев... – Упоминаемые здесь салии называются Квиринальскими, в отличие от старшей коллегии салиев, именовавшихся Палатинскими; они приносили жертвы на Квиринальском холме и были первоначально, вероятно, жрецами Квирина.

⁸¹ ...храм Страху и Ужасу. – Божества, приводившие в смятение врагов; их признают тождественными Пику (лесному божеству, дававшему оракулы) и Фавну.

Если бы ты мог научиться держать свое слово и блюсти договоры, то я живого тебя поучил бы этому; теперь же, так как ты неисправим, то, по крайней мере, научи человеческий род своей казнью считать священным то, что ты осквернил. Итак, подобно тому как недавно ты колебался между фиденями и римлянами, так растерзано будет теперь на части твое тело». Затем подъехали две четверки и к колесницам был привязан распростертый Меттий; после того настиганные кони были пущены в разные стороны и разнесли на колесницах привязанные к ним члены. Все отвернулись от столь страшного зрелища. Это была первая и последняя казнь у римлян, явившая собою пример забвения законов человечности; в других случаях можно похвалиться, что ни один народ не употреблял более мягких наказаний.

29. Тем временем в Альбу уже посланы были вперед всадники перевести поселение в Рим. Затем отправлены были легионы разорить город. Когда они вступили туда, то не было там шума и смятения, как обыкновенно бывает во взятых городах, когда ломаются ворота, рушатся под ударами тарана стены, или как бывает по взятии крепости, когда крик врагов и бегающие по городу вооруженные люди мечом и огнем приводят все в смещение; напротив – печальное молчание и тихая грусть так поразили всех, что, не помня себя от страха, люди в недоумении спрашивали друг друга, что оставить, что взять с собой, они то стояли у дверей, то бродили по домам, чтобы в последний раз взглянуть на покидаемое. И когда раздался уже крик всадников, приказывавших уходить, когда на краю города послышался треск разрушаемых домов и поднявшаяся с разных сторон пыль точно облаком окутала все, – быстро вынося, что было можно, они начали выходить, покидая и ларов с пенатами⁸², и жилища, где они родились и выросли; и уже непрерывная вереница удалявшихся заняла дорогу, взаимное сострадание при виде других вновь вызывало слезы, а порой слышны были жалобные возгласы, преимущественно женщин, когда они проходили мимо священных храмов, занятых вооруженными, и покидали как бы полоненных богов. По выходу альбанцев из города римляне сравнивали с землей все общественные и частные здания и в один час предали разрушению то, что сооружалось в течение четырех столетий, которые просуществовала Альба; впрочем, храмы богов, согласно приказанию царя, были пощажены.

30. Между тем Рим с разрушением Альбы усилился: число граждан удвоилось, присоединен был Целийский холм и, чтобы он гуще заселялся, Тулл избрал его местом для дворца и жил там с того времени. Старейшин альбанских он избрал в отцы, чтобы усилить и эту часть государства; тут были Юлий, Сервилий, Квинкий, Геганий, Куриаций, Клелий. Священным местом собраний⁸³ усиленного им сословия он сделал курию, именовавшуюся до времени наших отцов Гостилиевой⁸⁴. А чтобы с присоединением нового народа усилились все сословия, он набрал из альбанцев десять отрядов всадников⁸⁵, из того же источника он пополнил старые легионы и набрал новые.

Опираясь на такие силы, Тулл объявляет войну сабинянам, племени в то время самому могущественному после этрусков по многочисленности войск. С обеих сторон были нанесены обиды и напрасно требуемо удовлетворение: Тулл жаловался, что у храма Феронии⁸⁶ во время многолюдного торжища захвачены римские купцы, сабиняне – что еще раньше их граждане

⁸² ...покидая и ларов с пенатами... – Домашние, фамильные лары были связаны с домашним очагом, семейной трапезой, почитались наравне с пенатами и Вестой как главные домашние божества. – *Примеч. ред.*

⁸³ Священным местом собраний... – Тит Ливий называет место собраний сената *templum* потому, что оно должно было соответствовать всем требованиям авгуров и быть освящено; без этого решения сената не могли иметь законной силы.

⁸⁴ ...сделал курию, именовавшуюся до времени наших отцов Гостилиевой. – Гостилиева курия находилась на юго-восточном склоне Капитолийского холма. В 52 году до н. э. сгорела и была заменена на Юлиеву.

⁸⁵ ...набрал из альбанцев десять отрядов всадников... – Триста всадников набрали из альбанцев. Соответственно трем центуриям Ромула в военном отношении эти три центурии делились на 10 отрядов по 30 человек каждый.

⁸⁶ ...у храма Феронии... – Богиня Ферония почиталась сабинянами, этрусками и латинами; у храма ее, находившегося на горе Соракта, проходили многолюдные ярмарки.

бежали в рощу и были приняты в Риме⁸⁷. Такие выставлялись предлоги к войне. Сабиняне, хорошо помня, что Таций переселил в Рим часть их войска и еще недавно Римское государство было усилено присоединением альбанского народа, тоже стали искать союзников. По соседству была Этрурия и ближе всех этрусков – вейяне. Так как там народ вследствие раздражения, оставшегося от войн, особенно легко поддавался соблазну нарушить договор, то оттуда они и привлекали добровольцев, а некоторых бродяг из неимущей черни приманивала и плата; от лица же государства они не получили поддержки, и вейяне остались верны заключенному с Ромулом перемирию; верность других народов не представляется столь удивительной. Во время напряженных приготовлений обеих сторон к войне, когда выяснилось, что все дело зависит от того, кто первый нападет, Тулл предупреждает врагов и переходит в Сабинскую область. У Злого леса произошла ожесточенная битва, в которой римляне получили перевес частью благодаря силе пехоты, но особенно благодаря недавнему увеличению конницы. Ряды сабинян были приведены в замешательство внезапным нападением конницы, а затем уже они не могли ни устоять в битве, ни беспрепятственно бежать, не терпя большого урона.

31. После победы над сабинянами, когда власть Тулла и все Римское государство достигло высшей славы и могущества, царю и отцам было возвещено, что на Альбанской горе шел каменный дождь. Это известие представлялось маловероятным, а потому были посланы люди посмотреть на это чудо; на глазах их действительно часто сыпались с неба камни, совершенно так же, как когда ветер гонит на землю смерзшиеся градины. Им показалось даже, что они слышали страшный голос, раздававшийся из рощи, лежавшей на вершине горы, и повелевавшей альбанцам совершать священнодействия по отеческому обычаю; между тем они, как будто покинув вместе с отечеством и богов, предали их забвению; они или приняли римские священнодействия, или же, разгневавшись по обычаю на судьбу, совсем бросили почитать богов. Под впечатлением того же чуда и римляне учредили девятидневное общественное жертвоприношение, или повинувшись небесному голосу, слышанному с Альбанской горы (существует и такое приращение), или согласно предостережению гаруспиков⁸⁸; во всяком случае остался обычай назначать девятидневное празднество всякий раз, как возвещается подобное чудо.

Немного спустя разразилась моровая язва. Хотя она ослабляла энергию к военной службе, но воинственный царь, думая, что юноши на войне здоровее, чем дома, не давал отдыха, пока и сам не впал в продолжительную болезнь. А тогда вместе с телом сокрушился и его неугомонный дух предприимчивости до того, что он, считавший прежде менее всего приличным для царя заниматься жертвоприношениями, сразу поддался всем большим и малым суевериям и на тот же лад настроил народ. И люди, желая того же положения, какое было при царе Нуме, уже верили, что больным можно помочь только в том случае, если будет испрошена милость и снисхождение богов. Рассказывают, что сам царь, перечитывая записки Нумы, нашел, что были какие-то таинственные священнодействия в честь Юпитера Элиция, и отправился совершать их; но то ли начал, то ли повел это жертвоприношение ненадлежащим образом, а потому не только не явилось никакого небесного знамения, но Юпитер, раздраженный извращенным поклонением ему, сжег молнией дом царя вместе с ним самим. Тулл процарствовал с великой военной славой тридцать два года.

32. По смерти Тулла, согласно установившемуся уже сначала обычаю, власть перешла к отцам, а они назначили междуцаря. На собранных им комиссиях народ избрал царем Анка Марция⁸⁹; отцы утвердили избрание. Анк Марций был внуком царя Нумы Помпилия, про-

⁸⁷ ...еще раньше их граждане бежали в рощу и были приняты в Риме. – Речь об убежище, открытом Ромулом (см. гл. 8), но и позже, по-видимому, сохранявшем свое назначение.

⁸⁸ ...согласно предостережению гаруспиков... – Гаруспики – толкователи предзнаменований, разъясняли их по внутренностям животных.

⁸⁹ ...народ избрал царем Анка Марция... – Анк Марций – один из семи легендарных царей Древнего Рима, внук Нумы Помпилия; правил, по преданию, в 640–616 годах до н. э. – *Примеч. ред.*

исходя от его дочери. Приняв царство, он, помня о славе деда своего и принимая во внимание, что предшествующее царствование, замечательное во всех отношениях, в одном было несчастливо, вследствие ли небрежения, или ненадлежащего исполнения богослужения, счел за лучшее совершать общественные священнодействия согласно уставам Нумы, а потому распорядился, чтобы понтифик выписал их из комментариев Нумы на белую доску и выставил на публичном месте. Это обстоятельство подало надежду и гражданам, жаждавшим мира, и соседним государствам, что царь обратится к обычаям, установленным дедом.

Итак, латины, с которыми в царствование Тулла был заключен договор, подняли головы и, сделав набег на римские поля, на требование удовлетворения отвечали гордым отказом, рассчитывая на бездеятельность римского царя и на его мирное царствование среди капищ и жертвенников. По характеру своему Анк занимал середину между Нумой и Ромулом; он верил, что для царствования его деда мир был более необходимым ввиду молодости и излишней воинственности народа, но в то же время понимал, что ему, не подвергаясь обидам, не добиться того мира, которым пользовался его предшественник: теперь испытывают его терпение, а убедившись в нем, станут презирать; вообще по теперешним обстоятельствам более пригоден Тулл, чем Нума. Тем не менее, желая установить воинские церемонии – мирные были установлены Нумой, – чтобы войны не только велись, но и объявлялись по известному ритуалу, он заимствовал у древнего племени эквиолов⁹⁰ формы, в которые облачается требование удовлетворения и которыми ныне заведуют фециалы.

Посол, приблизившись к границе народа, от которого требуется удовлетворение, надевает на голову повязку (покров этот делается из шерстяной материи) и говорит: «Услышь Юпитер, услышьте, пределы, – называет имя племени, которому они принадлежат, – услышь, Священное Право! Я, вестник, явившийся от лица всего римского народа, – по праву и согласно с человеческими законами являюсь я послом и да слушаются слова мои с доверием». Затем он излагает требования. После этого он призывает в свидетели Юпитера: «Если я против законов божеских и человеческих требую выдачи поименованных людей и поименованных вещей, то не дай мне никогда больше видеть отечество!» Это говорит он, переходя границу, это говорит он тому, кто первым попадается ему на дороге, это же – вступая в город, это же – прибывая на форум, изменяя лишь немногие слова формулы и содержащие клятвы. Если требуемое не выдается, то по истечении тридцати трех дней, назначенных в праве фециалов, он так объявляет войну: «Услышь, Юпитер, и ты, Янус Квирин⁹¹, и все боги-небожители, и вы, обитающие на земле, и боги подземного царства, услышьте! Вас я призываю в свидетели, что такой-то народ – называет его по имени – не прав и не исполняет долга; но об этом, как нам добиться принадлежащего нам по праву, посоветуемся дома со старейшими». Затем вестник возвращается в Рим для совещания.

Немедленно затем царь обращается к сенату приблизительно в таких словах: «Что думаешь ты, – он обращается к первому, мнение которого спрашивает, – о всех тех предметах, о спорных пунктах и о тяжбе, относительно которых уполномоченный римского народа квиритов предъявил требование к уполномоченному древних латинов и их гражданам, но которых они не выдали, не уплатили, не исполнили, хотя долг их был выдать, уплатить, исполнить!» Тогда тот отвечал: «Я думаю, что их следует искать войною честною и законною, с этим я согласен и так решаю». Затем по порядку спрашивал других, и когда большинство присутствующих высказывало то же мнение, то война считалась решенной. Затем, согласно обычаю, фециал нес к их границам железное или обожженное на одном конце копье, запачканное кровью, и в присутствии не менее трех способных носить оружие говорил: «Я и римский народ объявляю

⁹⁰ ...у древнего племени эквиолов... – Эквиолы, составная часть воинственного и разбойничьего племени эквов, жили в сабинской земле.

⁹¹ ...и ты, Янус Квирин... – Прозвище Квирин придано Янусу потому, что он, по объяснению древних, – владык войны, а орудие ее, копье, называется по-сабински *curis*.

и открываю войну против народов древних латинов и их граждан за то, что народы древних латинов и их граждане сделали и погрешили против римского народа квиритов, так как римский народ квиритов повелел быть войне с древними латинами и сенат римского народа квиритов высказал мнение, согласился и признал, чтобы была война с древними латинами». Сказав это, он бросал копье в их пределы. Таким образом было тогда потребовано удовлетворение от латинов и объявлена война, и этот обычай приняли и потомки⁹².

33. Поручив заботу о культе фламинам и другим жрецам, Анк набрал свежее войско, выступил с ним, взял город латинов Политорий и, по примеру прежних царей, усиливших Римское государство принятием в граждане неприятелей, перевел все население в Рим. И так как вокруг Палатина, первоначального места поселения римлян, сабиняне занимали Капитолий и Крепость, альбанцы – Целийский холм, то новым поселенцам дан был Авентинский холм. Туда же присоединились еще новые граждане немного спустя, по взятии Теллен и Фиканы. Затем снова началась война против Политория, который после опустошения заняли древние латины; это обстоятельство послужило для римлян основанием разрушить город, чтобы он не стал постоянным пристанищем для врагов. Когда, наконец, вся латинская война сосредоточилась около Медуллии, она довольно долго велась с переменным счастьем, так как победа склонялась то на ту, то на другую сторону; дело в том, что и город силен был своими укреплениями и надежным гарнизоном, и войско латинское, пользуясь положением римского лагеря на открытом месте, не раз сражалось врукопашную с римлянами. Наконец, собрав все силы, Анк сперва победил в битве; затем с огромной добычей вернулся в Рим, приняв и на этот раз много тысяч латинов в граждане; поселены они были около жертвенника Мурции⁹³, чтобы таким образом Авентин соединился с Палатином. Присоединен был и Яникул⁹⁴ – не потому, чтобы было тесно, но чтобы когда-нибудь он не сделался вражеской крепостью. Решено было соединить его с городом не только стеною, но еще мостом на сваях, который тогда в первый раз сооружен был на Тибре; последнее было сделано для удобства сообщения. Анком же вырыт и ров Квиритов, весьма важное укрепление для ровной, а потому и доступной местности⁹⁵.

Огромный приток населения усилил государство, но так как среди такого множества людей стало путаться различие между справедливыми и неправильными действиями и появились тайные преступления, то для устранения усиливающейся дерзости сооружена была тюрьма посреди города⁹⁶, над самым форумом. И не только город вырос в это царствование, но расширились и границы области: с отнятием Месийского леса⁹⁷ у вейян государство достигло моря и у устья Тибра был основан город Остия; в окрестностях его устроены бассейны для соленой воды⁹⁸, а за блестящие успехи на войне расширен храм Юпитеру Феретрийскому.

34. В царствование Анка переселился в Рим Лукумон⁹⁹, муж деятельный и сильный своим богатством, руководимый преимущественно желанием и надеждой на большие почести,

⁹² ...и этот обычай приняли и потомки. – Церемония объявления войны сохранялась во все время существования республики, с тем, однако, ограничением, что фециал бросал копье от так называемой «воинской колонны» (*columna bellica*) у храма Беллоны. Изменение это вызвано было невозможностью точного исполнения ритуала, так как римляне вели войны с отдаленными народами и государствами, а не с соседними, как было в первое время.

⁹³ ...около жертвенника Мурции... – Жертвенник Венеры Мурции (Венеры Успокаивающей) находился в узкой долине между Палатинским и Авентинским холмом.

⁹⁴ Присоединен был и Яникул... – Яникул – холм на правом берегу Тибра. Был присоединен с тем, чтобы можно было защищаться от нападения со стороны Этрурии.

⁹⁵ ...для ровной, а потому и доступной местности. – Имеется в виду местность между Целийским и Авентинским холмами.

⁹⁶ ...сооружена была тюрьма посреди города... – На Капитолийском холме были высечены своды в два этажа, из которых в нижнем находилась тюрьма Туллия. В ней совершалась и смертная казнь.

⁹⁷ ...с отнятием Месийского леса... – Месийский лес находился на правом берегу нижнего течения Тибра.

⁹⁸ ...бассейны для соленой воды... – Вода испарялась, а оставшаяся соль разрабатывалась для удовлетворения потребности горожан.

⁹⁹ ...переселился в Рим Лукумон... – Лукумон – у этрусков правитель города. Тит Ливий ошибочно принимает за собствен-

достичь которых в Тарквиниях не было возможности, так как и там он был чужеземцем. Он был сын коринфянина Демарата, который, бежав из отечества вследствие мятежа¹⁰⁰, случайно поселился в Тарквиниях, женился там и имел двух сыновей. Имена их были Лукумон и Аррунт. Лукумон пережил отца и унаследовал все его богатства; Аррунт умер раньше отца, оставив жену беременной. Отец ненадолго пережил сына; не зная, что невестка беременна, он умер, не упомянув в завещании о внуке, который, родившись после смерти деда и не получив ничего из его богатств, за свою нищету назван был Эгерием¹⁰¹. Напротив, Лукумон, наследник всего имущества, гордился своими богатствами; его гордость разжигала жена его Танаквиль, происходившая из знатного рода и не допускавшая, чтобы положение ее мужа было ниже положения ее рода. А так как этруски презирали Лукумона как сына изгнанника-пришельца, то она не в состоянии была вынести этого унижения и, забыв о врожденной любви к отечеству, задумала переселиться из Тарквиниев, лишь бы видеть мужа в почете. Наиболее удобным для этого представлялся Рим; среди нового народа, где знатность возникает вдруг и всецело основывается на доблести, найдется место энергичному и деятельному мужу; царствовал же сабинянин Таций, приглашен же был на царство Нума из Кур, да и Анк, сын сабинянки, знатен лишь настолько, что мог выставить изображение одного только Нумы¹⁰². Она легко склоняет мужа, так как ему хотелось почестей, да и Тарквинии были его родиной лишь по матери. Итак, собрав свое имущество, они выселяются в Рим.

Подъехали они случайно к Яникулу. Когда он сидел с женой в повозке, орел, паря в воздухе, тихо спустился и снял с него шапку, затем, летая с громким криком над повозкой, опять ловко возложил ее на голову его, точно посланный с неба для служения ему; затем он скрылся в высоте. Говорят, что Танаквиль, женщина знакомая, как все этруски, с небесными знаменами, приняла с радостью это предвещание. Обняв мужа, она уверяет, что его ждут высокие почести: такая явилась птица, с такой стороны неба, вестница такого бога; знамение свершилось над головой: птица сняла возложенное на нее человеком украшение, чтобы вернуть его с неба. С такими надеждами и мыслями они въехали в город и, купив там себе дом, он назвался Луцием Тарквинием Древним. Как человек новый и богатый, он сделался заметен в Риме. Этому он помогал сам, вступая снисходительно в беседы, любезно приглашая к себе и привлекая, кого можно было, благодеяниями; так молва о нем дошла и до дворца. Это знакомство с царем он скоро обратил в самую тесную дружбу, с достоинством и удачно оказывая услуги, так что принимал одинаково участие в общественных и частных, мирных и военных совещаниях, и наконец, испытанный во всех делах, назначен был по духовному завещанию даже опекуном царских детей.

35. Анк царствовал двадцать четыре года и был равен любому из предшествовавших царей славой и умением править в мирное и военное время. Его сыновья были близки к совершеннолетию. Тем более Тарквиний настаивал, чтобы поскорее были созваны комиции для избрания царя; когда они были назначены, то к этому самому времени он отослал отроков на охоту. Рассказывают, что он первый, обходя всех¹⁰³, просил царства и держал речь, состав-

ное имя наименование лица, стоявшего во главе каждого из двенадцати племен, на которые была разделена Этрурия.

¹⁰⁰ ...бежав из отечества вследствие мятежа... — Демарат принадлежал к коринфскому царскому роду Бакхиадов, свергнутому около 660 года до н. э. тираном Кипселом.

¹⁰¹ ...за свою нищету назван был Эгерием. — От лат. egere — «нуждаться».

¹⁰² ...знатен лишь настолько, что мог выставить изображение одного только Нумы. — Тит Ливий переносит на время царей позднейший обычай, по которому плебей, первый из своего рода получивший курульную должность (*homo novus* — «новый» человек), приобретал дворянство (*nobilitas*) и вместе с этим право оставить потомкам свое изображение (*imago*). Это была восковая маска, которая помещалась в зале (*atrium*) в особом шкафу (*armarium*). Чем больше у кого-либо было таких изображений, тем знатнее считался человек.

¹⁰³ ...обходя всех... — В республиканское время ищущие какой-либо должности обыкновенно обходили избирателей, брали их за руку, называли по имени и просили о содействии. Этот обычай позднейшего времени Тит Ливий переносит сюда.

ленную так, чтобы привлечь на свою сторону народ¹⁰⁴. Он говорил, что не просит ничего особенного, так как он не первый, что могло бы возбудить негодование или удивление, а третий, будучи иноземцем, стремится к царской власти: и Таций из врагов даже – не просто из иноземцев – стал царем, и Нума, не зная города, без просьб, добровольно был призван на царство; он же, как только стал самостоятельным, переселился в Рим с женою и всем имуществом. Большую часть той поры, когда люди исполняют гражданские обязанности, он прожил в Риме, а не в прежнем отечестве; дома и на войне, под руководством опытного наставника, самого царя Анка, он изучил римские законы и римские обычаи; повиновением и почтительностью к царю он соперничал со всеми, а благодеяниями, оказываемыми другим, даже с самим царем. После этой его правдивой речи римский народ с замечательным единодушием высказался за вручение ему царской власти. Этого мужа, отличного во всех отношениях, и на троне преследовало то же честолюбие, как и при домогательстве царства. Заботясь столько же об укреплении своей власти, сколько об усилении государства, он избрал сто человек в сенаторы, которые потом были названы младшими¹⁰⁵; эта часть сената, конечно, была на стороне царя, благодаря которому попала в курию.

Первую войну вел он с латинами, взял их город Апиолы и, привезя оттуда больше добычи, чем можно было ожидать по слухам о той войне, отпраздновал игры великолепные и с большими приготовлениями, чем предшествовавшие цари¹⁰⁶. Тогда впервые намечено было место для цирка, именуемого теперь Большим¹⁰⁷. Назначены были места для сенаторов и всадников, где они могли устраивать себе ложи¹⁰⁸; названы эти места *fori*. Смотрели они из лож, поддерживаемых подпорами высотой в двенадцать футов. Зрелища состояли из конских бегов и кулачных боев; бойцы большею частью вызывались из Этрурии. С этого времени эти игры стали повторяться ежегодно и именуются различно – то Римскими, то Великими¹⁰⁹. Тот же царь роздал частным лицам места около форума для постройки, и были сооружены портик и лавки.

36. Он собирался еще обвести город каменной стеной, но осуществлению этого плана помешала сабинская война. Она была до того неожиданна, что неприятели перешли Аниен прежде, чем римское войско успело выступить навстречу и задержать их. В Риме господствовало смятение. В первом сражении понесены были огромные потери с обеих сторон, но победа осталась нерешенной. Затем, когда неприятель отвел свои войска в лагерь и дал римлянам возможность подготовиться к новой войне, Тарквиний, видя, что его силы больше всего нуждаются в коннице, решил к центуриям Рамнов, Тициев и Луцеров, набранным Ромулом, прибавить другие и назвать их своим именем. Так как Ромул учредил их на основании гадания, то Атт Навий, славный авгур того времени, заявил, что ни изменения, ни нововведения тут невозможны без согласия богов. Раздраженный этим, царь, издеваясь над искусством его, говорит, спросил: «Ну-ка ты, пророк, погадай, может ли быть то, что я задумал»? Тот, узнав точно посредством гадания, в чем дело, дал утвердительный ответ. «Так я задумал, – сказал царь, –

¹⁰⁴ ...просил царства и держал речь, составленную так, чтобы привлечь на свою сторону народ. – Очевидно, Анк хотел сделать царскую власть наследственной в своем роду, но пока прежний порядок избрания царя народом сохранился, с тем лишь изменением, что Тарквиний сам выступает кандидатом.

¹⁰⁵ ...он избрал сто человек в сенаторы, которые потом были названы младшими... – Откуда были взяты эти сенаторы, точно нельзя сказать; выражение Тита Ливия толкуется в том смысле, что они происходили из плебейских родов.

¹⁰⁶ ...отпраздновал игры великолепные и с большими приготовлениями, чем предшествовавшие цари. – Ранее упомянуты были лишь Консуалии (гл. 9), но, очевидно, существовали и Римские (Великие) игры.

¹⁰⁷ ...для цирка, именуемого теперь Большим. – Большой цирк (*Circus Maximus*) – древнейший и самый крупный на территории Рима; был расположен в долине между Палатином и Авентином. – Примеч. ред.

¹⁰⁸ ...где они могли устраивать себе ложи... – Лишь на время игр, а не как постоянные места. Позже сенаторам было отведено место перед самой сценой, а с 67 года до н. э. всадникам предоставили следующие 14 рядов.

¹⁰⁹ ...то Римскими, то Великими. – Римские (Великие) игры появились под влиянием этрусков, и до того, как стать ежегодными, они были вотивными, т. е. давались по обету – в благодарность богам по особым поводам (обычно за победу). – Примеч. ред.

что ты рассечешь оселок ножом; возьми вот это и исполни то, возможность чего предсказали тебе твои птицы». Тогда тот, как говорит предание, немедленно рассек оселок ножом. На том месте, где совершилось это событие, – на Комиции¹¹⁰, на левой стороне самой лестницы, ведущей в курию, – находится статуя Атта, с покрытой головой; говорят, что там же положен был и оселок, чтобы служить для потомства памятником этого чуда. Во всяком случае авторитет гаданий и жреческого служения авгуров возрос настолько, что после того ни дома, ни на войне ничего не предпринималось без ауспиций¹¹¹: были распускаемы народные собрания и собранные войска, останавливалось все, если только этому противились гадания по птицам. И тогда тоже Тарквиний не произвел никакой перемены в организации центурий всадников, он только прибавил к существующим такое же число всадников, так что в трех центуриях их стало тысяча восемьсот¹¹². Теперь, ввиду удвоенного числа, эти центурии прозваны «шестью центуриями», а тогда прибавленные центурии, сохранив прежние имена, назывались только «младшими».

37. По увеличении этой части армии последовало новое столкновение с сабинянами. Но, помимо усиления римского войска, тайно прибегли к хитрости: посланы были люди, которые набросали в Аниен большое количество зажженного леса, лежавшего по берегам этой реки; эти бревна, большею частью связанные в плоты, сильно разгорались от ветра и, зацепившись за сваи, зажгли мост. Это обстоятельство во время битвы тоже навело на сабинян страх, а когда они были рассеяны, то помешало им бежать; и много народу, убежав от врага, погибло в самой реке. Их оружие, плывшее к городу по Тибру, было узвано и дало знать о победе чуть ли не прежде, чем можно было известить о ней. В этой битве особенно отличились всадники. Расположенные по обоим флангам, когда стоявший в середине их строй пехоты дрогнул, они столь стремительно атаковали врага с боков, что не только остановили сабинские легионы, яростно наступавшие на дрогнувшую пехоту, но сразу обратили их в бегство. Сабиняне в беспорядочном бегстве устремились в горы, но немногие достигли их: большая часть, как выше сказано, была загнана всадниками в реку. Тарквиний, считая необходимым преследовать испуганного врага, отослал добычу и пленников в Рим, доспехи врагов, посвященные Вулкану¹¹³, сжег, сложив в огромную кучу, а сам повел войско далее в Сабинскую область. Хотя сабиняне потерпели уже неудачу и нельзя было надеяться на успех в будущем, однако, так как обстоятельства не давали времени одуматься, то они выступили навстречу с кое-как набранным войском, снова при этом были рассеяны и, потеряв уже почти все, просили мира.

38. Колляция и все сабинские земли, лежащие по сю сторону ее, были отняты; Эгерий, племянник царя, оставлен там с отрядом. Я нахожу известия, что таким образом совершилась сдача Колляции и таков был порядок сдачи. Царь спросил: «Вы ли послы и ораторы, посланные коллатинским народом, чтобы сдать себя и коллатинский народ?» – «Да». – «Может ли распоряжаться собой по своей воле коллатинский народ?» – «Да». – «Сдаете ли вы себя и коллатинский народ, город, поля, воду, границы, капища, движимость – все, принадлежащее богам и людям, во власть мою и римского народа?» – «Сдаем». – «А я принимаю». Окончив сабинскую войну, Тарквиний с триумфом возвращается в Рим. Затем объявляет войну древним латинам.

¹¹⁰ ...на Комиции... – Комиций – место в Риме между форумом и курией, назначенное для народных собраний. Там исполнялись также казни и другие тяжкие наказания. – *Примеч. ред.*

¹¹¹ ...ни дома, ни на войне ничего не предпринималось без ауспиций... – Ауспиции («птичьи знамения») делились на государственные и частные, смотря по тому, касались ли они государства или частных лиц. Право совершать ауспиции принадлежало в ту пору исключительно патрициям.

¹¹² ...он только прибавил к существующим такое же число всадников, так что в трех центуриях их стало тысяча восемьсот. – Тит Ливий противоречит себе: Ромул установил 300 всадников (гл. 13), Тулл Гостилий прибавил еще 300 (гл. 30), удвоенное число, следовательно, должно было бы быть 1200, а не 1800. Очевидно, это известие Тит Ливий взял из другого источника, где говорилось о неизвестном нам увеличении числа всадников до 900.

¹¹³ ...посвященные Вулкану... – Вулкан – в римской мифологии бог разрушительного и очистительного пламени. Вулкану служил один из двенадцати младших жрецов-фламингов. В более поздние времена Вулкан был отождествлен с греческим Гефестом.

Там нигде не дошло дело до решительного сражения: весь латинский народ был покорен путем постепенного занятия отдельных городов. Корникул, Старая Фикулея, Камерия, Крустумерия, Америола, Медуллия, Номент, принадлежавшие древним латинам или отпавшие к ним, были взяты. Затем последовало заключение мира.

После этого он приступил к мирным занятиям с энергией, превышавшей то напряжение, с каким ведены были войны; он хотел, чтобы народ дома был не менее занят, чем на войне. Поэтому город в тех частях, где он не был укреплен, царь собирается окружить каменной стеной (начало этого предприятия было приостановлено сабинской войной); низкие места города около форума и другие равнины, лежащие между холмами, осушает при помощи каналов, проведенных покатом в Тибр, так как сама вода не могла выйти из равнин; укрепляет площадь на Капитолии для храма Юпитера, обещанного в сабинскую войну, уже тогда предчувствуя, как священно некогда будет это место.

39. В то время во дворце случилось чудо, удивительное и по виду, и по результату: говорят, что на глазах многих пылала голова спавшего мальчика по имени Сервий Туллий. При виде этого чуда поднялся страшный шум, явился царь с царицей, и, когда кто-то из домашних принес воды, чтобы потушить огонь, царица остановила его; успокоив волнение, она запретила трогать мальчика, пока он не проснется сам. Вскоре вместе со сном исчезло и пламя. Тогда Танаквиль, уведя мужа в уединенный покой, сказала: «Посмотри ты на этого мальчика, которому мы даем столь простое воспитание; очевидно, он некогда будет спасителем нашим в критическом положении и опорой царского дома в минуту опасности; поэтому будем со всею тщательностью воспитывать его, и он послужит к великой славе государства и нашей!»

С этого времени мальчика стали держать как сына и обучать таким искусствам, которые подготавливают человека к великой будущности. Так как это дело было угодно богам, то оно имело счастливый успех: юноша вышел поистине царственного ума, и когда пришлось искать зятя Тарквинию, то никто из римских юношей не мог ни в чем с ним состязаться, и царь обручил с ним дочь свою. Столь великий почет, чем бы он ни был вызван, не позволяет верить, что он был сын рабыни, а в детстве и сам раб. Я склоняюсь более к мнению тех, которые рассказывают, что при взятии Корникула захвачена была беременная жена главного начальника этого города, Сервия Туллия, который при этом был убит; римская царица, узнав ее в толпе прочих пленниц, вследствие знатности ее рода не допустила ее стать рабыней, и она родила сына в Риме, в доме Тарквиния Древнего; столь великое благодеяние сблизило женщин, и мальчик, выросший с малых лет в доме, пользовался любовью и почетом. Судьба матери, попавшей по взятии родного города в руки врагов, заставила верить, что он был сын рабыни.

40. Около тридцать восьмого года царствования Тарквиния Сервий Туллий был в величайшем почете не только у царя, но и у сенаторов и народа. Тогда два сына Анка, уже раньше возмущавшиеся, что опекун обманом лишил их отцовского царства, что в Риме царствует пришелец не только не соседнего, но даже не италийского племени, особенно начали негодовать, опасаясь, что и после царство Тарквиния не будет им возвращено, а, опускаясь все ниже и ниже, перейдет к рабам; таким образом, в том государстве, где около ста лет назад тому царствовал Ромул, пока был на земле, сын бога, а затем и сам бог, власть захватит раб, сын рабыни. Будет бесчестием как для всего римского народа, так и особенно для их дома, если при существовании мужского потомства Анка царская власть в Риме станет доступна не только пришельцам, но даже рабам.

И вот они решаются предотвратить это бесчестие с помощью оружия. Но огорчение за нанесенную обиду больше вооружало их против Тарквиния, чем против Сервия, и они строят козни на самого царя, так как царь, если бы остался в живых, был бы более страшным мстителем за убийство, чем частное лицо, а затем, по убийстве Сервия, он выбрал бы себе кого-нибудь другого в зятя и сделал бы его наследником царства. Для совершения злодеяния были выбраны два самых отчаянных пастуха; вооружившись обычными для них сельскими орудиями

ями, они с величайшим шумом подняли притворно драку у самого преддверия дворца и обратили на себя внимание всех царских слуг; затем так как они оба призывали царя и поднятый ими шум услышан был во дворце, то их погласили к царю. Сперва оба они кричали и наперебыв перебивали друг друга; остановленные ликтором и получив приказание говорить поочередно, они наконец перестают спорить, и один, согласно уговору, начинает рассказ. Пока царь с напряженным вниманием слушал его, другой, подняв секиру, ударяет его по голове; оставив оружие в ране, оба бросились вон.

41. Окружающие приняли умирающего Тарквиния, а ликторы схватили бегущих. Поднялся крик, сбежался парод, с удивлением спрашивая, что случилось. Среди этой суматохи Танаквиль приказывает запереть дворец, удаляет свидетелей. Одновременно она старательно готовится все необходимое для лечения раны, как будто бы еще оставалась надежда, а на случай, если она окажется тщетной, готовить иные средства безопасности. Призвав поспешно Сервия и показав ему почти бездыханного мужа, она берет его правую руку и умоляет не оставлять без отмщения убийство тестя, не позволить врагам издеваться над тещей. «Если ты муж, Сервий, – сказала она, – то царство принадлежит тебе, а не тем, которые чужими руками совершили гнуснейшее злодеяние. Ободришься и следуй указаниям богов, которые предсказали тебе величие, окружив некогда твою голову небесным огнем. Да возбудит тебя теперь то божественное пламя, ныне проснись на самом деле! И мы, несмотря на то что были пришельцами, царствовали; и ты думай о том, кто ты, а не о том, какого ты рода! Если неожиданность сковывает твой ум, то руководись моими советами!» Когда крик и натиск толпы почти невозможно было сдерживать, Танаквиль обращается к народу с речью с верхнего этажа дома через окно, выходящее на Новую улицу¹¹⁴, – царь жил тогда около храма Юпитера Статора. Она приказывает не падать духом; царь-де был ошеломлен внезапным ударом; оружие не глубоко проникло в тело; он уже пришел в себя; кровь обтерта и рана исследована; все обстоит благополучно; она не сомневается, что скоро они увидят его самого; а тем временем царь повелевает повиноваться Сервию Туллию; он будет творить суд и исполнять другие обязанности царя. Сервий выходит в военной накидке в сопровождении ликторов и, сидя на царском сиденье, одни дела решает, а о других притворно обещает посоветоваться с царем. Таким образом в несколько дней, когда Тарквиний уже скончался, но смерть его была скрываемая, он, будто бы исправляя чужую обязанность, укрепил свое положение. Тогда только поднялся во дворце плач, и смерть была обнародована. Сервий, окружив себя крепкою стражей, первый принял царство не по решению народа, а только с согласия отцов. Сыновья же Анка удалились в изгнание в Свессу Помецию еще тогда, когда разнеслась весть, что совершившие злодеяние схвачены, царь жив, а Сервий заручился такой силой.

42. Для укрепления своей власти Сервий прибегал как к государственным мероприятиям, так и к частным: чтобы дети Тарквиния не были против него так же враждебно настроены, как дети Анка против Тарквиния, он выдал двух дочерей своих за царских сыновей Луция и Аррунта Тарквиниев. Но человеческие соображения не отвратили предопределения судьбы: жажда царской власти породила вероломство и вражду даже среди домашних.

Для сохранения спокойствия в настоящее время как нельзя более кстати была предпринята (за истечением срока перемирия¹¹⁵) война с вейянами и другими этрусками. В этой войне проявилась и доблесть Туллия, и счастье; рассеяв огромное войско неприятелей, он вернулся в Рим несомненным царем, спросил ли бы он мнение сената или народа.

Затем он приступил к великому мирному делу, чтобы, подобно тому как Нума был творцом божественного права, молва среди потомства называла Сервия основателем сословного

¹¹⁴ ...с верхнего этажа дома через окно, выходящее на Новую улицу... – Нижний этаж римского дома обыкновенно был окружен портиками, его окна выходили во двор, с верхнего же этажа – на улицу. Новая улица пролегла по северной и западной сторонам Палатинского холма.

¹¹⁵ ...за истечением срока перемирия... – О каком перемирии говорит Ливий, непонятно, так как о войне речи не было.

деления государства, которое определило различие в правах и положении. Он учредил ценз¹¹⁶ – установление в высшей степени благотворное для государства, которому суждено было достичь такого величия: на основании его военные и гражданские обязанности были распределяемы не поголовно, как прежде, а по имущественному положению. Тогда установлены были разряды и центурии¹¹⁷ и на основании ценза сделано было следующее распределение, удобное и для мирного, и для военного времени.

43. Из тех, кто имел сто тысяч ассов или еще больший ценз¹¹⁸, он образовал восемьдесят центурий – по сорок центурий старших и младших¹¹⁹; входившие в состав их граждане названы были первым разрядом; старшие предназначены были для охраны города, младшие – для ведения войн вне города. Оружие для защиты тела определено им: шлем, круглый щит, поножи, панцирь – все из бронзы, оружие наступательное – копье и меч. К этому разряду присоединено было две центурии ремесленников¹²⁰, которые несли службу без оружия; на них возложено было сооружение военных машин. Второй разряд образован был из имеющих ценз от ста до семидесяти пяти тысяч ассов, и из них составлены двадцать центурий, старших и младших. Оружие назначено: вместо круглого щита – продолговатый, а все остальное – то же, кроме панциря. Ценз третьего разряда определен в пятьдесят тысяч ассов; из них образовано столько же центурий и с тем же подразделением по возрасту. В вооружении также не сделано никаких изменений, кроме того, что отняты поножи. Ценз четвертого разряда – двадцать пять тысяч; из него образовано столько же центурий; вооружение изменено: им назначены только длинное копье и дротик. Пятый разряд многочисленнее: из него образовано тридцать центурий; они носили с собой только пращи и пращные камни; к ним причислены были¹²¹ горнисты и трубачи, разделенные на две центурии; ценз этого разряда был четырнадцать тысяч. Из остального населения, имевшего меньший ценз, образована была одна центурия, свободная от военной службы.

Устроив и распределив таким образом пехоту, он набрал двенадцать центурий всадников из самых состоятельных граждан. Кроме того, хотя Ромул образовал всего три центурии, он сделал из них шесть, дав им те же имена, которые были утверждены авгурами. На покупку лошадей назначено было по десять тысяч ассов из казны, а по две тысячи на прокормление их ежегодно должны были вносить вдовы¹²².

¹¹⁶ ...учредил ценз... – Ценз (от лат. *census* – подсчет, оценка) – перепись населения, проводившаяся в Риме каждые пять лет для оценки имущества граждан с целью урегулирования податей и военной службы. Согласно таким критериям, как размер имущества и происхождение, граждане причислялись к тому или иному разряду. Завершался ценз очистительной жертвой.

¹¹⁷ ...установлены были разряды и центурии... – Деление граждан на разряды было установлено, прежде всего, для целей военных: чем состоятельнее был гражданин, тем больше требовало от него государство. Еще это деление важно было и для всей государственной жизни: чем больше служил государству гражданин, тем большими правами он пользовался. Это выражалось в числе центурий: старшие разряды имели больше центурий, младшие – меньше. Самое слово «центурия» имеет двойное значение: с военной точки зрения центурия – отряд в 100 человек, с политической – она состояла из неопределенного числа лиц, принимаемых вместе за единицу при подаче голосов: чем старше разряд, тем меньшее число граждан составляло центурию.

¹¹⁸ ...кто имел сто тысяч ассов или еще больший ценз... – Тит Ливий приводит ценз времени конца республики; первоначально принадлежность к тому или другому разряду определялась количеством земли, которым владел гражданин. Переведено оно было на деньги впервые, полагают, при цензоре Аппии Клавдии, когда асс был в пять раз дороже, чем при Тите Ливии (тогда асс равнялся фунту меди); со времен Первой Пунической войны цена асса стала меньше в три раза. Следовательно, ценз I разряда составлял 20 тысяч тяжелых ассов или 20 югеров земли (по 1000 ассов) и т. д. соответственно.

¹¹⁹ ...по сорок центурий старших и младших... – Старшие – от 46 до 60 лет, младшие – от 16 до 45 лет; только в случае крайней опасности первых призывали на службу вне города.

¹²⁰ ...две центурии ремесленников... – Не принадлежа по цензу к I разряду, они имели право подавать голоса вместе с центуриями I разряда.

¹²¹ ...причислены были... – Позже под «причисленными» разумелись все граждане, выступавшие на войну без оружия и составлявшие запасные силы; они брали оружие убитых воинов и становились на их место.

¹²² На покупку лошадей назначено было по десять тысяч ассов из казны, а по две тысячи на прокормление их ежегодно должны были вносить вдовы. – Сумма на покупку лошади выдавалась одновременно, а кормовые деньги ежегодно; деньги эти уплачивались всеми независимыми и состоятельными женщинами, которых указывало государство каждому всаднику.

Все эти повинности с бедных сложены были на богатых. Зато прибавлены были и почести. Не дано было одинакового права подачи голоса всем поголовно (как это было установлено Ромулом и сохранялось при прочих царях), а установлены степени, так что казалось, будто никто не лишен права голоса, и все же вся сила сосредоточена была у самых состоятельных граждан государства¹²³. Прежде всего приглашались к подаче голосов всадники, затем восемьдесят пехотных центурий первого разряда; если там возникало разногласие, что случалось редко, то должно было приглашать и второй разряд, и почти никогда не спускались так низко, чтобы дойти до последних. И нечего удивляться, что тот порядок, который существует теперь, по установлении тридцати пяти триб, каковое число удваивается вследствие деления их на центурии, старших и младших, не сходится с числом, установленным Сервием Туллем¹²⁴. Ибо, разделив весь город, все его округа и заселенные холмы на четыре части, он назвал их трибами (как я думаю, от слова *tributum*¹²⁵, равномерное взимание коего, сообразно с цензом, установлено было им же), но эти трибы не имеют никакого отношения к разделению на центурии и числу их.

44. Окончив ценз (дело было ускорено законом, который грозил не предъявившим ценза тюремным заключением и казнью), царь приказал всем римским гражданам – всадникам и пехотинцам – собраться на рассвете на Марсовом поле, каждому в свою центурию. Здесь расставлено было все войско, и он принес за него очистительную жертву, состоявшую из свиньи, овцы и быка. Этот обряд¹²⁶ назван был «заключительным жертвоприношением», так как послужил окончанием ценза.

Говорят, что при этом смотре насчитано было восемьдесят тысяч граждан; древнейший писатель Фабий Пиктор¹²⁷ прибавляет, что это число заключало в себе только тех, которые способны были носить оружие. Соответственно такому большому числу населения решено было увеличить и город: присоединены были два холма – Квиринал¹²⁸ и Виминал; вскоре царь увеличивает население и Эсквилинского холма, а чтобы место это приобрело значение, поселился там сам. Город он окружает валом, рвами и стеной; таким образом расширен был и померий¹²⁹. Некоторые, обращая внимание только на происхождение этого слова, объясняют, что так называется пространство, лежащее вне стен города, тогда как на деле это, скорее, пространство, лежащее по обе стороны стены. Такое пространство некогда этруски освящали при основании города там, где собирались вести стену¹³⁰, точно определив предварительно посредством

¹²³ ...и все же вся сила сосредоточена была у самых состоятельных граждан государства. – К подаче голосов сперва приглашались 18 центурий всадников и 80 центурий I разряда; если они голосовали согласно, то дальнейшая подача голосов являлась излишней, так как они составляли уже большинство (98 из 193).

¹²⁴ И нечего удивляться, что тот порядок, который существует теперь, по установлении тридцати пяти триб, каковое число удваивается вследствие деления их на центурии, старших и младших, не сходится с числом, установленным Сервием Туллем. – Это место представляет некоторую неясность. Из существующих объяснений мы останавливаемся на следующем: в 241 году до н. э. произошло смещение деления на трибы и центурии таким образом, что каждая из 35 триб представляла для каждого из пяти разрядов по одной центурии старших и младших, не касаясь, однако, 18 центурий всадников: таким образом, вместо 175 центурий Сервия Туллия (не считая 18 центурий всадников) появляются 350 новых центурий, и Тит Ливий указывает на невозможность согласовать оба деления.

¹²⁵ ...от слова *tributum*... – *Tributum* – налог, идущий на чрезвычайные нужды государства.

¹²⁶ Этот обряд... – Подобный смотр, сопровождаемый принесением очистительной жертвы, совершался каждые пять лет.

¹²⁷ ...древнейший писатель Фабий Пиктор... – Фабий Пиктор – древнеримский историк, жил во время Второй Пунической войны; в «Истории» он описал на греческом языке события со времен Энея до своего времени, на котором остановился более подробно.

¹²⁸ ...присоединены были два холма – Квиринал и... – По свидетельству других историков, Квиринал еще был занят сабиянами; Тит Ливий не говорит об этом в 33 гл.

¹²⁹ ...расширен был и померий. – Померий – незастроенное пространство вдоль городской стены, отделявшее город от сельской местности; эта территория была освящена птицегаданием и находилась под защитой богов от внешнего мира.

¹³⁰ Такое пространство некогда этруски освящали при основании города там, где собирались вести стену... – Согласно ритуалам этрусков, основатель города должен был запрячь в плуг быка и корову, вспахать все пространство, предназначенное для стены; где предполагались ворота, там плуг следовало приподнять, оставив это место невспаханным. Корова должна была

гадания его пределы; установлено было, чтобы изнутри здания не доходили до стен (тогда как теперь они обыкновенно примыкают к ним) и с внешней стороны оставалась некоторая часть земли свободной от возделывания. Это-то пространство, которое не позволено было ни заселять, ни пахать, римляне наименовали померием, столько же потому, что оно находится за стеной, сколько и потому, что стена находится за ним; и при постепенном расширении города, насколько предстояло подвинуть вперед стены, настолько же всегда были подвигаемы и эти освященные пределы.

45. Увеличив с расширением города число граждан, установив дома все учреждения и для мирных, и для военных целей и не желая, чтобы усиление государства совершалось исключительно при помощи оружия, Сервий Туллий попытался достичь его мирным путем, имея в виду вместе с тем приобрести и некоторое украшение для города. Уже тогда славился храм Дианы Эфесской¹³¹; по преданию, он был построен сообща государствами Азии. Такое согласие и общность богов Сервий особенно хвалил перед старейшинами латинов, с которыми тщательно поддерживал гостеприимство и дружбу и официальным путем, и частным образом. Постоянно повторяя одно и то же, он добился наконец того, что латинские народы вместе с римлянами соорудили в Риме храм Дианы. Это было признанием главенства Рима, из-за которого столько раз вступали в вооруженную борьбу. Хотя после стольких неудачных попыток латины и перестали уже заботиться о нем, но один сабинянин возмечтал, что ему представляется случай вернуть первенство при помощи частного предприятия. Рассказывают, что в сабинской земле у одного хозяина родилась телка удивительной величины и вида; рога ее, прибитые в преддверии храма Дианы, много веков оставались памятником этого чуда. Это принято было за предзнаменование, каковым оно и было на самом деле, и гадатели предрекли, что первенство будет принадлежать тому народу, гражданин которого принесет ее в жертву Диане. Это пророчество дошло до слуха предстоятеля капища Дианы. Сабинянин, как только наступил день, подходящий для жертвоприношения, привел телку в Рим к храму Дианы и поставил ее перед жертвенником. Тут римский предстоятель, заметив удивительную величину телки, известную ему по слухам, и помня о пророчестве, обратился с такой речью к сабинянину: «Как это ты, чужеземец, нечистым собираешься принести жертву Диане? Разве ты не омоешься сперва в проточной воде? Внизу в долине течет Тибр». Под влиянием религиозного сомнения, чужеземец, желавший все совершить надлежащим образом, чтобы результат соответствовал пророчеству, быстро спускается к Тибру. Тем временем римлянин закалывает телку Диане. Это было очень приятно царю и народу.

46. Будучи на деле уже без всякого сомнения царем, Сервий тем не менее решился обратиться к народу, расположение которого он предварительно снискал, разделив поголовно отнятую у неприятелей землю, — желает ли он и повелевает ли ему царствовать; это вызвано было слухами о заявлениях, делаемых порой молодым Тарквинием, что Сервий царствует без воли народа. И он провозглашен был царем с таким единодушием, с каким не был избран доселе ни один царь. Но и это не уменьшило у Тарквиния надежды добиться царства. Напротив, будучи и сам пылким юношей и встречая поощрение своему беспокойному характеру дома, со стороны жены Туллии, видя, что раздел земли плебеям совершается против воли отцов, он полагал, что ему представляется повод тем настойчивее нападать на Сервия перед сенаторами и усиливать свое влияние в курии. И римский царствующий дом явил пример трагического злодеяния, так

быть запряжена со стороны города, бык — с наружной стороны. Назначенное гаданиями пространство для померия обозначалось пограничными камнями.

¹³¹ Уже тогда славился храм Дианы Эфесской... — Диана — в римской мифологии богиня растительности, родовспомогательница, олицетворение луны. Была отождествлена с Артемидой, чей знаменитый храм служил общим святилищем двенадцати ионийских городов. Сервий Туллий задумал то же самое и не обращал внимания на существенное различие, состоявшее в том, что Рим не принадлежал к числу городов Латинского союза. Храм Дианы был сооружен на северной стороне Авентинского холма.

что свобода явилась раньше, потому что цари успели надоесть, и царствованию, приобретенному преступлением, суждено было стать последним.

У этого Луция Тарквиния (не вполне ясно, был ли он сын или внук царя Тарквиния Древнего; на основании большинства свидетелей я склоняюсь считать его сыном) был брат – Аррунт Тарквиний, юноша кроткого характера. За них, как выше было сказано, были выданы две дочери Туллии, также вовсе не похожие одна на другую по характеру. Случайно брачные узы соединили не два стремительных нрава, полагаю, по воле судеб римского народа, чтобы царствование Сервия было продолжительнее и могли укрепнуть государственные порядки. Свирепая Туллия не могла успокоиться, что муж ее вовсе не имеет склонности ни к честолюбивым замыслам, ни к дерзким предприятиям; обратив свое внимание всецело на другого Тарквиния, она восхищается им, называет его истинным мужем и потомком царской крови; негодует на сестру, которая имеет такого мужа, но не обнаруживает смелости, доступной и женщине. Как обыкновенно случается, сходство скоро сближает их; зло ведь больше всего тяготеет ко злу. Но начало всеобщего беспорядка произошло от женщины. Она, привыкнув к тайным беседам с чужим мужем, не стеснялась в выражении презрения к своему мужу перед братом его, к сестре – перед мужем ее; настаивает, что ей лучше бы остаться в девушках, а ему холостым, чем вступить в неравный брак и изнывать от чужого малодушия. Если бы боги дали ей мужа, какого она достойна, то скоро она увидала бы у себя в доме царскую власть, которую теперь видит у отца. Вскоре свое безрассудство она передает юноше: Луций Тарквиний и Туллия-младшая, освободившись для нового брака двумя непосредственно следовавшими одно за другим убийствами, сочетаются брачными узами скорее без возражений со стороны Сервия, чем с одобрения его.

47. С этого времени старость Сервия и его власть стала со дня на день подвергаться большей опасности. От одного преступления женщина уже спешит к другому и не дает ни ночью ни днем мужу покоя, побуждая его не оставлять бесцельными прежних убийств. У нее был человек, чьей называться женой и с кем молча переносить рабство; но не было человека, который бы считал себя достойным царства, который бы помнил, что он сын Тарквиния Древнего, который бы предпочитал иметь, а не надеяться только на царство. «Если ты тот, за кого я думала выйти, то я приветствую тебя и мужем, и царем; если же нет, то я сделала тем худшую перемену: в тебе с трусостью соединена преступность. Но воспрянь! Тебе не нужно, как отцу твоему, домогаться царства в чужой стране, происходя из Коринфа или Тарквиний; боги-пенаты, унаследованные от отца, отцовское изображение, царский дом, а в доме царском трон и имя Тарквиния – все избирает и называет тебя царем. Или если у тебя не хватает на то мужества, то к чему ты обманываешь государство? Зачем ты допускаешь смотреть на тебя как на царственного юношу? Уходи отсюда в Тарквинию или в Коринф, вернись назад к незначительному роду, ты похож больше на брата, чем на отца!» Этими и иными речами укоряет и подстрекает она юношу и сама не может успокоиться, что хотя она и происходит из царского рода, но царская власть даруется и отнимается помимо ее, тогда как Танаквиль, женщина иноземного происхождения, могла иметь настолько решимости, что два раза подряд дала царство – раз мужу, а затем зятю.

Возбужденный этой безумной страстью женщины, Тарквиний ходит и заискивает расположение преимущественно у младших сенаторов, напоминает им о благодеянии своего отца и за то просит себе благодарности; юношей привлекает подарками; свое влияние он всюду усиливает и давая щедрые обещания, и взводя обвинения на царя. Наконец, полагая, что уже настало время действовать, он врывается на форум в сопровождении толпы вооруженных. Затем, среди всеобщего ужаса, он садится на царском месте впереди в курии и приказывает глашатаю созвать сенаторов в курию к царю Тарквинию. Скоро сошлись все: одни уже ранее были к тому подготовлены, другие опасались, в случае неявики, навлечь на себя беду и, ошеломленные небывалым случаем, думали, что с Сервием уже покончено. Здесь Тарквиний начал злословить самое его происхождение: этот раб и сын рабыни после возмутительной смерти его

родителя захватил царство, получив его в дар от женщины, не назначив, согласно прежнему обычаю, междоцарствия, не собрав комиций, не получив голосов народа и утверждения отцов. Будучи такого происхождения и так став царем, он покровительствовал людям низшего класса, к которому принадлежал и сам, и, завидуя почетному положению других, разделил самым презренным людям поле, отнятое у первых людей государства; все повинности, некогда бывшие общими, он сложил на самых состоятельных. Он установил ценз, чтобы имущество богатых было известно и возбуждало зависть, а вместе – чтобы был готов источник, откуда, в случае желания, можно было бы раздавать нуждающимся.

48. Во время этой речи явился Сервий, вызванный трепещущим от страха вестником, и вдруг громким голосом из преддверия курии заговорил так: «Что это значит, Тарквиний, что за дерзость сметь при жизни моей созывать сенаторов и садиться на мое кресло?» Тот яростно возразил на это, что он занимает место своего отца, что он царский сын, более полноправный наследник царства, чем раб; достаточно долго тот, благодаря дерзости, вел свою игру и издевался над господами. Тут сторонники того и другого подняли крик, народ бежал в курию, и становилось ясно, что царствовать будет тот, кто победит. Тогда Тарквиний, вынужденный уже самою силою необходимости, решается на крайнее средство: будучи сильнее и по возрасту своему, и по сложению, он схватывает в охапку Сервия и, вытащив его из курии, бросает вниз по ступеням; затем возвращается в курию, чтобы собрать сенаторов. Прислужники и свита царя бегут; сам же он, полуживой, был убит преследователями Тарквиния, которые настигли его, когда он бежал. Полагают, что это сделано было по приказанию Туллии, что согласно со всем ее преступным поведением. По крайней мере, точно известно, что, въехав на форум в колеснице и не стесняясь присутствием мужчин, она вызвала мужа из курии и первая приветствовала его царем. Он приказал ей удалиться из этой шумной толпы. Когда она возвращалась домой и, достигнув верхней части Киприйской улицы, – еще недавно там было капище Дианы, – чтобы въехать на Эсквилинский холм, хотела повернуть направо на Урбийскую возвышенность, испуганный возница остановился и сдержал лошадей, показывая госпоже на лежавший труп Сервия. Тут, по преданию, совершилось позорное и нечеловеческое злодеяние, памятником которому остается это место, именуемое Злодейской улицей: преследуемая тенью¹³² сестры и мужа и обезумевшая от этого, Туллия, как говорят, погнала лошадей через тело отца и, осквернившись и обрызгавшись сама кровью, пролитой при умерщвлении его, принесла часть ее на окровавленной колеснице к пенатам своим и своего мужа; разгневанные домашние боги послали дурное начало царствования, а вскоре подобный же конец.

Сервий Туллий царствовал сорок четыре года и притом так, что даже доброму и скромному преемнику трудно было состязаться с ним. Впрочем, слава его усилилась еще тем, что вместе с ним прекратились царствования, основанные на праве и законе. Некоторые свидетельствуют, что даже эту столь кроткую и умеренную власть, потому что она была властью одного, он имел в виду сложить, если бы злодейство, вышедшее из недр его семьи, не разрушило его плана освободить отечество.

49. После того начал царствовать Луций Тарквиний, прозванный по делам своим Гордым за то, что не позволил похоронить тестя, говоря, что и Ромул исчез без погребения, и за то, что он истребил сенаторов, которых считал сторонниками Сервия. Затем он окружил себя телохранителями, сознавая, что с него самого против него же можно взять пример приобретения царства преступлением; и в самом деле, он не имел никакого другого права царствовать, кроме права силы, так как правил без решения народа и без утверждения отцов. Кроме того, так как он вовсе не мог полагаться на расположение граждан, то ему приходилось ограждать свою власть страхом; чтобы внушить его большему числу людей, он производил сам без совет-

¹³² ...преследуемая тенью... – Или преследуемая фуриями, которые отождествлялись с греческими эриниями – богинями, мстившими за убийство родственников. – *Примеч. ред.*

ников расследование уголовных дел и таким образом получал возможность казнить, отправлять в изгнание и лишать имущества не только людей подозрительных или ненавистных, но и таких, от смерти которых мог ждать только добычи. Уменьшив таким образом преимущественно число отцов, он решил никого не выбирать на их место, чтобы этим сословием, по самой малочисленности его, можно было пренебрегать и чтобы меньше было с его стороны неудовольствий на то, что все решается без него; ибо он первый из царей уничтожил существовавший прежде обычай обо всем совещаться с сенатом и управлял государством, привлекая на советы лишь домашних. Он начинал и кончал войны, заключал и нарушал мир, договоры, соглашения, с кем хотел сам, без воли народа и сената. Больше всего он привлекал к себе народ латинский, чтобы, опираясь и на иноземную помощь, быть в большей безопасности среди сограждан, и не только заводил с их старшинами дружбу, но даже вступал в родство. За Октавия Мамилия Тускуланца – он был знаменитее всех в латинском племени и, если верить преданию, являлся сыном Улисса и богини Кирки¹³³ – он выдал дочь свою и благодаря этому браку привлек на свою сторону многочисленных его родственников и друзей.

50. Приобретя уже большой авторитет среди латинской знати, Тарквиний издает повеление собраться в определенный день в роще Ферентины: он-де имеет сделать сообщение по общему делу. На рассвете собирается много народу; сам же Тарквиний день-то запомнил, но явился однако немного ранее заката солнца. Там целый день много было в собрании разных разговоров. Турн Гердоний, родом из Ариции, жестоко нападал на отсутствующего Тарквиния; нечего-де удивиться, что его прозвали в Риме Гордым (ибо, хотя втихомолку, шепотком, но все уже называли его так). Или можно представить большую гордыню, чем издеваться так над всем латинским племенем? Вызвав издалека, из дому первых людей государства, сам, назначивший собрание, не является! Конечно, он испытывает их терпение, желая угнетать покорных в случае, если они пойдут под ярмо. Кому, в самом деле, не ясно, что он домогается власти над латинами? Если его сограждане хорошо поступили, вверив ему власть, или, вернее сказать, если она действительно ему вверена, а не похищена им при помощи отцеубийства, то даже при этом условии латины не должны поступить так, потому что он чужеземец; если же свои страдают от него, так как он убивает одних за другими, посылает в изгнание, лишает имущества, то что предвещает латинам надежду на лучшее? Если они послушаются его, то все разойдутся по домам и забудут о дне собрания, как забыл о нем сам назначивший его.

Пока этот мятежный и преступный человек, подобными средствами приобретший дома значение, рассуждал в таком роде, явился Тарквиний. Речь на этом и кончилась; все отвернулись приветствовать Тарквиния. Когда водворилась тишина, он по совету приближенных начал оправдываться: он-де пришел так поздно, что был выбран третейским судьей между отцом и сыном, что, стараясь примирить их, запоздал, и так как настоящий день потерял, то он будет завтра говорить то, о чем собирался сказать сегодня. Говорят, что и тут Турн не смолчал; он сказал, что не бывает расследования короче, как между отцом и сыном, что дело можно покончить немногими словами: если-де не слушаешься отца, то будет плохо.

51. Сказав это против римского царя, арицийский гражданин ушел из собрания. Огорченный этим гораздо сильнее, чем казалось, Тарквиний тотчас замышляет убить Турна, чтобы навести на латинов тот же страх, при помощи которого он держал в трепете сограждан. Но, не имея власти убить его открыто, он погубил его без вины, выставив против него ложное обвинение. При посредстве некоторых граждан Ариции, принадлежавших к противной партии, он подкупил золотом раба Турна, чтобы тот позволил принести тайно в его палатку большое количество мечей. Когда в одну ночь это было сделано, Тарквиний немного раньше рас-

¹³³ За Октавия Мамилия Тускуланца – он был знаменитее всех в латинском племени и, если верить преданию, являлся сыном Улисса и богини Кирки... – Мамилии – знатный род из Тускула, города в Лации. Основателем Тускула считали Телегона, сына Одиссея (Улисса) и Кирки (Цирцеи).

света призывает к себе латинских старейшин и, точно напуганный неожиданностью, заявляет, что вчерашнее промедление, случившееся как бы по воле богов, спасло и его, и их. Говорят-де, что Турн собирался убить его и старейшин, чтобы одному править латинами; он имел в виду сделать нападение вчера в собрании, но дело отложено было по причине отсутствия виновника собрания, на которого он преимущественно и посягал. Оттого-то он и нападал так на отсутствующего, что вследствие опоздания его потерял надежду. Если донос верен, то, конечно, на рассвете, когда соберутся в собрание, он явится с отрядом заговорщиков и с оружием; говорят, что к нему свезено большое число мечей. Сейчас же можно узнать, ложь это или нет. Он просит их отправиться вместе с ним к Турну.

Возбуждали подозрение и суровый характер Турна, и вчерашняя речь его, и опоздание Тарквиния, так как очевидно было, что оно могло расстроить замысел об убийстве. Они идут готовыми поверить обвинению, но в то же время решившись признать все ложью, если не будут найдены мечи. Когда они прибыли туда, Турн был разбужен и окружен стражей; рабы, из преданности к господину собиравшиеся сопротивляться, были схвачены, а когда из всех углов палатки стали вытаскивать спрятанные мечи, то дело признано было ясным и на Турна надеты цепи. И немедленно поднимается страшный шум и созывается собрание латинов. Когда мечи были вынесены на середину, то последовал такой взрыв негодования, что без суда была совершена небывалая казнь: он был сброшен в исток Ферентинского ключа и утоплен, после того как покрыли голову плетенкой, а самого завалили камнями.

52. Созвав затем снова латинов на собрание и похвалив их за то, что они по заслугам казнили Турна за попытку произвести переворот и за очевидное покушение на убийство, Тарквиний держал речь: он может, конечно, действовать, опираясь на старинное право, так как все латины, происходя из Альбы, связаны договором, по которому все альбанское государство вместе с колониями уже со времени Тулла подчинилось римской власти; но ради общей пользы он предпочитает возобновить этот договор и сделать латинов участниками благополучия народа римского, освободив их от необходимости постоянно ожидать или терпеть разорение городов и опустошение полей, которым они подвергались сперва в царствование Анка, а потом в царствование его отца. Латинов не трудно было убедить: хотя по этому договору Римское государство оказывалось выше, но вожди латинского племени, очевидно, были заодно и соглашались с царем, да и недавняя судьба Турна служила напоминанием каждому о грозящей ему опасности в случае сопротивления. Таким образом возобновлен был договор, и младшему поколению латинов приказано было, согласно договору, в определенный день явиться к роще Ферентины вооруженными и в большом числе. Когда, согласно вызову римского царя, сошлись представители всех народов, он, не желая, чтобы они имели своего вождя, отдельное главное начальство или собственные знамена¹³⁴, соединил манипулы латинов и римлян, составляя из двух полуманипулов один полный манипул, а из полного манипула – два полуманипула¹³⁵; составленные таким образом из двух частей манипулы вверены были центурионам.

53. Впрочем, он не был таким дурным предводителем на войне, каким несправедливым царем в мирное время; напротив, в этом искусстве он сравнялся бы с прежними царями, если бы испорченность его в других отношениях не помешала и этой славе. Он первый поднял войну против вольсков, продолжавшуюся более двухсот лет после него, и взял у них Свессу Помецию. Набрав от продажи добычи сорок талантов серебра, он задумал соорудить такой величе-

¹³⁴ ...собственные знамена... – Знаменем легиону служило укрепленное на конце копейного древка серебряное изображение распростертого крылья орла. – *Примеч. ред.*

¹³⁵ ...соединил манипулы латинов и римлян, составляя из двух полуманипулов один полный манипул, а из полного манипула – два полуманипула... – Полуманипул латинский и полуманипул римский соединялись в один манипул, затем воины того и другого племени пополам распределялись в каждый полуманипул. Командовали этими смешанными манипулами два римских центуриона. Прежний порядок, по которому всякое племя составляло собственный отряд и имело своего командира, признан был ненадежным.

ственный храм Юпитеру, чтобы он достоин был царя богов и людей, достоин был Римского государства, наконец, самого величия места. Добытые деньги были отложены на сооружение этого храма.

Затем Тарквиний занялся войной, затянувшейся сверх ожидания: открытое нападение на соседний город Габии было неудачно, отнята была и надежда на осаду города, так как царь был прогнан от стен, и наконец он прибег к хитрости и коварству – средствам вовсе не римским. Ибо, когда он, как бы оставив войну, прикинулся занятым закладкой храма и другими городскими сооружениями, сын его Секст, младший из трех, преднамеренно перебежал в Габии, жалуясь на невыносимую жестокость отца; с чужих-де он перенес гордость уже и в отношения к своим, ему надоела даже многочисленность детей, и он хочет так же опустошить дом, как опустошил курию, чтобы не оставить потомства, не оставить наследника престола. Он, по крайней мере, спасшись от направленного против него оружия отца, считает себя в безопасности только у врагов Тарквиния. Пусть они не заблуждаются, он только прикидывается покинувшим войну; она продолжается, и, воспользовавшись случаем, он нападет на них неожиданно. Итак, если у них нет места умоляющим о помощи, то он обойдет весь Лаций, затем отправится к вольскам, эквам и герникам, пока не найдет таких людей, которые сумеют защитить детей от жестоких и безбожных истязаний родителей. Может быть, он найдет и желание начать войну и выступить с оружием против гордого царя и жестокого народа. Сделав вид, что он возмущен и собирается идти оттуда дальше, если они не задержат его, он был ласково принят жителями Габий. Нечего удивляться, рассуждали они, что каков он был с гражданами, каков был с союзниками, таким в конце концов он стал и по отношению к детям; если не будет против кого, то он еще станет неистовствовать против себя; они весьма рады его прибытию и полагают, что в скором времени, при его помощи, война от ворот Габий будет перенесена под стены Рима.

54. Затем Секста начали приглашать на общественные совещания. Здесь, объявляя себя во всех других вопросах согласным со старожилками Габий, как людьми более опытными, сам он постоянно настаивал на войне и в этом деле приписывал себе особенный авторитет, так как ему известны силы обоих народов и он знает, что гордость царя наверное ненавистна гражданам, если даже дети оказались не в состоянии выносить ее. Побуждая таким образом постепенно знатнейших габийцев к возобновлению войны, сам он с наиболее отважными юношами предпринимал набеги с целью грабежа, а вводя их в обман всеми словами и делами, увеличивал доверие к себе, конечно неосновательное, и в конце концов был избран вождем для этой войны. Тут, пока происходили незначительные стычки, перевес в большинстве случаев оказывался на стороне габийцев, и так как масса не знала цели всех этих действий, то знатнейшие и самые простые габийцы наперерыв друг перед другом верили, что Секст Тарквиний богами послан им в вожди. А принимая одинаковое участие в опасностях и трудах и разделяя щедро добычу, он приобрел такое расположение среди воинов, что Тарквиний-отец не был сильнее в Риме, чем сын в Габиях.

Итак, видя, что сил собрано достаточно для любого предприятия, он посылает одного из приближенных в Рим к отцу спросить, что он должен делать, так как боги даровали ему стать всемогущим в Габиях. Этому вестнику, вероятно, потому, что он казался не особенно надежным, на словах не дано было ответа; но, как бы размышляя, царь перешел в находившийся при доме сад в сопровождении вестника сына и, прогуливаясь здесь молча, говорят, стал сбивать палкой головки мака. Утомленный вопросами и ожиданием ответа, вестник вернулся в Габии, все равно что ничего не сделав; передает, что он сам сказал и что видел; вследствие ли раздражения, или ненависти, или врожденной гордости, царь не сказал-де ни одного слова. Когда Сексту стало ясно, чего хочет отец и какое он дает ему наставление обиняками без слов, он истребляет знатнейших габийцев, одних при помощи обвинения перед народом, других – пользуясь ненавистью, вызванной их собственными действиями. Многие были убиты открыто, другие, обвинение которых не могло быть достаточно внушительно, – тайно. Некоторым, если

они того хотели, предоставлено было бежать, другие были отправляемы в изгнание, а имущество отсутствующих, наравне с имуществом умерщвленных, шло в раздел. Это было источником щедрых раздач и наживы; и чувство удовольствия, испытываемое отдельными людьми от выгоды, отнимало сознание общественной беды, пока осиротелая и беспомощная габийская община не была передана без битвы в неограниченную власть римскому царю.

55. Овладев Габиями, Тарквиний заключил мир с эквами, а с этрусками возобновил договор. Затем он сосредоточил свое внимание на городских сооружениях; первым его делом было воздвигнуть храм Юпитеру на горе Тарпейской, который должен был остаться памятником его царствования и имени царей Тарквиниев, из коих отец дал обет, а сын выполнил его. И чтобы вся площадь не принадлежала никакому другому божеству, кроме одного Юпитера и его храма, который сооружался, он решил снять посвящение с капищ и часовен, которых там было несколько; они сперва были обещаны царем Тацием в критический момент битвы против Ромула, а затем освящены и посвящены¹³⁶. Рассказывают, что при закладке этого сооружения боги явили свою силу, чтобы показать величие государства, а именно: допустив снятие посвящения со всех остальных капищ, птицы не согласились на таковое же при храме Термина¹³⁷. Это знамение и гадание было понято так: то, что Термин сохранил прежнее место, так как он один из всех богов не был вызван из посвященных ему пределов, предвещает прочность и незыблемость всего государства. За этим знамением вечности последовало другое, предвещавшее величие государства: когда рыли землю для фундамента, говорят, найдена была человеческая голова с сохранившимися чертами лица. Это явление совершенно ясно предсказывало, что тот храм будет твердыней государства и главою его, и в этом смысле высказывались как те прорицатели, которые были в городе, так и те, которые для совещания об этом были вызваны из Этрурии. Царь все больше не жалел затрат; таким образом, пометийской добычи, предназначавшейся, чтобы довести здание до вершины, едва хватило на фундамент. Тем более я склонен верить Фабию – помимо его древности, – что денег было только сорок талантов, чем Пизону, который сообщает, что на это дело было отложено сорок тысяч фунтов серебра: такой суммы нельзя было ожидать от добычи с одного тогдашнего города, и ее, во всяком случае, не превысила бы стоимость фундамента даже теперешних великолепных зданий.

56. Стараясь окончить храм и вызывая мастеров отовсюду из Этрурии, он пользовался для этого не только общественными деньгами, но и работой простого народа. Хотя этот труд, весьма тяжелый сам по себе, присоединился к военной службе, но народ не так тяготился, сооружая своими руками храмы богов, как после, когда его стали переводить на другие работы, менее видные, но гораздо более трудные, – сооружение лож в цирке и проведение под землей главной трубы¹³⁸ для вмещения всех городских нечистот. Современное великолепие едва ли может выставить что-нибудь равное этим двум сооружениям. Заняв этими работами простой народ и в то же время полагая, что многочисленная чернь, когда в ней не будет надобности, будет в тягость городу, а также желая высылкой колоний расширить пределы государства, он основал колонии Сигнию и Цирцеи, будущий оплот города на море и на суше.

В это время явилось страшное предзнаменование: из деревянной колонны выползла змея; это обстоятельство произвело смятение и беготню в царском дворце, но в сердце царя вселило не внезапный ужас, а постоянное тревожное чувство¹³⁹. Итак, в то время как для обществен-

¹³⁶ ...а затем освящены и посвящены. – О посвящении см. гл. 10; оно предшествовало освящению; о последнем см. II, 8.

¹³⁷ ...при храме Термина. – Термин – в римской мифологии божество границ и межевых знаков, разделявших земельные участки. Учреждение культа Термина приписывалось Нуме. По древнему закону, человека, сдвинувшего межевой камень, предавали проклятию. Общественный культ Термина на Капитолии символизировал нерушимость границ Рима и их постоянное расширение. – *Примеч. ред.*

¹³⁸ ...проведение под землей главной трубы... – Имеется в виду Большой канал (*Cloaca Maxima*) – огромный подземный коридор со сводчатым потолком из трех рядов больших камней, находящийся на глубине 47 футов. При его помощи все подпочвенные воды Рима собирались в один канал и отводились в Тибр. – *Примеч. ред.*

¹³⁹ ...из деревянной колонны выползла змея... в сердце царя вселило не внезапный ужас, а постоянное тревожное чув-

ных знамений приглашаемы были только этрусские прорицатели, пораженный этим, так сказать, домашним видением, он решил послать в Дельфы к славнейшему на земле оракулу. Но, не решаясь доверить ответ оракула кому-нибудь другому, он послал двух сыновей в Грецию через неведомые в то время земли и еще более неведомые моря. Отправились Тит и Аррунт. В спутники им дан был Луций Юний Брут, сын сестры царя Тарквиния, юноша далеко не такого слабого ума, каким он прикидывался. Узнав по слухам, что знатнейшие люди, в том числе его брат, перебиты дядей, он решил не давать места в душе царя ни страху перед его умом, ни желанию воспользоваться его состоянием и жить безопасно, подвергая себя презрению там, где мало было надежды на право. Итак, нарочито прикинувшись глупым и предоставив себя в распоряжение царя, а имущество в добычу ему, он не отказался и от прозвища Брута¹⁴⁰, чтобы, скрываясь под прикрытием его, тот, которому суждено было освободить римский народ, выждал своего времени. Его-то тогда Тарквинии взяли с собой в Дельфы скорее ради потехи, чем как спутника, и он, говорят, понес в дар Аполлону золотой жезл, спрятанный в вишневым, нарочно для того выдолбленный, символически изображая свой ум.

Прибыв туда и выполнив поручение отца, юноши пожелали узнать, к кому из них перейдет царская власть в Риме. Говорят, что из глубины пещеры раздался голос: «Верховную власть в Риме будет иметь тот из вас, юноши, кто первый поцелует мать». Тарквинии строго приказывают молчать об этом, чтобы Секст, оставшийся в Риме, не знал об ответе и не получил власти; сами же между собой предоставляют решить жребию, кому первому по возвращении в Рим поцеловать мать. А Брут, полагая, что голос пифии имеет в виду другое, как бы поскользнувшись, упал и поцеловал землю, потому, конечно, что она общая мать всех людей. Затем они вернулись в Рим, где шли усиленные приготовления к войне против рутулов.

57. Рутулы, народ по тем местам и по тому времени весьма богатый, владели Ардеей. Это-то обстоятельство и было причиной войны, так как царь римский, истощив средства на великолепные общественные сооружения, желал обогатиться сам и задобрить поживой граждан, которые, негодуя на царскую власть за разные проявления гордости царя, возмущались и тем, что он так долго пользуется ими как ремесленниками и рабами. Попробовали, нельзя ли взять Ардею приступом; когда же это не удалось, то начали теснить врага обложением и осадными сооружениями.

На этой стоянке, как это обычно при более продолжительной, чем ожесточенной войне, отпуска были довольно свободные, хотя больше для знатных людей, чем для простых воинов; так, царские юноши проводили досужее время в своем кругу, иногда среди пиров и попойек. Когда они бражничали у Секста Тарквиния и в числе их находился и Тарквиний Коллатин, сын Эгерия, случайно вспомнили о женах; каждый чрезвычайно расхваливал свою. Когда разгорался спор, то Коллатин заметил, что нечего тратить слова, что через несколько часов можно убедиться, насколько его Лукреция выше других. «Если в нас есть юношеские силы, то сядем на коней и увидим воочию характер наших жен: что представится взорам неожиданно приехавшего мужа, то и должно быть для каждого наиболее убедительным». Они были разгорячены вином. «Ну конечно!» – заявили все. Пришпорив коней, они ускакали в Рим. Прибыв туда в начале сумерек, они отправляются в Коллацию, где находят Лукрецию не как царских невесток, которые проводили время в роскошном пиру со сверстницами, а занятой в позднюю ночь пряжей, сидящей посередине дома и окруженной прилежными служанками. Победа в этом состязании жен была за Лукрецией. Прибывший муж и Тарквиний были приняты приветливо, и победитель-супруг любезно приглашает царских сыновей. Тут Секстом Тарквинием овладела

ство. – Змеи считались провозвестницами смерти.

¹⁴⁰ ...он не отказался и от прозвища Брута... – Т. е. «Тупица». Вернее, впрочем, что прозвище подало повод к составлению сообщаемого рассказа.

преступная страсть опозорить насильно Лукрецию; пленяла его и красота, и всем известное целомудрие. Но пока что с ночной юношеской прогулки они возвращаются в лагерь.

58. Через несколько дней Секст Тарквиний, без ведома Коллатина, с одним провожатым отправляется в Коллацию. Не зная о его намерении, его приняли приветливо и после обеда отвели в спальню для гостей; пылая страстью и видя, что вокруг безопасно и все спят, обнажив меч, он явился к спящей Лукреции и, схватив ее левой рукой за грудь, сказал: «Молчи, Лукреция, я Секст Тарквиний, в руках у меня меч, если ты издашь хоть звук, то умрешь». Испуганной со сна, беспомощной женщине, видевшей перед собою смерть, Тарквиний стал признаваться в любви, просить, примешивать к мольбам угрозы, с разных сторон действовать на женский ум. Но, видя, что она упорна и не поддается даже перед страхом смерти, он к угрозам присоединяет бесчестие: убив-де ее, он положит с ней зарезанного нагого раба, чтобы говорили, что она убита во время гнусного прелюбодеяния. Когда страсть, победа которой была только кажущаяся, одержала при помощи этой угрозы верх над упорным целомудрием и Тарквиний удалился оттуда, гордый бесчестием женщины, опечаленная столь великой бедой Лукреция послала одного и того же вестника в Рим к отцу и в Ардею к мужу, прося их явиться каждого с одним верным другом: так-де нужно и притом очень скоро, случилось ужасное дело. Спуррий Лукреций является с Публием Валерием, сыном Волезия, Коллатин – с Луцием Юнием Брутом; случайно возвращаясь с ним в Рим, он повстречался с вестником жены. Они находят печальную Лукрецию сидящей в спальне. При виде своих она заплакала и на вопрос мужа: «Все ли благополучно?» – отвечала: «Нет. Какое может быть благополучие для женщины, когда она потеряла целомудрие? На твоём ложе, Коллатин, следы чужого мужа; но осквернено только тело, душа же невинна; смерть моя будет ручаться за то. Но дайте руку и слово, что это не пройдет безнаказанно прелюбодею. Секст Тарквиний – тот, который, явившись врагом под видом гостя, в прошедшую ночь насильно с оружием в руках унес отсюда гибельное для меня и для себя – если вы мужи – наслаждение!» Все по порядку дают слово; утешают печальную, слагая вину с принужденной на виновника позора: погрешает дух, а не тело и где нет намерения, там нет и вины. «Вы решите, чему он повинен, – сказала она. – Я же, не признавая за собой греха, не освобождаю себя от казни; и никакая распутница, нарушившая целомудрие, не будет жить, ссылаясь на пример Лукреции». И она вонзила в сердце нож, который спрятан был под одеждой и, склонив голову к ране, упала замертво. Муж и отец вскрикнули.

59. Пока те плакали, Брут, держа перед собою извлеченный из раны Лукреции меч, обогранный кровью, сказал: «Этой непорочной до царской обиды кровью я клянусь и вас, боги, призываю в свидетели, что буду преследовать Луция Тарквиния Гордого с его преступной женой и всеми потомками мечом, огнем и чем только буду в состоянии и не позволю ни им, ни кому-либо другому царствовать в Риме». Затем он передает нож Коллатину, затем Лукрецию и Валерию, оцепеневшим от удивления, откуда это в Бруте неведомый доселе ум. Они клянутся, как им было приказано; затем, сменив слезы на гнев, следуют за Брутом, призывавшим прямо оттуда же идти, чтобы отнять силою царскую власть. Вынеся тело Лукреции из дому, они идут с ним на форум и возбуждают население, дивящееся, как и следовало ожидать, небывалому делу и негодующее. Каждый жалуется на царское злодеяние и насилие. Производит впечатление печаль отца, порицания, высказываемые Брутом слезам и бессильным жалобам, и совет его взять оружие против дерзнувших на безбожное дело – так подобает мужам, так подобает римлянам. Наиболее храбрые юноши добровольно являются с оружием, за ними следуют и остальные. Затем, оставив часть у ворот Коллации для охраны и поставив караулы, чтобы кто-нибудь не известил царскую семью об этом движении, остальные вооруженные, под предводительством Брута, отправились в Рим.

Прибыв туда, вооруженная толпа производит смуту и панику всюду, где ни появляется; однако, видя, что впереди идут знатнейшие люди, полагают, что это, как бы то ни было, что-то важное. И это ужасное событие произвело не меньшее движение в Риме, чем немного ранее

в Коллатии. Итак, из всех частей города бегут на форум. Когда все собрались туда, глашатай созвал народ к трибуну «быстрых», в каковой должности тогда случайно состоял Брут. Здесь он держал речь, обнаружившую далеко не такой слабый ум и способности, какие он притворно показывал до того дня, о насилии и похотливости Секста Тарквиния, о неслыханном оскорблении Лукреции и ее печальной смерти, о сиротстве Триципитина¹⁴¹, для которого причина смерти дочери более возмутительна и прискорбна, чем сама смерть. Прибавлено было и о гордости самого царя, и о страданиях и трудах народа, принужденного копать рвы и клоаки; римские граждане, победители всех соседних народов, из воинов превращены в ремесленников и каменщиков. Упомянуто и о возмутительном убийении царя Сервия Туллия, и о том, что безбожная дочь проехала в колеснице по телу отца, сделано воззвание и к богам – мстителям за родителей. Упомянув об этих ужасных преступлениях, а вероятно, и о других, что подсказывало негодование против настоящих событий и что нелегко воспроизвести писателю, он заставил возмущенную толпу лишить царя власти и изгнать Луция Тарквиния с женою и детьми. Сам же, выбрав и вооружив юношей, вызвавшихся добровольно, отправился оттуда в лагерь в Ардею бунтовать войско против царя; высшую власть в городе он оставил Лукрецию, который уже раньше царем назначен был префектом города¹⁴². Среди этого смятения Туллия бежала из дому, и, где она ни появлялась, мужчины и женщины проклинали ее и призывали фурий, мстительниц за родителей.

60. Когда весть об этом дошла в лагерь, царь, встревоженный неожиданностью, отправился в Рим, чтобы подавить движение, а Брут, узнав о его приближении, свернул с дороги, чтобы не повстречаться; и почти в одно время разными дорогами прибыли Брут в Ардею, а Тарквиний – в Рим.

Перед Тарквинием были заперты ворота и ему объявлено изгнание; напротив, освободитель города был с радостью принят в лагере, дети же царя изгнаны оттуда. Двое последовали за отцом, отправившись в изгнание в Церу в Этрурии. Секст Тарквиний, ушедший в Габии, будто в свое царство, был убит недругами в отмщение за прежнюю вражду, которую он навлек на себя убийствами и грабежом.

Луций Тарквиний Гордый царствовал двадцать пять лет. Царская власть в Риме от основания города до его освобождения продолжалась двести сорок четыре года. Затем центуриатными комициями¹⁴³, созванными префектом города, были выбраны, на основании записок Сервия Туллия¹⁴⁴, два консула¹⁴⁵ – Луций Юлий Брут и Луций Тарквиний Коллатин [509 г.].

¹⁴¹ ...о сиротстве Триципитина... – Триципитин – прозвище Спурия Лукреция.

¹⁴² ...назначен был префектом города. – Префект города исполняет неотложные дела и заботится об охране. – *Примеч. ред.*

¹⁴³ ...центуриатными комициями... – На этих собраниях ежегодно принимали участие в выборах все граждане – патриции и плебеи.

¹⁴⁴ ...на основании записок Сервия Туллия... – Этой прибавкой Тит Ливий хочет придать характер законности совершившемуся перевороту.

¹⁴⁵ ...два консула... – Сам Тит Ливий (III, 55) говорит, что в первое время не было имени консулов, а эти должностные лица назывались преторами.

Книга II

Мероприятия Брута к обеспечению свободы; увеличение числа сенаторов (1). Удаление в изгнание Тарквиния Коллатина (2). Казнь сторонников Тарквиния и расхищение царского имущества (3–5). Война с вейянами и тарквинийцами; смерть Брута (6). Законы консула Валерия; освящение храма Юпитера Капитолийского (7–8). Война с Порсеной; подвиг Горация Коклеса (9–10). Осада Рима этрусками; подвиг Муция (11–12). Мир с Порсеной (13–14). Последняя попытка Порсены вернуть Тарквиния в Рим (15). Война с сабинянами и переселение многих из них в Рим (16). Осада и взятие Помеции (17). Избрание диктатора и битва при Регилльском озере (18–20). Смерть Тарквиния Гордого (21). Колебание вольсков; договор с латинами (22). Волнения среди плебеев (23–24). Победоносная война с вольсками (25). Отражение сабинян и аврунков (26). Притеснения плебеев; война с эквами, вольсками и сабинянами (27–31). Удаление плебеев на Священную гору; миссии Менения Агриппы (32–33). Подвиг Гнея Марция Кориолана и изгнание его (33–35). Чудесная болезнь и исцеление Латиния (36). Оскорбление вольсков (37–38). Кориолан, возждь их, под стенами Рима (39–40). Аграрный закон Кассия и гибель последнего (41). Аграрные смуты и внешние войны; раздражение плебеев (42–43). Измена трибунов интересам плебеев; борьба с вейянами и победа римлян (44–47). Подвиг Фабиев и гибель их (48–50). Отражение вейян от стен Рима (51). Суд над Титом Менением и Спурием Сервилием (52). Война с вейянами и сабинянами; нападение вольсков и эквов на латинов (53). Перемирие с вольсками; суд над Фурием и Меншем; убийство народного трибуна Гнея Генуция (54). Плебеи сопротивляются набору (55). Закон Волерона (56–57). Выбор пяти народных трибунов; вражда плебеев против Аппия и бегство их перед вольсками (58–59). Удачная война Квинкция с эквами (60). Суд над Аппием и смерть его (61). Опустошение полей эквов и сабинян (62). Отражение эквов, вольсков и сабинян; взятие Антия (63–65).

1. Отсюда я начну повествовать о подвигах, совершенных уже свободными римским народом в мирное и военное время, о ежегодно сменяющихся магистратах и господстве законов, более прочном, чем господство людей. Гордость последнего царя сделала свободу еще более приятной. Ибо первые цари царствовали так, что все, один за другим, совершенно заслуженно считаются основателями, по крайней мере, частей города, которые они вновь присоединяли, чтобы поселять там прибавившихся при них граждан. И нет сомнения, что тот же Брут, который приобрел такую славу изгнанием царя Тарквиния Гордого, оказал бы очень дурную услугу государству, если бы, несвоевременно увлеченный страстью к свободе, отторг власть у кого-нибудь из предшествовавших царей. Ведь что было бы, если бы среди того сброда пастухов и пришельцев, бежавших из своих родных стран, добившихся под охраной неприкосновенного храма свободы или, по крайней мере, безнаказанности, сброда, не сдерживаемого страхом перед царем, начались волнения, вызванные трибунскими смутами, и граждане, живя в чужом городе, начали враждовать с патрициями, прежде чем успели сблизиться между собою, женившись и обзаведшись семьями, а с течением времени привязывались и к самой земле? Раздоры рассеяли бы слабые еще элементы государства, которые спокойное управление укрепило и, постепенно развивая, довело до той зрелости, при которой уже возможны добрые плоды свободы. Начало свободы надо видеть в том, что консульская власть сделана была годичной, а не в каком-нибудь ограничении царской власти. Первые консулы удержали все права и все

знаки ее; были приняты меры только против того, чтобы страх не оказался удвоенным, если оба одновременно будут иметь ликторов¹⁴⁶.

С согласия товарища Брут первый принял знаки власти; впоследствии он с таким же рвением охранял свободу, с каким вначале добивался ее. Прежде всего, чтобы впоследствии царские просьбы или дары не могли поколебать народ, с жадностью ухватившийся за неведомую свободу, он заставил его поклясться, что он не допустит никого царствовать в Риме. Затем, чтобы сама многочисленность сената содействовала усилению этого сословия, он посредством избрания старейших из всадников пополнил до трехсот число сенаторов, уменьшившееся вследствие казней, произведенных царем; по преданию, отсюда установился обычай, чтобы были приглашаемы в сенат отцы и «приписанные»¹⁴⁷; именем последних называли избранных после, то есть новый сенат. Это удивительно помогло установлению согласия в государстве и привязанности плебеев к патрициям.

2. Затем позаботились о делах божественных. Так как некоторые жертвоприношения за государство были совершаемы самими царями, то, чтобы в чем-нибудь отсутствие царя не стало заметным, выбирают царя-жреца¹⁴⁸. Этот жрец был подчинен понтифику, чтобы почет, связанный с этим именем, не оказался помехой свободе, о которой тогда имели наибольшее попечение.

И, пожалуй, перешли меру, ограждая свободу со всех сторон, даже в самых пустых делах. Так, например, у одного из консулов, безупречного во всех отношениях, имя оказалось ненавистным государству: очень-де Тарквинии привыкли царствовать – начало положил Древний, затем царствовал Сервий Туллий. Тарквиний Гордый даже во время перерыва не забыл о царстве как о чем-то чужом и захватил его путем преступного насилия, точно свою родовую наследственную собственность. По изгнании Гордого власть оказывается у Коллатина: Тарквинии не могут жить частными людьми! Не нравится имя: оно опасно для свободы. Такие мысли, которыми сперва исподволь испытывали настроение народа, распространились по всему государству, и Брут сзывает на собрание народ, встревоженный подозрением. Здесь он прежде всего читает клятву народа, что он не допустит никого царствовать или даже быть в Риме такому человеку, от которого могла бы грозить опасность свободе. От этого всячески надо остерегаться и нельзя пренебрегать ничем, относящимся сюда. Неохотно-де он говорит, ввиду личности, о которой идет речь, и не стал бы говорить, если бы любовь к государству не одерживала верх: не верит римский народ в прочность приобретенной свободы; царский род, царское имя не только остаются в государстве, но и пользуются властью; это противодействует, это препятствует свободе. «Устрани ты этот страх добровольно, Луций Тарквиний, – говорит Брут. – Признаемся, мы помним, что ты изгнал царей; заверши же свое благодеяние, удали отсюда царское имя! По моему совету граждане не только выдадут тебе все твое имущество, но даже сделают щедрую прибавку, если тебе чего-нибудь недостает. Уйди другим; освободи государство от страха, быть может неосновательного; все убеждены, что вместе с родом Тарквиниев устранена будет отсюда царская власть».

¹⁴⁶ ...были приняты меры только против того, чтобы страх не оказался удвоенным, если оба одновременно будут иметь ликторов. – На этот счет показания авторов расходятся: одни говорят, что каждый консул имел по двенадцать ликторов и все они носили фаски, секиры же передавались поочередно каждый месяц ликторам консула, ведущего текущие дела; сам Тит Ливий высказывается в этом смысле в гл. 55. По свидетельству других, упоминаемый здесь Титом Ливием порядок был установлен Валерием Публиколой.

¹⁴⁷ ...чтобы были приглашаемы в сенат отцы и «приписанные»... – Наименование всех членов римского сената *patres conscripti* есть сокращение из *patres et conscripti*, причем под *patres* («отцы») разумелись сенаторы-патриции, приобретшие это право по рождению; образуя особую корпорацию, они, например, избирали из своей среды междуцаря; *conscripti* («приписанные») – вновь присоединенные из плебеев сенаторы.

¹⁴⁸ ...выбирают царя-жреца. – Царь-жрец (лат. *rex sacrorum*, царь священнодействий) – римский жрец, на которого возлагались сакральные функции изгнанных царей. Избирался из среды патрициев и не мог быть должностным лицом; в его обязанности входило принесение жертв в твердо установленные дни. – *Примеч. ред.*

Сперва консул от удивления перед этим новым для него и неожиданным обстоятельством не мог сказать ни слова; затем, когда он попробовал заговорить, то его окружили главные лица государства и начали усиленно просить о том же. Все эти речи, однако, производили на него не особенное впечатление; когда же начал говорить Спурий Лукреций, старший по возрасту и по почету, и притом его тесть, то прибегая к просьбам, то к убеждениям, чтобы он преклонился пред единодушной волей государства, тогда консул, опасаясь, что потом, как только он станет частным лицом, все это будет приведено в исполнение с лишением его всего состояния да еще с присоединением какого-нибудь бесчестия, отказался от консульства и, перевезя все свое имущество в Лавиний, удалился из государства. Брут, согласно постановлению сената, внес к народу предложение, чтобы все, принадлежащее к роду Тарквиниев, объявлены были изгнанниками. В центуриатных комициях он избрал себе в товарищи Публия Валерия, содействовавшего ему при изгнании царей.

3. Хотя никто не сомневался, что со стороны Тарквиниев грозит война, но она последовала позже, чем можно было ожидать. Впрочем, сверх чаяния, свобода едва не была потеряна вследствие коварства и измены. Между римской молодежью было несколько юношей довольно знатного происхождения, страстям которых во время господства царей было больше простора; то были сверстники и приятели молодых Тарквиниев, привыкшие жить без стеснения. Тогда же, по уравниванию прав всех, тоскуя по прежней воле, они начали жаловаться друг перед другом, что свобода других обратилась для них в рабство: царь – человек, рассуждали они, а потому у него можно выпросить необходимое, будет ли то законно или незаконно; тут есть место расположению, благодетелю; он может и гневаться, и миловать; он умеет различить друга и недруга; между тем законы глухи, неумолимы, удобнее и лучше для слабого, чем для сильного, и если преступишь предел, то нет тебе ни снисхождения, ни милости! Рискованное дело, среди стольких человеческих заблуждений, жить, опираясь лишь на невинность!

Когда уже само собой существовало такого рода недовольство, являются царские послы, требуя лишь выдачи имущества и ни словом не упоминая о возвращении царей. Когда их требование было выслушано в сенате, то совещание о нем продолжалось несколько дней; опасались, что отказ в выдаче может подать повод к войне, а выдача послужит средством и помощью вести ее. Между тем послы начали усиленно хлопотать о другом: открыто требуя возврата имущества, они тайно строили планы восстановления царской власти и испытывали настроенные знатных молодых людей, обходя их, будто бы с целью добиться того, о чем они говорили. Кто выслушивал без возражений их речи, тем они передавали письма от Тарквиниев и вели переговоры о том, чтобы ночью тайком впустить семью царя в город.

4. Сперва это дело было доверено братьям Вителлиям и Аквиллиям. Сестра Вителлиев была замужем за консулом Брутом, и от этого брака были дети, уже юноши, Тит и Тиберий; дядья сделали и их участниками своего плана. Кроме того, привлечены были к этому замыслу еще несколько знатных юношей, имена которых утратились с течением времени. Между тем в сенате взяло верх мнение, что имущество следует выдать; это самое обстоятельство послужило для послов основанием оставаться в городе, так как они испросили у консулов срок на приготовление телег для вывоза царского имущества; все это время они проводили в совещаниях с заговорщиками и своими настояниями добились того, чтобы им дано было письменное удостоверение к Тарквиниям, ведь каким-де образом иначе они могут поверить, что послы докладывают им о столь важном деле не вымышленное? Письма были даны; но, будучи предназначены служить гарантией верности дела, они помогли открыть преступление.

Ибо, когда накануне отъезда к Тарквиниям послы случайно обедали у Вителлиев и заговорщики, удалив свидетелей, вели там между собой, по обыкновению, длинные беседы о своей затее, их разговор подслушал один из рабов; он уже и раньше подозревал, в чем дело, но ждал момента, когда послам будут вручены письма, захватив которые можно было изобличить заговор. Увидев, что они вручены, он донес о случившемся консулам. Консулы, выйдя из дому,

чтобы арестовать послов и заговорщиков, без шума захватили врасплох весь заговор; прежде всего озаботились, чтобы письма не были уничтожены. Изменники немедленно были закованы, а относительно послов несколько призадумались, и хотя они были признаны виновными в деле, за которое их следовало считать врагами, тем не менее международное право восторжествовало.

5. Дело относительно имущества царского, которое решили было выдать, поступило вновь на рассмотрение сената. Под влиянием раздражения сенат запретил выдачу, но запретил и конфискацию в казну: оно было отдано на разграбление народу, чтобы, получив часть этой добычи, он навсегда потерял надежду на примирение с царями. Поле Тарквиниев, находившееся между городом и Тибром, посвящено было Марсу и стало после того называться Марсовым полем¹⁴⁹. Говорят, что там была посеяна пшеница и она уже созрела для жатвы, но так как есть плоды с этого поля было грешно¹⁵⁰, то посланная туда толпа народу, срезав хлеб, перетаскала его в коробах вместе с соломой в Тибр, в котором было мало воды, как это обыкновенно бывает в жаркое лето. Вследствие этого кучи хлеба, останавливаясь на мелких местах, затянуты были тиной; из этого и других туда же нанесенных предметов, которые без разбора несет течение реки, образовался мало-помалу остров. После, вероятно, сделана была насыпь, и вообще труды рук человеческих помогли образованию возвышенной площади, достаточно прочной даже для сооружения храмов¹⁵¹ и портиков.

По расхищении царского имущества изменники были осуждены и казнены; казнь эта потому особенно бросалась в глаза, что консульское звание налагало на отца обязанность наказывать детей; и того именно, которого следовало бы удалить как зрителя, судьба сделала исполнителем казни. Стояли привязанными к позорному столбу знатнейшие юноши; но от всех остальных, словно неизвестных, отвлекали всеобщее внимание дети консула и вызывали сожаление не столько наказанием, сколько преступлением, которым они заслужили его: они решились предать некогда Гордому царю, а ныне враждебному изгнаннику только что освобожденное отечество, отца-освободителя, консульство, основанное домом Юниев, сенаторов, народ, наконец, всех римских богов и граждан. Консулы сели на свои места и послали ликторов совершать казнь. Раздев их, они секут розгами и казнят секирами, и во все время обращало на себя внимание выражение лица отца, и при совершении предписанной законом казни ясно проявилось родительское чувство¹⁵². После казни виновных, чтобы и в том и в другом отношении¹⁵³ дать достойный пример для удержания от преступления, назначена была награда донесшему: деньги из казны, освобождение и право гражданства. Говорят, что он первый был освобожден розгой; по мнению некоторых, само название «виндикта» произошло от него, так как его имя было Виндиций¹⁵⁴. После него было соблюдаемо, чтобы освобождаемые этим способом признаваемы были гражданами.

¹⁴⁹ ...называться Марсовым полем. – Марсово поле (*Campus Martius*) – низменность в излучине Тибра между Тибром и Фламиниевой дорогой, где происходили народные собрания по центуриям, проводилась перепись населения, устраивались военные смотры, спортивные соревнования и т. п. – *Примеч. ред.*

¹⁵⁰ ...есть плоды с этого поля было грешно... – Так как поле было посвящено божеству, то считалось преступным, чтобы люди пользовались его плодами.

¹⁵¹ ...труды рук человеческих помогли образованию возвышенной площади, достаточно прочной даже для сооружения храмов... – Имеется в виду остров Тиберина (*insula Tiberina*), на котором был сооружен в 291 году до н. э. храм Эскулапа.

¹⁵² ...ясно проявилось родительское чувство. – По рассказу других писателей, Брут сохранял безучастное выражение лица; Тит Ливий, находя это неестественным, изменил редакцию сказания.

¹⁵³ ...и в том и в другом отношении... – Т. е. и наказанием виновных, и наградой донесшему властям о грозящей опасности.

¹⁵⁴ ...он первый был освобожден розгой; по мнению некоторых, само название «виндикта» произошло от него, так как его имя было Виндиций. – Одна из форм отпущения на волю называлась *manumission vindicta*. Это была фиктивная процедура заявления в суде о том, что обладание вещью – в данном случае рабом – представляется спорным. Для совершения этого акта необходимы были, кроме отпускаемого на волю раба, три лица: претор, перед которым делалось заявление, господин раба и лицо, оспаривающее принадлежность раба господину, – сперва друг, а после обыкновенно ликтор. Это лицо, касаясь раба палочкой (фестукой), заявляло, что тот свободен; господин, взяв раба за руку, изъявлял свое согласие и выпускал его руку.

6. Получив известие о случившемся, Тарквиний, под влиянием не только огорчения, что рушатся его великие надежды, но также ненависти и раздражения, решил готовиться к открытой войне, после того как увидел, что путь для коварства прегражден. И вот, умоляя, он стал обходить города Этрурии; больше всего он упрашивал жителей Вей и Тарквинии, чтобы они не допустили его, их соотечественника, одной с ними крови, погибнуть на их глазах вместе с юными сыновьями изгнанником, нищим, который еще недавно обладал столь сильным царством. Другие из чужой земли были призываемы в Рим на царство, а он, царь, прогнан преступными заговорщиками из близких ему людей как раз в то время, когда был на войне, заботясь об увеличении Римского государства. Не найдя одного человека, достойного царствовать, они расхитили власть по частям; имущество его они отдали на разграбление народу, чтобы не осталось никого, кто бы не был участником злодеяния. Он хочет вернуться в свое отечество и получить назад царскую власть, хочет преследовать неблагодарных граждан. Пусть они поддержат его, помогут ему; пусть они отомстят вместе и за свои прежние обиды – многократное избиение легионов¹⁵⁵ и отнятие полей. Эти речи подействовали на вейян, и они грозно и громко заявляют, что, хоть под предводительством римского вождя, следует уничтожить позор и вернуть потерянное на войне. Жителей Тарквинии побуждало имя царя и родство с ним: лестным представлялось, чтобы их соотечественники царствовали в Риме. Таким образом, две армии двух государств пошли за Тарквинием добиваться возвращения царства и преследовать войною римлян.

Когда неприятель вступил в римскую область, консулы вышли ему навстречу: Валерий вел пехоту, выстроив ее в каре; впереди Брут вел разведку с конницей. Точно так же впереди неприятельского войска шла конница под начальством царского сына, Аррунта Тарквиния; сам царь с легионами шел сзади. Узнав издали по ликторам консула, а затем ближе и яснее увидав и лицо Брута, Аррунт с гневом воскликнул: «Вот тот человек, который изгнал нас из отечества; вон он величественно выступает, украшенный нашими знаками власти! Боги – мстители за царей, помогите мне!» Он прищипривает коня и в ярости направляет его на самого консула. Брут заметил, что он идет на него. В то время считалось почетным, чтобы вожди лично участвовали в битве, поэтому он с жаром бросается навстречу поединку. Забыв о прикрытии своего тела, лишь бы ранить врага, они с таким ожесточением налетали один на другого, что оба, пронзив сквозь щит друг друга, с копьями в ранах упали замертво с коней. В то же время началась общая конная битва, а немного спустя подошла и пехота. Победа склонялась то на ту, то на другую сторону, и никто не взял верх: с обеих сторон победил правый фланг, а левый был побежден. Вейяне, привыкшие терпеть поражения от римлян, были рассеяны и обращены в бегство, зато тарквинийцы, новые враги, не только устояли, но даже прогнали находившихся против них римлян.

7. После такого сражения на Тарквиния и этрусков напал столь великий ужас, что ночью обе армии, вейская и тарквинийская, оставив свое предприятие как напрасное, разошлись по домам. Присоединяют чудесные рассказы об этой битве: среди тишины следующей ночи из Арсийского леса слышен был громкий голос; признали его за голос Сильвана¹⁵⁶; он сказал следующее: «В битве пало у этрусков на одного больше: победа на стороне римлян». По крайней мере, благодаря этому римляне ушли отсюда как победители, а этруски – как побежденные; после того как рассвело и не видно было никого из врагов, консул Публий Валерий собрал доспехи и с триумфом вернулся отсюда в Рим. Товарища он похоронил с возможною для того

Претор на основании этих заявлений присуждал свободу. Сообщаемая Титом Ливием со слов других этимология, разумеется, неверна; напротив, слово «Виндиций» (Vindicius) произошло от описанного акта.

¹⁵⁵ ...многократное избиение легионов... – Обычное у Ливия перенесение римских наименований разных учреждений на учреждения других народов.

¹⁵⁶ ...за голос Сильвана... – Сильван – в римской мифологии бог лесов и дикой природы; отождествлялся с греческим Паном.

времени торжественностью; но гораздо более почетным для погибшего был общественный траур, замечательный особенно тем, что матроны оплакивали его год, как отца, за то, что он явился столь суровым мстителем за оскорбление целомудрия.

Затем оставшийся в живых консул, пользовавшийся расположением, не только возбудил зависть, но даже подвергся подозрению, соединенному с ужасным обвинением – так изменчиво настроение толпы! Молва гласила, что он стремится к царской власти, так как не потребовал выбора товарища на место Брута и строил себе дом на вершине Веллии¹⁵⁷: это-де сооружается неприступная крепость на высоком и укрепленном месте. Эти речи и доверие к ним в народе возмущали дух консула, а потому, созвав граждан на собрание, он с опущенными пучками прутьев¹⁵⁸ вошел на кафедру. Приятно было толпе видеть, что знаки власти преклонились перед ней и тем было признано, что выше величие и сила народа, а не консула. Здесь, потребовав внимания, консул хвалил судьбу своего товарища, так как он, освободив отечество, в высшей должности, сражаясь за родину, умер в расцвете славы, когда она не успела еще обратиться в ненависть; он же, пережив свою славу, спасен для ненавистного обвинения и, будучи освободителем отечества, приравнен к Аквиллиям и Вителлиям. «Неужели же, – сказал он, – никогда никакая доблесть не будет уважаема у вас настолько, чтобы ее не могло оскорбить подозрение? Мне ли, жесточайшему врагу царей, было бояться, что я сам подвергнусь обвинению в стремлении к царской власти? Мне ли было думать, что меня могут бояться сограждане, хотя бы я поселился в самой Крепости и на Капитолии? От столь ничтожного обстоятельства зависит у вас моя репутация? Неужели до того слабо обосновано доверие ко мне, что важнее где я, чем кто я? Не помешает вашей свободе, квинтиты, дом Публия Валерия; безопасна будет для вас Веллия. Я снесу свой дом не только на ровное место, но даже поставлю его под горой, чтобы вы жили выше меня, подозрительного гражданина; пусть на Веллии строятся те, которым лучше можно доверить свободу, чем Публию Валерию!» Немедленно весь материал был отвезен под Веллию, и дом построен у подножья холма, где теперь находится храм Вики Поты¹⁵⁹.

8. Затем консул предложил законопроекты, которые не только освобождали его от подозрения в домогательстве царской власти, но до такой степени повернули дело совсем в другую сторону, что сделали его любимцем народа, почему и дано было ему прозвание Публикола¹⁶⁰. Особенно приятны были толпе законопроекты об апелляции к народу на решение магистратов и об объявлении вне покровительства законов и конфискации имущества того, кто замыслил захватить царскую власть. После того как он провел их один, чтобы одному пользоваться и благодарностью за них, под его председательством состоялись комиции для избрания товарища. Консулом был выбран Спурий Лукреций, который уже не имел по преклонности возраста достаточно сил для исполнения консульских обязанностей и умер через несколько дней. На место Лукреция избран был Марк Гораций Пульвилл. У некоторых древних писателей я не нахожу имени консула Лукреция; на место Брута они ставят прямо Горация; память о Лукреции утратилась, вероятно, потому, что он не прославил своего консульства никаким деянием.

Храм Юпитера на Капитолии не был еще освящен; консулы Валерий и Гораций бросили жребий, кому сделать это; жребий пал на Горация, а Публикола отправился на войну с Вейями. Родственники Валерия огорчились гораздо сильнее, чем следовало, тем, что освящение столь славного храма предоставляется Горацию. После всевозможных попыток помешать этому, напрасно испробовав все другие средства, в тот момент, когда консул держался уже за

¹⁵⁷ ...на вершине Веллии... – Веллия – один из холмов Рима. Находилась к северо-востоку от форума, между Палатином и Эсквилином. – *Примеч. ред.*

¹⁵⁸ ...с опущенными пучками прутьев... – Пучки прутьев (фасции) – атрибут власти царей. Представляли собой пучки березовых или вязовых прутьев, связанные ремнем красного цвета, из середины которых выступал топор. – *Примеч. ред.*

¹⁵⁹ ...храм Вики Поты. – Вика Пота – римская богиня могущества и победы.

¹⁶⁰ ...прозвание Публикола. – Имя Публикола (Попликола) – по народной этимологии происходит от лат. *populum colere* – «заботиться, печься о народе».

косяк храма и молился богам¹⁶¹, они передают страшную весть, что сын его умер и что он, член пораженного несчастием дома, не может освящать храм. Не поверил ли он или был столь силен духом, точно не засвидетельствовано, и решение вопроса является трудным; но при этом известии он будто бы лишь распорядился похоронить его, а затем, держась за косяк, окончил молитву и освятил храм.

Вот что свершилось в первый год по изгнании царей дома и на войне.

9. Затем были избраны консулами Публий Валерий (во второй раз) и Тит Лукреций¹⁶² [508 г.]. Уже Тарквинии бежали к Ларту Порсене, царю Клузия¹⁶³. Здесь, соединяя советы и просьбы, они то просили не допускать оставаться нищими в изгнании их, по происхождению этрусков, одной с ними крови, носящих то же имя, то даже советовали не оставлять без отмщения зарождающийся обычай изгонять царей. Свобода-де сама по себе достаточно заманчива; если цари не станут защищать своей власти с той же энергией, с какой государства домогаются свободы, то высшие сравняются с низшими; не будет в государствах ничего высокого, ничего выдающегося; близок конец царской власти, учреждения прекраснейшего, какое только существует у богов и у людей. Порсена, считая для этрусков весьма почетным как то, чтобы в Риме был царь, так особенно то, чтобы он был этрусского племени, двинулся с враждебным войском на Рим. Никогда раньше сенат не был в столь великом страхе; до того сильно было тогда государство Клузийское и велико имя Порсены. И боялись не только врагов, но и своих граждан, опасаясь, как бы римская чернь со страха не впустила царей и не приняла мира даже под условием рабства. Ввиду этого сенат сделал в то время много угодного народу. Прежде всего позаботились о продовольствии¹⁶⁴: для закупки хлеба отправлены были одни в землю вольсков, другие – в Кумы. Равным образом все расходы по добыванию соли были приняты на казенный счет и частные лица лишены были права продавать ее, так как назначали непомерную цену; освобожден был народ и от уплаты пошлин и налога на военные издержки, так что вносили их богатые, которые в состоянии были платить; бедные достаточно-де вносят, выращивая детей. Благодаря этой снисходительности сенаторов, при последовавших тяжелых обстоятельствах, во время осады и голода, сохранялось такое согласие в государстве, что самые безправные столько же страшились имени царя, сколько высокопоставленные, и никто впоследствии не достиг преступными средствами такой популярности, какой пользовался в то время весь сенат за хорошее управление.

10. Когда появились враги, то все из деревень переселяются в город; вокруг самого города расставляют сторожевые отряды. Одни пункты, казалось, были защищены стенами, другие – Тибром. Мост на сваях¹⁶⁵ чуть было не пропустил неприятелей, если бы не нашелся один человек – Гораций Коклес¹⁶⁶: в лице его в тот день судьба города Рима нашла своего защитника. Находясь случайно на сторожевом посту у моста, он увидел, что неприятели, внезапно напав, овладели Яникульским холмом и оттуда быстро бегут вперед, тогда как его воины в ужасе бро-

¹⁶¹ ...когда консул держался уже за косяк храма и молился богам... – Освящающий магистрат держал косяк двери храма и повторял слова читаемой жрецом молитвы, заключающей в себе передачу храма божеству.

¹⁶² ...были избраны консулами Публий Валерий (во второй раз) и Тит Лукреций... – У Тита Ливия недостает наименования консулов того года, когда шла война с Порсеной, так как сам он называет в гл. 19 Валерия консулом в четвертый раз, по нашему же тексту насчитывается всего три консульства. Кроме того, по свидетельству других историков, эта война началась в третий год республики.

¹⁶³ Уже Тарквинии бежали к Ларту Порсене, царю Клузия. – Каждый из двенадцати союзных городов Этрурии имел своего царя, но для общих предприятий, вероятно, избирали одного вождя. Ларт – титул этрусских царей, вероятно, означает «повелитель».

¹⁶⁴ Прежде всего позаботились о продовольствии... – Если опасались недостатка в продовольствии, то делали запасы на казенный счет, которые затем продавались гражданам по умеренным ценам.

¹⁶⁵ Мост на сваях... – Имеется в виду так называемый Свайный мост. – Примеч. ред.

¹⁶⁶ ...Гораций Коклес... – Гораций Коклес (букв.: «Кривой», «Одноглазый») – легендарный римский герой, олицетворение доблести. – Примеч. ред.

сают оружие и покидают ряды. Удерживая отдельных воинов, становясь им на дороге и заклиная их, он призывал в свидетели богов и людей, что они напрасно бегут, покинув пост; ведь если они перейдут и оставят за собой мост, то в один миг неприятелей будет больше на Палатинском и Капитолийском холме, чем на Яникульском. Поэтому он просит и объясняет им, чтобы они разрушили мост мечом, огнем, чем только могут; он же встретит напор врагов и окажет им возможное для одного сопротивление.

И вот он идет к входу на мост и, выделяясь из толпы беглецов, спины которых были видны, оружием, обращенным на врага, для того чтобы вступить в рукопашную, он озадачил его самой своей неслыханной дерзостью. Впрочем, стыд удержал с ним двух – Спурия Ларция и Тита Герминия, мужей знаменитых происхождением и подвигами. Вместе с ними он короткое время выдерживал первое нападение и самую ожесточенную схватку; затем, когда оставалась уже небольшая часть моста и разрушавшие звали их к себе, он заставил и этих отступить в безопасное место. Затем, грозно обводя суровыми взорами знатнейших этрусков, он то вызывает отдельных лиц, то бранит всех, говоря, что они, рабы гордых царей, не знающие своей свободы, идут отнимать чужую. Некоторое время они медлили, смотря один на другого, не начнет ли кто бой. Стыдно затем стало войску, и, подняв крик, они со всех сторон пускают стрелы в одинокого врага. Так как он все стрелы принял на противопоставленный щит и, твердо стоя, с тем же упорством продолжал защищать мост, то неприятели начали уже пытаться столкнуть этого мужа; но вдруг треск разрушенного моста, а вместе с ним крик римлян, ободренных окончанием работы, напугал врагов и остановил нападение. Тогда Коклес воскликнул: «Отец Тиберин! К тебе я молюсь, милостиво прими на свои волны это оружие и этого воина!» С этими словами он прыгнул в оружие в Тибр и под градом сыпавшихся стрел невредимо переплыл к своим, дерзнув на подвиг, которому суждено было встретить среди потомства больше славы, чем веры. Государство было благодарно за такую доблесть: на площади для выборов была поставлена его статуя и подарено ему столько земли, сколько он мог обвести плугом в день. Рядом с общественными почестями выражалось и усердие частных лиц: несмотря на крайнюю нужду, каждый по мере достатка приносил что-нибудь, отнимая у себя насущно необходимое.

11. Потерпев первую неудачу, Порсена, вместо штурма города, решил на осаду его: расположив на Яникульском холме гарнизон, сам он стал лагерем на ровном месте на берегу Тибра, стянув отовсюду суда и для караулов, чтобы они не допускали подвоза хлеба в Рим, и для того, чтобы они перевозили через реку в разных местах, где представится случай, воинов для грабежа. В короткое время он сделал всю римскую область до того небезопасной, что не только все остальное имущество свозили с полей в город, но даже сгоняли туда весь скот, и никто не решался выпускать его за ворота. Впрочем, столько простора предоставлено было этрускам скорее намеренно, чем вследствие страха: консул Валерий, ожидая случая врасплох напасть на большую и беспорядочную толпу и не желая мстить за пустяки, берег силы, чтобы жестоко наказать за более серьезное. Итак, с целью выманить грабителей он велит своим на следующий день выгнать большое количество скота за Эсквилинские ворота, наиболее удаленные от неприятеля, полагая, что враги узнают об этом от неверных рабов, перебежавших к ним из-за осады и голода.

И действительно, они узнали об этом из показания перебежчика и, рассчитывая захватить всю добычу, переправились через реку в гораздо большем числе. Тогда Публий Валерий приказывает Титу Герминию спрятаться с небольшим отрядом у второго камня¹⁶⁷ по дороге в Габии, а Спурию Ларцию – стоять с легковооруженными юношами у Коллинских ворот, пока неприятель минует их, а затем выступить оттуда, чтобы отрезать ему отступление к реке. Один

¹⁶⁷ ...у второго камня... – Речь о милевых камнях. Такие камни, расположенные на каждой миле, поставлены были позже, но Тит Ливий пользуется этим привычным способом обозначения расстояния на дорогах.

из консулов, Тит Лукреций, вышел через Невиевы ворота с несколькими манипулами, а сам Валерий вывел отборные когорты с Целиева холма. Их первых увидели враги; Герминий, услышав шум, выбежал из засады и, повернув этрусков на Лукреция, рубил их с тыла; криком отвечали справа и слева – от Коллинских и Невиевых ворот; попав в середину, грабители были перебиты, так как не были равны силами, чтобы сразиться, а к отступлению отрезаны были все пути. На этом кончились столь беспорядочные нападения этрусков.

12. Осада тем не менее продолжалась, равно как и нужда в хлебе, который чрезвычайно поднялся в цене, и Порсена уже надеялся взять город при помощи обложения, но в это время знатный юноша Гай Муций вознегодовал, что римский народ в пору рабства, находясь под властью царей, ни в одну войну и ни одним врагом не был осажден, а теперь, освободившись, заперт теми самыми этрусками, войска которых часто разбивал. И вот, полагая, что следует отомстить за этот позор каким-нибудь великим и смелым предприятием, он сперва хотел на свой страх пробраться в неприятельский лагерь. Однако опасаясь, что его могут схватить римские стражи как перебежчика, если он пойдет без разрешения консулов и без чьего бы то ни было ведома (а нынешнее положение города будет подтверждать это подозрение), он обратился к сенату. «Я хочу, отцы, – сказал он, – перейти Тибр и, если возможно, пробраться в неприятельский лагерь не с целью грабежа и не с тем, чтобы мстить за опустошения; если боги помогут, то я имею в уме более серьезное дело!» Сенаторы одобряют. Спрятав под одежду меч, он отправляется.

Прибыв туда, он остановился в самой густой толпе перед трибуналом царя. Случайно там происходила раздача жалования воинам, причем секретарь, сидевший вместе с царем, почти в такой же одежде, был очень занят, и все воины подходили к нему. Боясь спросить, который Порсена, чтобы не выдать себя сознанием, что он не знает царя, и слепо следуя руководству судьбы, он убил вместо царя секретаря. Пробираясь оттуда через испуганную толпу туда, куда открывал ему путь окровавленный меч, он был схвачен царскими телохранителями, сбежавшими на крик. Став перед трибуналом царя и в такую страшную минуту более внушая другим боязнь, чем боясь сам, он сказал: «Я римский гражданин; зовут меня Гай Муций; как враг, я хотел убить врага, а так же готов умереть, как готов был совершить убийство. Римляне умеют храбро и действовать, и терпеть. И не один я замыслил это против тебя: за мною следует длинный ряд ищущих той же чести. Итак, если тебе угодно, то приготовься каждый час рисковать своей головой и видеть в преддверии своего дворца меч врага – такую войну объявляем тебе мы, римские юноши; не бойся войска, не бойся битвы; ты один будешь иметь дело с отдельными людьми!»

Когда царь, воспламененный гневом и напуганный опасностью, отдавал приказание развести кругом огня, грозя ему, если он не раскроет тотчас же, о каких засадах он говорил ему загадочно, тот ответил: «Вот тебе, чтобы ты понял, как мало ценят тело те, которые предвидят великую славу!» При этих словах он положил правую руку на огонь, разведенный для жертвоприношения. Когда он жег ее, точно ничего не чувствуя, царь, вне себя от удивления, вскочил со своего сидалища, приказал оттащить юношу от алтаря и сказал: «Уходи ты, дерзнувший на более вражеское дело против себя, чем против меня! Я сказал бы: хвала тебе, если бы твоя доблесть стояла за мое отечество; теперь же я освобождаю тебя от ответственности, которой ты подлежал по праву войны, и отпускаю отсюда целым и невредимым». Тогда Муций, как бы желая отблагодарить, сказал: «Так как ты чтить доблесть, то получи в дар от меня то, чего ты не мог добиться угрозами: мы, триста лучших римских юношей, поклялись бороться против тебя этим способом. Первый жребий пал на меня; остальные будут являться каждый в свое время, кому придется по жребию, пока судьба не даст попасть в тебя!»

13. По уходе Муция, получившего затем за потерю правой руки прозвище Сцевола¹⁶⁸, в Рим явились послы от Порсены: первая опасность, от которой спасла его только ошибка убийцы, и перспектива подвергаться ей столько раз, сколько остается заговорщиков, произвели на царя такое впечатление, что он сам предложил римлянам мирные условия. Напрасно при этом заходила речь о возвращении Тарквиниев на царство; впрочем, это делалось скорее потому, что он не мог отказать в просьбе Тарквиниям, чем потому, чтобы он не предвидел отказа со стороны римлян. Но он добился возвращения вейянам земель, и римляне вынуждены были дать заложников, если хотят, чтобы был сведен гарнизон с Яникульского холма. По заключении мира на этих условиях Порсена свел войско с Яникульского холма и удалился из римских пределов. Гаю Муцию сенаторы за доблесть подарили поле за Тибром, названное потом Муциевыми лугами.

Такой почет, оказанный доблести, побудил и женщин к заслугам перед государством: девица Клелия, одна из заложниц, пользуясь тем, что этрусский лагерь находился недалеко от берега Тибра, обманула стражей, предводительствуя отрядом девиц, переплыла через Тибр под вражескими стрелами и вернула их всех в добром здоровье в Рим родственникам. Когда это было возведено царю, он прежде всего, под влиянием раздражения, послал в Рим послов требовать выдачи заложницы Клелии; за остальными-де он не гонится. Затем, сменив гнев на удивление, он стал говорить, что это дело превышает подвиги Коклесов и Муциев, и заявил, что если заложница не будет выдана, то он сочтет договор нарушенным, если же будет выдана, то он отпустит ее невредимой домой. Обе стороны сдержали слово: и римляне вернули залог мира согласно договору, и царь этрусов не только не наказал, но и почтил доблесть и, похвалив девушку, сказал, что дарит ей часть заложников; пусть сама выберет, кого хочет. Говорят, что когда все они были выведены, то она выбрала несовершеннолетних, что делало честь ее целомудрию, да и сами заложники единодушно одобряли, что освобождаются из рук врага люди того возраста, в котором легче всего обидеть. По возобновлении мира римляне воздали невиданной доблести женщины небывалый почет, назначив ей конную статую: в конце Священной улицы поставлено было изображение девицы, сидящей на коне.

14. В числе формальностей, соблюдаемых при продаже добычи, существует обычай, сохранившийся с древности до наших дней, совершенно несогласный со столь мирным отступлением этрусского царя от города, — это обычай продавать имущество царя Порсены. Он непременно или возник во время войн и сохранился затем в мирное время, или же зародился по менее важному поводу, чем показывает название его — продажа имущества врага. Из дошедших до нас объяснений более всех подходит то, по которому Порсена, уходя с Яникульского холма, ввиду тогдашней нужды города, возникшей вследствие продолжительной осады, подарил римлянам богатый лагерь, куда свезено было с близких тучных полей Этрурии много хлеба; затем, чтобы народ, если его допустить, не разграбил все это, точно вражеское достояние, оно было продано и названо «имуществом Порсены»; следовательно, это название скорее обозначает благодарность за милость, чем аукционную продажу царского имущества, не бывшего даже во власти римского народа.

Оставив войну с римлянами, Порсена, чтобы не показалось, что войско напрасно было приведено в эти места, отправил с частью сил сына Аррунта осаждать Арицию. Неожданность сперва поразила арицийцев; но затем, призвав помощь от латинских народов и из Кум, они прониклись такой надеждой, что отважились решить дело боем. В начале сражения этруски столь стремительно бросились, что первым же натиском рассеяли арицийцев; куманские же когорты, воспользовавшись против силы искусством, несколько уклонились, а когда враги пронеслись враспынную вперед, то они, повернув знамена, напали на них с тыла; попав таким образом в середину, этруски, почти уже одержавшие победу, были перебиты. Незначительная часть их,

¹⁶⁸ ...прозвище Сцевола... — Сцевола значит «Левша» (от лат. *scaeva* — «левая рука»).

потеряв вождя, в положении и в одежде умоляющих, без оружия бежала в Рим, не имея ближе никакого пристанища. Здесь они ласково были приняты и размещены как гости. По выздоровлении от ран одни отправились домой, извещая о гостеприимном обращении римлян; многих удержала в Риме привязанность к друзьям и к городу. Им отведено было место для поселения, наименованное после этого Этруским кварталом¹⁶⁹.

15. Затем консулами были Спурий Ларций и Тит Герминий [506 г.]. В этот год в последний раз явились от Порсены послы для переговоров о возвращении на царство Тарквиния. Им дан был ответ, что сенат отправит к царю посольство; и действительно, немедленно снаряжены были наиболее почтенные отцы. Вместо ответа предпочли отправить избранных отцов не потому, чтобы нельзя было коротко ответить, что не примут царей, но с тем, чтобы навсегда прекратить даже упоминание об этом и чтобы люди, оказавшие столько взаимных услуг, не тревожили друг друга, ибо он станет просить о том, что идет наперекор свободе римского народа, а римляне, если не захотят легкомысленно губить себя, то должны будут отказывать человеку, которому они ни в чем не хотели бы отказать. У римского народа не царство, а свободное управление. Так решили они – скорее открыть ворота врагам, чем царям; таково желание всех, чтобы конец свободы в городе был концом самого города. Поэтому они просят его, если он желает Риму добра, оставить его свободным. Царь, объятый чувством уважения к ним, ответил: «Так как таково ваше решение и вы упорно стоите на нем, то я не стану больше надоедать вам, напрасно прося об одном и том же, и не стану обманывать Тарквиниев, подавая надежду на помощь, которой я вовсе не могу оказать им; чтобы ничто не нарушало мира моего с вами, пусть он ищет себе другого места изгнания, хочет ли он воевать или жить мирно». К этим словам он присоединил дело, обнаруживавшее еще более его дружеское расположение, – вернул остальных заложников и отдал вейские земли, отнятые по договору у Яникульского холма. Тарквиний, потеряв всякую надежду на возвращение, отправился в изгнание в Тускул к зятю своему Мамилию Октавию. Таким образом, у римлян установился прочный мир с Порсеной.

16. Консулы Марк Валерий и Публий Постумий. В этот год [505 г.] была удачно ведена война с сабинянами; консулы праздновали триумф. Затем сабиняне стали напряженно готовиться к войне. Против них, а вместе на случай опасности со стороны Тускула, с которым, хотя и не было открытой войны, но все же можно было опасаться ее, в консулы были выбраны Публий Валерий (в четвертый раз) и Тит Лукреций (во второй) [504 г.]. Возникший у сабинян спор между сторонниками войны и мира имел последствием переселение значительного числа людей оттуда в Рим. Так, Аттий Клавз, называвшийся потом в Риме Аппием Клавдием, стоявший за мир, но теснимый подстрекателями к войне, не имея сил справиться с их партией, перешел в сопровождении большой толпы клиентов¹⁷⁰ из Инрегилла в Рим. Им дано было право гражданства и отведено поле за Аниеном. После того как к ним присоединились новые граждане из той же области, образовалась триба, которая получила название Старой Клавдиевой. Аппий, принятый в сенат, спустя немного времени приобрел уважение, каким пользовались старейшие члены его.

Консулы отправились с войском в Сабинскую область и с триумфом вернулись в Рим, после того как сперва опустошениями, а затем в сражении нанесли такой урон врагам, что надолго можно было не бояться возобновления войны с их стороны. Спустя год, в консульство Агриппы Менения и Публия Постумия [503 г.], умер Публий Валерий, по мнению всех,

¹⁶⁹ ...наименованное после этого Этруским кварталом. – Этруский квартал (*Vicus Tuscus*) – улица между Палатинским и Капитолийским холмами.

¹⁷⁰ ...в сопровождении большой толпы клиентов... – Клиентами назывались свободные люди, находившиеся в зависимости от сильных и богатых членов рода, так называемых патронов (от лат. *pater* – «отец»). Клиент сопровождал на войне, оказывал ему помощь при материальных затруднениях, поддерживал его в политической жизни; патрон, со своей стороны, должен был защищать интересы клиента. – *Примеч. ред.*

первый человек и на войне, и в мире, пользовавшийся огромной славой, но имевший и столь скудные средства, что его не на что было похоронить: деньги были отпущены из казны. Матроны оплакали его, как Брута. В тот же год отпали к аврункам две латинские колонии, Помеция и Кора¹⁷¹. Началась война с аврунками, но вся она была сосредоточена около Помеции после поражения огромного войска, храбро встретившего консулов при вступлении в их пределы. Резня происходила после битвы в таких же размерах, как и во время ее: число убитых было значительно больше числа пленников, да и те всюду были избиваемы. В пылу военного раздражения не пощадили и заложников, которых было взято до трехсот. И в тот год в Риме праздновали триумф.

17. Следующие консулы, Опитер Вергиний и Спурий Кассий [502 г.], окружили Помецию сперва армией, а потом винеями¹⁷² и другими осадными сооружениями. Аврунки, руководясь скорее непримиримой ненавистью, чем какою-нибудь надеждой или удобным случаем, сделали против них вылазку, и так как большее число их вооружилось огнем, чем мечом, то они наполнили все кровопролитием и пожаром. Сжегши винеи, ранив и убив много врагов, они чуть не убили одного из консулов (авторы не передают которого), когда тот, тяжелораненый, упал с лошади. После этой неудачи вернулись в Рим. Среди большого числа раненых принесен был и консул, надежда на жизнь которого была сомнительна. По прошествии небольшого промежутка времени, достаточного для излечения ран и пополнения войска, сделано было нападение на Помецию с большим ожесточением и с усиленной армией. Когда винеи и другие осадные сооружения были восстановлены и дело было близко к тому, что воины могли взойти на стены, город был сдан. Впрочем, после сдачи произошла не менее жестокая расправа с аврунками, чем если бы город был взят силою: старейшины были казнены, другие колонисты проданы как военнопленные; город разрушен, поле продано. Консулы праздновали триумф не столько вследствие важности оконченной войны, сколько потому, что удовлетворили жажду мести.

18. В следующем году консулами были Постум Коминий и Тит Ларций [501 г.]. В этом году, когда во время игр в Риме сабинская молодежь, шутя, захватывала публичных женщин, вследствие стечения народа поднялась драка и почти что побоище, и этот пустячный случай едва не подал повода к мятежу. Кроме страха перед войной с латинами, присоединились еще точные известия о союзе тридцати народов¹⁷³, поднятых Октавием Мамилием. Когда государство встревожено было ожиданием столь серьезных событий, то в первый раз заговорили об избрании диктатора. Но нет точных известий, в котором году случилось это, каким консулам не доверяли за принадлежность их к партии Тарквиния (существует и такое известие) и кто был избран первым диктатором. Впрочем, у древнейших писателей я нахожу, что первым диктатором был выбран Тит Ларций, а начальником конницы – Спурий Кассий. Избираемые были из бывших консулов – так предписывалось в законопроекте, предложенном касательно выбора диктатора¹⁷⁴. Тем более я вижу основания верить тому, что руководителем и старшим над консулами¹⁷⁵ поставлен был Ларций, консуляр¹⁷⁶, а не Марк Валерий, сын Марка, внук Волеза,

¹⁷¹ ...отпали к аврункам две латинские колонии, Помеция и Кора. – Аврунки (авсоны) – древнее италийское племя, жившее в Лации к югу от вольсков, между реками Лирис и Волтурн. Их главным городом была Свесса. Вероятно, смешением названий городов (Свесса и Свесса Помеция) объясняется ошибка Тита Ливия, приписавшего аврункам захват Кору и Помеции, которые взяты были вольсками.

¹⁷² ...винеями... – Винеи – переносные деревянные навесы, которыми прикрывались от вражеских стрел воины, производившие осадные работы или шедшие на приступ к неприятельскому укреплению.

¹⁷³ ...о союзе тридцати народов... – По преданию, тридцать городов входили в древнейший союз общин Лация. – *Примеч. ред.*

¹⁷⁴ Избираемые были из бывших консулов – так предписывалось в законопроекте, предложенном касательно выбора диктатора. – Едва ли это так; по крайней мере, дальнейший рассказ Тита Ливия не подтверждает этого.

¹⁷⁵ ...руководителем и старшим над консулами... – Итак, консулы не слагают своих полномочий, а исполняют обязанности, преимущественно судебские, в Риме, диктатор же отправляется для ведения войны.

¹⁷⁶ ...консуляр... – Консуляр – бывший консул. – *Примеч. ред.*

не бывший еще консулом; мало того, если бы хотели избрать диктатора непременно из этого дома, то избрали бы скорее отца – Марка Валерия, человека выдающейся доблести и бывшего консула.

Таким образом избран был в Риме первый диктатор. При виде несомых перед ним секир народом овладел великий страх¹⁷⁷ – теперь его распоряжений стали слушаться еще больше. Нельзя тут было, как при консулах, пользовавшихся одинаковой властью, рассчитывать на поддержку другого, не было апелляции, вообще ничто не могло помочь, кроме беспрекословного послушания. Избрание диктатора в Риме напугало и сабинян тем более, что они знали, что это сделано из-за них. Поэтому они посылают послов просить мира. На просьбы их, обращенные к диктатору и сенату, простить проступок молодых людей, отвечали, что юношей простить можно, а старших нельзя, потому что они за одной войной затевают другую. Тем не менее переговоры о мире начались, и сабиняне получили бы его, если бы согласились, как того требовали римляне, уплатить издержки, произведенные на эту войну. Она была объявлена; но год прошел спокойно, так как обе стороны молча соблюдали перемирие.

19. Консулы Сервий Сульпиций и Маний Туллий [500 г.]; не случилось ничего достойного упоминания. Затем консулами были Тит Эбуций и Гай Ветусий [499 г.]. В их консульство последовала осада Фиден и взятие Крустумерии; Пренеста от латинов отпала к римлянам. Не отлагали долее и латинской войны, грозившей уже несколько лет. Диктатор Авл Постумий и начальник конницы Тит Эбуций отправились с большими пешими и конными силами, повстречались с неприятельским войском у Регилльского озера в Тускуланской области и, ввиду слухов о присутствии в латинском войске Тарквиниев, не могли удержаться от немедленной битвы. Поэтому и сражение это было гораздо серьезнее и ожесточеннее остальных; вожди ведь не ограничились высшим руководством в сражении, а дрались сами, лично вступая в битвы, и почти никто из начальников ни с той, ни с другой стороны не вышел без раны, кроме римского диктатора. Когда Постумий, находясь в первом ряду, ободрял и расставлял своих, Тарквиний Гордый, несмотря на преклонный уже возраст и слабые силы, направил на него коня, но, пораженный в бок, унесен был сбежавшимися воинами в безопасное место. И на другом фланге начальник конницы Тит Эбуций напал на Октавия Мамилия, но не застал врасплох тускуланского вождя; напротив, и он пустил на него коня. И с такой силой устремились они, держа копья друг против друга, что у Эбуция была пробита рука, а у Мамилия поражена грудь; он отступил во второй ряд, Эбуций же, не будучи в состоянии держать копье в раненой руке, оставил поле сражения. А латинский вождь, не смущаясь раной, поощрял своих к битве; видя, однако, что его воины напуганы, он подзывает когорту римских изгнанников под командой сына Луция Тарквиния. Так как эти сражались с большим ожесточением вследствие потери имущества и родины, то на некоторое время битва была возобновлена.

20. Когда римляне начали уже отступать на этой стороне, Марк, брат Валерия Публикола, увидел неустрашимого молодого Тарквиния выставляющим себя на показ в первом ряду изгнанников; воспламеняясь славою своих предков и желая, чтобы честь убиения царей, как и изгнание их, принадлежала тому же роду, он прищипорил коня и с копьем в руке неистово устремился на Тарквиния. Тарквиний отступил перед свирепым врагом в ряды своих; Валерия же, неосторожно врезавшегося в ряды изгнанников, поразил кто-то, напав сбоку; рана всадника не остановила коня, и римлянин замертво покатылся на землю, а оружие упало на его тело. Диктатор Постумий, увидев гибель столь важного лица, ожесточенное нападение изгнанников, несшихся в карьер, панику и отступление своих воинов, дает знак своей когорте, состоявшей из отборных воинов и находившейся при нем для охраны: считать за врага всякого, кто покинет строй. Таким образом, видя опасность с обеих сторон, бежавшие римляне повернули на

¹⁷⁷ При виде несомых перед ним секир народом овладел великий страх... – Консулы имели лишь фаски, диктаторы же еще и секиры, что служило символом, что они, как цари, имеют право казнить.

врага и битва завязалась вновь. Только тут когорта диктатора вступила в сражение. Бодрые и смелые, напали они на усталых изгнанников и стали бить их.

Тут опять произошло сражение между вождями. Латинский главнокомандующий, видя, что когорта изгнанников почти окружена римским диктатором, быстро выводит в первую шеренгу несколько вспомогательных когорт. Легат¹⁷⁸ Тит Герминий, увидев, что они стройно приближаются, и узнав среди них по одежде и вооружению Мамилия, с гораздо большим неистовством, чем немного раньше начальник конницы, вступил в бой с неприятельским вождем, так что, поразив в бок Мамилия, убил его одним ударом; но и сам, снимая доспехи с врага, был поражен дротиком и, принесенный победителем в лагерь, скончался, пока принимались первые меры для лечения раны. Тогда диктатор подъезжает к всадникам, заклиная их, ввиду утомления пехоты, сойти с коней и вступить в бой. Те послушались: соскакивают с коней, выбегают в первую шеренгу и выставляют свои щиты вместо сражающихся перед знаменами. Пехота быстро собирается с духом, увидев, что битва стала одинакова для всех и что знатнейшие юноши сражаются вместе с ними и подвергаются одинаковой опасности. Тут только латины дрогнули и строй их подался. Всадникам подвели коней, чтобы можно было гнаться за врагом; последовал и пеший строй за ними. Тут диктатор, прибегая и к божеской, и к человеческой помощи, обещал, говорят, храм Кастору¹⁷⁹ и объявил награду тому воину, который войдет первым или вторым в неприятельский лагерь; и воодушевление было так велико, что римляне одним натиском прогнали врага и взяли лагерь. Так произошло сражение при Регилльском озере. Диктатор и начальник конницы с триумфом возвратились в Рим.

21. В течение следующих трех лет не было ни прочного мира, ни войны [498–495 гг.]. Консулами были Квинт Клелий и Тит Ларций, а затем Авл Семпроний и Марк Минуций. В их консульство освящен был храм Сатурна и установлен праздник Сатурналий¹⁸⁰. Затем консулами были Авл Постумий и Тит Вергиний. У некоторых писателей я нахожу известие, что только в этом году произошла битва при Регилльском озере и что Авл Постумий, ввиду ненадежности товарища, отказался от консульства, и потому был выбран диктатор. Хронологические неточности сбивают исследователя, так как одни так, другие иначе распределяют должностных лиц, и при столь отдаленной древности не только событий, но и авторов нельзя разобрать ни того, какие консулы за какими следовали, ни того, что когда случилось.

Затем консулами стали Аппий Клавдий и Публий Сервилий [495 г.]. Этот год ознаменован был известием о смерти Тарквиния. Он умер в Кумах, куда ушел к тирану Аристодему¹⁸¹ после поражения латинов. Эта весть ободрила и патрициев, и плебеев; но у патрициев радость была чрезмерной: сильные люди начали обижать плебеев, за которыми до того времени они особенно ухаживали. В том же году колония Сигния, выведенная царем Тарквинием, была выведена снова, после того как пополнено было число колонистов¹⁸². В Риме образована двадцать одна триба¹⁸³; в майские иды освящен храм Меркурия¹⁸⁴.

¹⁷⁸ *Легат...* – В войске легаты были помощниками полководца, один из них заступал на его место в случае его отсутствия или смерти. – *Примеч. ред.*

¹⁷⁹ *...храм Кастору...* – Кастор и Поллукс (греч. Полидевк), также Диоскуры, – в греческой мифологии сыновья Леды и Зевса. В Риме они почитались как боги-покровители всадников. Храм этот был построен в 484 году до н. э. в честь обоих Диоскуров – Кастора и Поллукса, хотя обыкновенно называется именем первого. Он находился у подножия Палатинского холма, и доныне от него сохранилось три колонны.

¹⁸⁰ *...освящен был храм Сатурна и установлен праздник Сатурналий.* – Храм Сатурна был построен у подножия Капитолия на месте древнего алтаря. Во время праздника Сатурналий все предавались забавам и наслаждению; господа пировали вместе с рабами. Сатурналии приходились на 17 декабря и продолжались три дня.

¹⁸¹ *...к тирану Аристодему...* – Аристодем (кон. VI в. – нач. V в. до н. э.) – кумский тиран. Около 490 года до н. э., когда изгнанные им аристократы напали на город, был убит со всей семьей. – *Примеч. ред.*

¹⁸² *...колония Сигния, выведенная царем Тарквинием, была выведена снова, после того как пополнено было число колонистов.* – Предполагают, что посланные в первый раз колонисты были изгнаны туземцами; затем их число увеличили и снова отправили в Сигнию. Колония Сигния находилась на северном краю Вольских гор.

¹⁸³ *...образована двадцать одна триба...* – Четыре городских трибы были установлены при Сервии Туллии (I, 43); затем

22. Во время латинской войны с вольсками не было ни мира, ни войны, ибо вольски приготовили вспомогательные отряды для латинов и послали бы их, если бы не были предупреждены римским диктатором, а этот последний торопился, чтобы не пришлось сражаться одновременно с латинами и вольсками. Раздраженные действиями вольсков, консулы двинули легионы в их область. Те не боялись наказания за одно только намерение, а потому были поражены неожиданностью: забыв об оружии, они дают триста заложников – детей первых людей в Коре и Помеции. Таким образом, легионы были уведены оттуда без сражения. Но, спустя немного времени, вольски, оправившись от страха, вернулись к прежнему плану: опять исподтишка они готовятся к войне, заручившись союзом с герниками. Кроме того, они рассылают всюду послов волновать Лаций, но латины вследствие недавнего поражения, понесенного при Регилльском озере, злобствуя и негодуя на всякого, кто бы ни стал советовать войну, не воздержались даже от оскорбления послов: схватив вольсков, они привели их в Рим. Передав их там консулам, они заявили, что вольски и герники готовят войну против римлян. Доклад сенату по этому делу был столь приятен отцам, что они вернули латинам шесть тысяч пленников и передали новым магистратам дело о заключении с ними договора, в котором чуть не навсегда было отказано. Это, конечно, обрадовало латинов, и сторонники мира были в большой чести. В дар Юпитеру Капитолийскому они посылают золотой венец. Вместе с посольством, принесшем дар, явилась целая толпа отпущенных пленников: они отправляются в дома тех, у кого были в рабстве, благодарят за кроткое обращение с ними в пору их несчастья, затем заключают гостеприимный союз¹⁸⁵. Никогда прежде латинская община и граждане ее не были в более тесном единении с Римским государством.

23. Но, с одной стороны, грозила война с вольсками, с другой – внутри государства царило несогласие вследствие непримиримой ненависти между патрициями и плебеями, преимущественно из-за попавших в кабалу в силу долговых обязательств. Последние громко роптали, что, сражаясь в чужих краях за свободу и господство, дома они находятся в плену и угнетении у сограждан, что свобода плебеев более в безопасности на войне, чем во время мира, и среди врагов, чем среди сограждан. Это раздражение, которое само по себе было готово прорваться каждую минуту, разожжено было крайне несчастным положением одного человека. Какой-то старик, на котором видны были знаки всех его страданий, прибежал на форум; одежда была запачкана грязью, еще более жалкий вид имело тело его, по бледности и худобе похожее на скелет; отросшая борода и волосы делали выражение лица его диким. Но при всем таком безобразии его можно было узнать; говорили, что он был начальником центурий, упоминали со страданием и о других его военных отличиях; сам он показывал раны на груди, свидетельствовавшие о нескольких доблестных сражениях. Когда окружавшая его толпа, очень похожая на народное собрание, спросила, откуда эта одежда и этот безобразный вид, он ответил, что задолжал, служа в сабинскую войну, так как вследствие опустошения поля потерял урожай; мало того, пожар истребил его дом, все имущество было расхищено, скот угнан, и в это тяжелое для него время потребован был взнос на военные надобности. Увеличившийся от процентов долг сперва лишил его отцовской и дедовской земли, затем и остального имущества и наконец, точно тля, добрался и до тела: кредитор не только взял его в рабы, но отвел на работы в подземелье и предал на мучения. При этом он показал спину, обезображенную следами от

все римские владения вне города поделили на шестнадцать триб, во избежание же равенства при подаче голосов по трибам прибавлена была еще одна триба.

¹⁸⁴ ...храм Меркурия. – Храм Меркурия находился на Авентине около цирка. Был освящен 15 мая, в день, который был признан днем рождения Меркурия. – *Примеч. ред.*

¹⁸⁵ ...заключают гостеприимный союз. – В Риме чужестранцы были вне покровительства законов; но существовали так называемые договоры о гостеприимстве, при заключении которых обменивались «почетными заложниками», которые передавались из рода в род и, таким образом, могли всегда удостоверить существование такого договора. Гость (гостеприимец) получал не только дружеский прием в доме, но даже, в случае надобности, поддержку в суде и вообще во всех политических и частных делах.

недавно полученных ударов. Видя это и слыша его рассказ, народ поднимает страшный крик. И шум уже не ограничивается форумом, а распространяется всюду, по всему городу. Должники в оковах и без оков вырываются отовсюду на улицу и вызывают к квиритам¹⁸⁶ о защите. Всюду являются готовые следовать за мятежниками; везде многочисленные толпы по всем улицам с криком бегут на форум.

Случайно находившиеся на форуме сенаторы, подвергаясь большой опасности, попали в эту толпу; и она дала бы волю рукам, если бы консулы Публий Сервилий и Аппий Клавдий не поспешили явиться для подавления мятежа. Тогда толпа обратилась на них и начала указывать на оковы и обезображенный вид свой; ссылаясь на службу в разных местах, они говорили, что вот до чего дослужились. Гораздо более угрожая, чем прося, они требуют созыва сената и окружают курию, собираясь сами решать и руководить общественным советом. Лишь очень немногие сенаторы, случайно встреченные, были собраны консулами; прочие боялись показаться не только в курии, но и на форуме, и по малочисленности сената не могло быть никакого совещания. Тогда народ решил, что над ним насмехаются и затягивают дело; неявившиеся сенаторы отсутствуют-де не случайно и не из страха, а чтобы затормозить дело; сами консулы отстраняются и, несомненно, издеваются над их бедственным положением. И дело было уже близко к тому, что даже высокое звание консулов не сдержит раздражения толпы, как, наконец, сенаторы собираются, не зная, что рискованнее, – медлить или идти; когда же наконец собрание курии стало многолюдно, то ни сенаторы, ни даже консулы не могли прийти к соглашению между собою. Аппий, муж крутого нрава, полагал, что следует воспользоваться консульской властью: схватить одного-другого, и все успокоится; Сервилий же, более склонный к кротким мерам, считал и более безопасным, и более легким успокоить, а не сокрушить возбужденный народ.

24. Тем временем появилась другая, еще бо́льшая угроза: прискакали латинские всадники со страшной вестью, что вольски двигаются с армией осаждать город. Это известие произвело совершенно противоположное впечатление на патрициев и на плебеев – так резко разделило несогласие одно государство на две партии. Плебеи ликовали, говоря, что боги являются карателями гордости патрициев, и подстрекали друг друга не записываться в войско: лучше вместе погибать, чем поодиночке; пусть патриции служат, пусть берутся за оружие, чтобы одни и те же подвергались опасности войны и пользовались выгодами от нее! Между тем сенаторы, опечаленные и напуганные двойной опасностью – со стороны граждан и со стороны врагов, стали просить консула Сервилия, который лучше умел ладить с народом, спасти государство, обуреваемое столь великими опасностями. Тогда консул, распустив сенат, является в народное собрание. Здесь он сообщает, что сенат озабочен улучшением положения плебеев; но обсуждению вопроса хоть и о большей, но все же о части государства помешал страх за все государство. Да и возможно ли, когда неприятель почти у ворот города, предпринять что-нибудь прежде войны? Вместе с тем, если бы и последовало с этой стороны какое-нибудь облегчение, то и для плебеев не было бы почетно, что они взяли оружие за отечество лишь по получении награды, да и для патрициев неприлично, что они позаботились о бедственном положении своих сограждан под давлением страха, а не после, по доброй воле. Доверие к своей речи он вызвал эдиктом, которым запрещал кому бы то ни было держать римского гражданина в оковах или в заключении, лишая его тем возможности записаться у консулов в войско, и владеть или продавать имущество воина или держать в кабале его детей или внуков, пока он находится в лагере. По опубликовании этого эдикта и бывшие здесь должники записывались в войско, и отовсюду, со всего города, бежали на форум для принесения присяги узники, вырывавшиеся из домов, так как право держать их было отнято у кредиторов. Таким образом, составилась большой отряд,

¹⁸⁶ ...вызывают к квиритам... – Квириты – торжественное наименование римского народа.

и доблесть, и усердие его в войне с вольсками выделялись более всех других. Консул выводит войска против неприятеля и разбивает лагерь на небольшом расстоянии от него.

25. В ближайшую затем ночь вольски, надеясь на раздоры римлян, пытались напасть на лагерь, рассчитывая, не перебежит ли кто, пользуясь ночным временем, или не последует ли какой-нибудь измены. Караульные услышали и подняли войско; по данному сигналу все сбегались к оружию; таким образом, это предприятие не удалось вольскам. Остальную часть ночи оба войска спали. На рассвете следующего дня вольски, наполнив рвы, нападают на вал. И уже со всех сторон они разрушали укрепления, а консул медлил некоторое время, чтобы увериться в настроении воинов, хотя все, а особенно бывшие в кабале, громко требовали сигнала к сражению; убедившись же в большом воодушевлении, он дал наконец сигнал к вылазке и выпустил воинов, жаждавших сразиться. При первом же натиске враги были прогнаны; когда они бежали, их поражали с тыла, пока пехота могла преследовать; конница же гнала оробевших до самого лагеря. Затем сам лагерь, окруженный легионами, был взят и разграблен, после того как страх выгнал вольсков и оттуда. На следующий день легионы отведены были к Свессе Помеции, куда бежали враги, а через несколько дней город был взят и предан разграблению. Это несколько подкрепило терпевших нужду воинов. Консул с величайшей славой приводит победоносное войско назад в Рим. На пути в город к нему являются послы эцетрийских вольсков¹⁸⁷, которые, по взятии Помеции, испугались за свое существование. По постановлению сената¹⁸⁸ им был дарован мир, но земля отнята.

26. Вслед за тем и сабиняне напугали римлян; но это скорее был переполох, чем война. Ночью в город принесено было известие, что сабинское войско, производя грабеж, достигло реки Аниен: здесь повсюду разграбляются и сжигаются усадьбы. Туда немедленно со всеми конными силами послан был Авл Постумий, бывший диктатором в латинскую войну; с отборным отрядом пехоты последовал консул Сервилий. Всадники окружили большую часть бродивших врассыпную грабителей, а когда подошла пехота, то сабинское войско не оказало ей сопротивления: утомленная переходами и ночным грабежом, большая часть лежала обьевших и опившихся по усадьбам и едва имела достаточно сил, чтобы бежать.

В одну ночь услышали о сабинской войне и окончили ее, а на следующий день, когда уже надеялись, что везде царит полный мир, явились в сенат послы от аврунков с объявлением войны, если римляне откажутся отступить с полей вольсков. Одновременно с послами выступило из дому войско аврунков; известие о том, что его видели уже недалеко от Ариции, произвело такое смятение в Риме, что нельзя было по порядку спросить мнения сенаторов и, во всяком случае, нельзя было дать мирного ответа, когда враги шли войною и когда сами римляне готовили оружие. В Арицию двинулось войско с целью нападения; неподалеку от нее последовало столкновение с войсками аврунков, и дело было решено одной битвой.

27. Разбив аврунков, римский народ, победоносно окончивший в считанные дни столько войн, ожидал исполнения обещаний консула, подтвержденных сенатом, как вдруг Аппий, и по врожденной гордости, и с целью подорвать доверие к товарищу, начал с особенной строгостью решать дела о долгах. Один за другим стали поступать во власть кредиторов те, которые раньше были у них в кабале, такой же участи подвергались и другие. Если это касалось какого-нибудь воина, то апеллировали к товарищу; бегут к Сервилию, ссылаются на его обещания; с упреком указывают ему каждый на свои военные заслуги и на полученные раны. Требуют, чтобы он или доложил сенату, или сам помог им – гражданам как консул, воинам как главнокомандующий. Консул принимал это к сердцу, но обстоятельства заставляли его изменить свое мнение: до такой степени не только товарищ его, но и вся аристократическая партия упорно стояла за

¹⁸⁷ ...послы эцетрийских вольсков... – Как латинское, так и вольское племя состояло из нескольких общин, называвшихся по их главному городу. Эцетра, по предположению, находилась на северных выступах Вольских гор.

¹⁸⁸ По постановлению сената... – Сенат, не спрашивая народное собрание, объявлял войну и заключал мир, как это делали цари.

противную сторону. И вот, стараясь соблюсти середину, он не избежал ненависти плебеев и не заслужил расположения патрициев: эти считали его за слабого и честолюбивого человека, плебеи же – за лживого; а вскоре стало ясно, что его ненавидят так же, как Аппия. Между консулами возник спор, кому освящать храм Меркурия. Сенат, отклонив решение этого дела от себя, передал его народу: кому из них воля народа предоставит освящение храма, тот должен будет заведовать продовольствием¹⁸⁹, установить товарищество купцов¹⁹⁰, совершить церемонию освящения в присутствии понтифика¹⁹¹. Народ предоставил освящение Марку Леторию, центуриону первого манипула, и было очевидно, что это сделано не столько для возвеличивания его – ибо предоставленное ему исполнение государственного дела было слишком высоко сравнительно с его положением, – сколько для унижения консулов¹⁹².

Это ожесточило, конечно, консула Аппия и патрициев; но плебеи ободрились и начали действовать совершенно иным путем, чем было решили: отчаявшись в защите со стороны консулов и сената, они собирались отовсюду всякий раз, как видели, что в суд ведут должника. И за шумом и криком нельзя было слышать решения консула, и никто не повиновался состоявшемуся приговору. Толпа на глазах консула оскорбляла отдельных лиц и действовала силой, так что весь страх и опасность с должников стали обращаться на кредиторов.

Сверх этого, распространился страх перед сабинской войной; когда объявлен был набор, никто не записывался; Аппий негодовал и нападал на честолюбие товарища, который предает отечество своим угодным народу молчанием, и к отказу разбирать дела о долгах присоединяет теперь отказ производить набор, несмотря на постановление сената; но государство не совсем покинуто и консульская власть не низвергнута: он один защитит величие свое и сената. И действительно, когда вокруг него стояла обычная толпа, разбалованная своеволием, он приказал схватить одного выдающегося вождя мятежников. Когда ликторы уже тащили его, тот апеллировал к народу; и консул, ввиду несомненности решения народа, не уступил бы протесту, если бы его упорство не было, хоть и с трудом, сломлено скорее авторитетным советом знатных людей, чем криком народа; столько было у него мужества, чтобы выдерживать ненависть! Зло увеличивалось со дня на день не столько потому, что раздавались громкие крики, сколько, что было гораздо хуже, потому, что оно принимало вид крамолы и тайных совещаний. Наконец ненавистные народу консулы оставили власть; Сервилий не угодил ни тем ни другим, а Аппий приобрел решительное расположение патрициев.

28. Затем вступают в консульство Авл Вергиний и Тит Ветузий [494 г.]. Плебеи, не зная, каковы будут для них новые консулы, собираются по ночам частью на Эсквилийском холме, частью на Авентинском, чтобы потом не становиться на форуме в затруднительное положение, принимая решения без предварительного соглашения, и не действовать во всем безрассудно и случайно. Считая это опасным, как оно и было на самом деле, консулы докладывают сенату, но обсудить это сообщение по порядку не удалось: с таким шумом принято было это известие, со всех сторон так громко выражали негодование сенаторы на то, что консулы слагают ответственность на сенат в тех случаях, где они должны принимать решения сами в силу своей вла-

¹⁸⁹ ...тот должен будет заведовать продовольствием... – Забота о продовольствии (вместе с тем надзор за ценой и качеством продаваемого хлеба) в это время составляла обязанность консулов или же поручалась им сенатом; позже она была передана эдилам, и лишь в исключительных случаях назначалось для того особое лицо.

¹⁹⁰ ...установить товарищество купцов... – Коллегия купцов, как состоявших под покровительством Меркурия, должна была заведовать культом этого бога. Члены этой коллегии именовались мужами Меркурия; праздник основания их коллегии был позже приурочен к 15 мая.

¹⁹¹ ...совершить церемонию освящения в присутствии понтифика. – Верховный понтифик произносил молитву посвящения, а консул повторял слова за ним.

¹⁹² Народ предоставил освящение Марку Леторию, центуриону первого манипула, и было очевидно, что это сделано не столько для возвеличивания его... сколько для унижения консулов. – Избрание плебея для исполнения столь важного поручения является делом вовсе не обычным для того времени; допуская его, народ преступил предложение сената, поставившего вопрос, которому из двух консулов посвящать храм. Центурион первого манипула – старший офицер в легионе.

сти. Разумеется, если бы были в государстве настоящие должностные лица, то в Риме было бы только одно общественное собрание; теперь государство разделено на тысячу курий и собраний, так как одни совещания происходят на Эсквилине, другие – на Авентине. Один истинный муж (ведь это значит больше, чем быть консулом), каков был Аппий Клавдий, в минуту рассеял бы эти собрания. Выслушав порицание, консулы спросили, что же им делать; они заявили, что готовы действовать так энергично и сурово, как это будет угодно сенаторам; решено было строжайшим образом произвести набор: плебеи-де балуются от безделья.

Распустив сенат, консулы выступают на трибунал¹⁹³ и вызывают поименно юношей. Когда никто не отзывался на вызов, стоявшая кругом толпа, точно народное собрание, заявляет, что больше нельзя уже обманывать плебеев: если государство не будет сдерживать обещаний, то никогда не найдется ни единого воина; прежде следует всем вернуть свободу, чем раздавать оружие, чтобы на бой шли за отечество и сограждан, а не за господ. Консулы видели, чего хочет сенат, но не видели, чтобы кто-нибудь из тех, которые за стенами курий держали такие страшные речи, делил с ними народную вражду. Ясно было, что борьба с народом будет жестокая. Итак, прежде чем решиться на крайнее средство, они постановили еще раз посоветоваться с сенатом. Тут к креслам консулов поспешно подбежали младшие сенаторы, требуя, чтобы они отказались от консульства и сложили власть, поддержать которую у них недостает мужества.

29. Достаточно испробовав то и другое¹⁹⁴, консулы наконец заявили: «Чтобы вы не говорили, что были в неведении, сенаторы, мы объявляем вам, что предстоит великое восстание. Мы требуем, чтобы те, которые особенно упрекают нас в трусости, присутствовали, когда мы станем производить набор; если вам так угодно, то мы будем действовать согласно мнению тех, которые стоят за самые решительные меры». Консулы возвращаются на трибунал и приказывают нарочито звать по имени одного из стоявших на виду. Так как тот стоял молча, а около него несколько человек образовали круг, чтобы его не обидел кто-нибудь, консулы посылают к нему ликтора. Когда ликтор был прогнан, стоявшие около консулов сенаторы кричат, что это возмутительно, и сбегаются, чтобы помочь ему. Но когда от ликтора, которому только лишь не позволили взять вызванного, народ бросился на сенаторов, то драка была остановлена только вмешательством консулов; дело, впрочем, обошлось без камней и без оружия и ограничилось больше криком и раздражением, чем насилием.

Бурно был созван сенат, еще более бурно происходило совещание, причем побитые требовали следствия и наиболее рассвирепевшие соглашались с этим, но не выражая толковых мнений, а крича и шумя. Когда наконец раздражение успокоилось вследствие упрека, сделанного консулами, что в курии не больше здравомыслия, чем на форуме, совещание началось в порядке. Было три мнения. Публий Вергиний полагал, что не следует обобщать дела, следует иметь суждение только о тех, которые, поверив Публию Сервилию, пошли на войну с вольсками, аврунками и сабинянами. Тит Ларций высказывался, что не то теперь время, чтобы только за заслуги награждать; все плебеи обременены долгами, и только общие мероприятия могут помочь им; напротив, если положение одних будет одно, а других другое, то несогласие усилится, а не прекратится. Аппий Клавдий, и по природе не склонный к кротким мерам и ожесточенный частью ненавистью к нему народа, частью похвалами сенаторов, заявил, что столь сильные беспорядки произошли не от бедствий, а от своеволия и что плебеи больше балуются, чем неистовствуют. И именно это зло есть следствие права апелляции, ведь консулы только грозят, а не управляют, когда можно апеллировать к тем, которые одинаково виноваты». «А ну-ка, – сказал он, – выберем диктатора, на которого нет апелляции! И эта ярость, которая теперь все повергает в пламя, стихнет. Пусть тогда кто-нибудь толкнет мне ликтора, когда

¹⁹³ ...выступают на трибунал... – Трибунал – четырехугольное возвышение из камня, дерева или земли, на котором восседали (в курульных креслах) должностные лица (в лагере – главнокомандующий) при отправлении обязанностей. В лагере находился перед палаткой вождя.

¹⁹⁴ ...испробовав то и другое... – Т. е. произвести набор и понудить сенат указать другие меры для успокоения народа.

будет знать, что право распорядиться его спиной и жизнью находится в руках диктатора, чье величие он оскорбил!»

30. Многим мнение Аппия казалось жестоким и суровым, каково оно и было на деле; с другой стороны, мнения Вергиния и Ларция подавали дурной пример, особенно же Ларция, так как оно уничтожало кредит. Средним и умеренным в обоих отношениях представлялся совет Вергиния; но вследствие партийных расчетов и соблюдения личных интересов, которые всегда мешали и будут мешать общественным решениям, победа осталась за Аппием, и дело было близко к избранию его диктатором. Это непременно ожесточило бы плебеев, а между тем положение было весьма опасно, так как вольски с эквами и сабиняне разом были под оружием. Но консулы и старшие сенаторы озаботились, чтобы власть, располагающая к крутым мерам, была предоставлена кроткому человеку. Диктатором был избран Маний Валерий, сын Волеза. Хотя плебеи и понимали, что диктатор избран против них, но, имея права апелляции по закону, проведенному его братом, не боялись ничего дурного для себя и никакого высокомерия со стороны этого рода. Затем изданный диктатором эдикт, весьма похожий на эдикт консула Сервилия, укрепил это настроение; полагая, что и на личность его, и на власть можно положиться, они, оставив борьбу, записались в войско. Набралась армия, как никогда до того времени, – десять легионов; по три было дано консулам, а четыре взял диктатор.

И войну уже нельзя было откладывать. Эквы напали на латинскую землю. Латинские послы просили сенат или послать им помощь, или позволить им самим взяться за оружие для защиты своих пределов. Признано было более безопасным защитить безоружных латинов, чем позволить им снова взяться за оружие. Послан был консул Ветузий, и на этом опустошение кончилось. Эквы отступили с равнины и, полагаясь более на местоположение, чем на оружие, стали защищаться на вершинах гор.

Другой консул пошел на вольсков; чтобы тоже не терять времени, он, преимущественно опустошением их полей, заставил неприятелей придвинуть ближе лагерь и сразиться. На равнине, лежащей между двумя лагерями, обе враждебные армии выстроились, каждая перед своим валом. Вольски значительно превосходили численностью; поэтому они начали битву, разбившись на части и небрежно. Римский консул, не выдвигая вперед строя и не позволяя отвечать на крик врагов, приказал своим стоять, вонзив копья в землю, а когда враг подойдет очень близко, тогда начать со всей силой битву мечами. Утомленные бегом и криком, вольски бросились на римлян, которые, по-видимому, оцепенели от страха, но затем, почувствовав натиск лицом к лицу и увидев сверкающие перед их глазами мечи, в смятении, совершенно как будто попав в засаду, обратили тыл; однако и для бегства у них не было сил, так как они бегом шли на бой. Напротив, римляне, стоявшие в начале битвы спокойно, были со свежими силами, легко нагнали утомленных и взяли лагерь приступом; лишив же врага лагеря, они преследовали его до Велитр и ворвались в город – победители вместе с побежденными. И здесь при избиении всех без различия пролито было больше крови, чем в самом сражении. Пощада была оказана немногим – тем, которые сдались без оружия.

31. Пока это происходило в земле вольсков, диктатор разбивает, обращает в бегство и лишает лагеря сабинян, война с которыми была гораздо серьезнее. Послав конницу, он привел в смятение неприятельский центр, который был недостаточно укреплен вглубь вследствие растянутости флангов; на смешавшихся напала пехота. Одним натиском был взят лагерь и окончена вся война. После битвы при Регилльском озере не было в те годы другой – более славной. Диктатор с триумфом въезжает в город. Сверх обычных почестей ему и потомкам его было даровано место, чтобы смотреть представления в цирке, и на этом месте поставлено курульное кресло. После победы над вольсками у тех было отнято поле, лежащее около Велитр; а в Велитры отправлены поселенцы из Рима и выведена колония.

Несколько времени спустя дана была битва эквам, хотя и против воли консула, так как приходилось подступать к врагу на невыгодной позиции. Но обвинения со стороны воинов, что

он затягивает дело, чтобы диктатор сложил должность, прежде чем они вернутся в город, – и таким образом обещания его остались столь же тщетными, как и обещания консула, – заставили его рискнуть двинуть войско на противолежащие горы. Это неосторожное предприятие удалось вследствие трусости врагов: прежде чем римляне подошли на расстояние полета стрелы, изумленные их смелостью неприятели покинули лагерь, хотя он был расположен в прекрасно укрепленном месте, и бросились в лежащую сзади равнину. Добычи здесь было много, и победа стоила мало крови.

После военной удачи в трех местах ни патриции, ни плебеи не перестали заботиться об исходе домашних недоразумений; ибо частью влиянием, частью происками ростовщики принимали такие меры, которые не только обманули надежды плебеев, но и сделали тщетными все старания диктатора. Валерий, по возвращении консула Ветузия, повел в сенате прежде всего речь о защите интересов победителя народа и сделал доклад, какие меры представляются ему необходимыми относительно попавших в кабалу. Когда предложения его были отвергнуты, то он сказал: «Не нравятся вам мои советы помириться; клянусь, скоро вы будете желать, чтобы защитники римских плебеев похожи были на меня. Я же не стану более обманывать своих сограждан и не буду напрасно оставаться диктатором. Внутренние раздоры и внешняя война вызвали необходимость для государства в этой должности: внешний мир достигнут, а дома этого не допускают; я буду присутствовать при мятеже лучше как частный человек, чем как диктатор». Выйдя после этих слов из курии, он сложил диктатуру. Для плебеев было очевидно, что он отказался от должности, возмущаясь за них; поэтому, когда он уходил домой, его провожали, выражая ему свое расположение и восхваляя его, как если бы он сдержал свое обещание, так как с его стороны не было препятствий к исполнению его.

32. Затем патрициями овладел страх, как бы в случае распуска войска не начались опять тайные сходки и совещания. И вот, полагая, что так как воины давали присягу консулам, то она для них обязательна и теперь, хотя набор произведен был диктатором, они приказали вести войска из города под предлогом возобновления эквами военных действий. Это распоряжение ускорило мятеж. И сперва, говорят, шла речь об убийстве консулов, чтобы освободиться от присяги; но узнав, что никакая святость обязательств не уничтожается преступлением, они, по совету некоего Сициния, без позволения консулов ушли на Священную гору¹⁹⁵ в трех тысячах шагах от города за Аниеном (это предание более распространено, чем сообщаемое Пизоном, что удаление последовало на Авентинский холм). Здесь без всякого вождя, укрепив лагерь валом и рвом, забирая с полей лишь необходимое для пропитания, они держались несколько дней спокойно, никем не задеваемые и никого не задевая.

В городе распространилась сильная паника, и обоюдный страх держал всех в напряженном состоянии: покинутые своими, плебеи опасались ярости патрициев, патриции боялись оставшихся в городе плебеев, не зная, чего лучше желать: чтобы они оставались или уходили? Долго ли ушедшая толпа будет спокойна? Что будет, если тем временем разразится какая-нибудь внешняя война? Тут, конечно, остается надежда лишь на согласие граждан; правдой или неправдой, но его надо восстановить в государстве! Ввиду этого решено было отправить к плебеям посредником Менения Агриппу, человека, обладавшего даром слова и приятного плебеям, из среды которых он сам происходил. Допущенный в лагерь, говоря по-старинному безыскусно, он рассказал, по преданию, лишь следующее: «В то время, когда в организме человека не было такой гармонии, как теперь, а каждый член имел свою волю, свои речи, все части тела вознегодовали, что их хлопоты, их труды и услуги достают все для желудка, а он, сидя спокойно в середине, только наслаждается доставляемыми ему благами; поэтому состоялось

¹⁹⁵ ...ушли на Священную гору... – Такие уходы плебеев из Рима получили название сецессии от лат. *secessio* – уход, удаление. В момент серьезных военных осложнений плебейское войско предъявляло патрициям свои требования и удалялось на Священную гору (холм, расположенный в окрестностях Рима). – *Примеч. ред.*

соглашение, чтобы руки не подносили пищу ко рту, рот не принимал предлагаемого, зубы не жевали. Желая в раздражении своем усмирить желудок голодом, сами отдельные члены и все тело исхудали до крайности. Из этого выяснилось, что и служба желудка не лишена значения, что он столько же питается, сколько питает, так как возвращает во все части тела, распределяя равномерно по жилам, изготовленную из съеденной пищи кровь, благодаря которой мы живы и сильны». Проводя отсюда сравнение, как похоже возмущение членов человеческого тела на раздражение плебеев против патрициев, он изменил настроение умов.

33. Затем начались переговоры о примирении и было дано согласие на выставленное плебеями условие, чтобы у них были свои неприкосновенные магистраты¹⁹⁶, которые имели бы право подавать помощь против консулов, и чтобы никто из патрициев не мог занимать эту должность. Таким образом, были избраны два народных трибуна – Гай Лициний и Луций Альбин [493 г.]. Они избрали себе трех товарищей; в числе их был и Сициний, виновник удаления; кто были два остальные, о том существует разногласие. Некоторые утверждают, что на Священной горе было выбрано только два трибуна и там проведен закон о неприкосновенности их.

Во время удаления плебеев вступили в консульство Спурий Кассий и Постум Коминий. При них заключен был договор с латинскими народами. Для заключения его один из консулов остался в Риме, другой, посланный для ведения войны с вольсками, разбил и обратил в бегство антийских вольсков и, преследуя их до города Лонгулы, овладели стенами его. Вслед за тем он взял Полуску, также вольский город, а после того сделал ожесточенное нападение на Кориолы.

В то время находился в лагере в числе знатнейших юношей Гней Марций, молодой человек и умный, и храбрый, прозванный впоследствии Кориоланом. Он случайно стоял на сторожевом посту, когда римское войско, осаждавшее Кориолы, сосредоточив свое внимание на запертых в городе гражданах, нисколько не опасалось войны с другой стороны, а между тем подверглось нападению вольских легионов, пришедших от Антия¹⁹⁷; в то же время осажденные сделали вылазку из города. С отборным отрядом воинов он не только отразил нападение сделавших вылазку, но через открытые ворота мужественно ворвался в город, произвел резню в ближайшей части его и, схватив поспешно огонь¹⁹⁸, зажег здания, прилегавшие к стене. Крик горожан, смешанный с плачем женщин и детей, поднявшимся, по обыкновению, при смятении, прибавил храбрости римлянам и напугал вольсков; показалось, что город, на помощь которому они пришли, был взят. Так антийские вольски были разбиты, а город Кориолы завоеван. Этим отличием Марций настолько затмил славу консула, что совсем исчезло бы воспоминание о войне Постума Коминия с вольсками, если бы не оставался памятником договор с латинами, вырезанный на бронзовой колонне¹⁹⁹ и заключенный, за отсутствием товарища, одним Спурием Кассием.

В том же году умер Менений Агриппа, всю жизнь свою пользовавшейся одинаковым расположением патрициев и плебеев, а после удаления сделавшийся еще дороже плебеям. Этого посредника и третейского судью в восстановлении согласия среди граждан, посла патрициев к плебеям, вернувшего плебеев в город, не на что было похоронить; погребение было устроено плебеями, внесшими поголовно по шестой части асса.

34. Затем консулами были избраны Тит Геганий и Публий Минуций. В тот год [492 г.], когда и на границах царило спокойствие, и дома было восстановлено согласие, государство постигло другое, более тяжелое бедствие – сперва дороговизна съестных припасов, явившаяся

¹⁹⁶ ... чтобы у них были свои неприкосновенные магистраты... – Посягнувший на трибуна считался вместе со всем имуществом посвященным богу подземного царства; становясь вне покровительства законов, он мог быть безнаказанно убит.

¹⁹⁷ ...от Антия... – Антий изначально был латинским городом, а в конце VI века до н. э. попал во власть вольсков; лежал он к югу от Рима на расстоянии около 45 км.

¹⁹⁸ ...схватив поспешно огонь... – Из слов Ливия не видно, откуда взят огонь; вероятнее всего, с какого-нибудь жертвенника или из очага ближайшего дома.

¹⁹⁹ ...на бронзовой колонне... – Во время Тита Ливия этой колонны уже не было.

следствием того, что поля остались, по случаю удаления плебеев, невозделанными, а затем такой голод, какой бывает у осажденных. И дело непременно дошло бы до гибели рабов и плебеев, если бы консулы не приняли мер, разослав для закупки хлеба во все стороны, не только в Этрурию, в правую сторону по берегу от Остии, и не только в левую – через страну вольсков в Кумы, но даже в Сицилию; так вражда с соседями заставила искать помощи в отдаленных странах. Когда хлеб был закуплен в Кумах, то корабли с ним были задержаны тираном Аристомедом в залог за имущество Тарквиниев, которого он был наследником. В земле вольсков и Помптинской области даже купить ничего нельзя было; сами закупщики хлеба подвергались даже опасности нападения со стороны народа. Хлеб из Этрурии пришел по Тибру и поддерживал плебеев. Несвоевременная при столь стесненном продовольствии война обрушилась бы на них, если бы вольсков, уже бравшихся за оружие, не поразила страшная моровая язва. Это бедствие так напугало врагов, что, даже когда оно ослабело, страх их не прошел; пользуясь этим, римляне увеличили число колонистов в Велитрах, а в горы, в Норбу, выслали новую колонию, которая должна была служить оплотом в Помптинской области.

В правление следовавших затем консулов Марка Минуция и Авла Семпрония [491 г.] привезено было из Сицилии большое количество хлеба и возбужден был в сенате вопрос, почем отпускать его народу. Многие высказались, что пришло время прижать плебеев и вернуть права, исторгнутые у патрициев насильственно – путем удаления. В числе первых Марций Кориолан, враг трибунской власти, говорил: «Если они хотят прежних низких цен на продовольствие, то пусть вернут прежние права патрициям. Почему я вижу силу плебейских чиновников, силу Сициния, сам находясь под ярмом, точно выкупив свободу у разбойников? Ужели я стану переносить этот позор долее, чем к тому вынуждает необходимость? Я, не потерпевший царя Тарквиния, стану терпеть Сициния? Пусть он теперь уходит, пусть зовет с собой плебеев: открыта им дорога на Священную гору и другие холмы. Пусть они грабят хлеб с наших полей, как они грабили три года тому назад; пусть они пожинают плоды дороговизны, которую создало их возмущение. Смело утверждаю, что, укрощенные этой бедой, они предпочтут сами стать земледельцами, чем с оружием в руках мешать возделыванию земли своим удалением». Насколько трудно сказать, следовало ли так поступить, настолько, по моему мнению, возможно было патрициям под условием удешевления продовольствия избавить себя и от трибунской власти, и от всех прав, тяготивших их.

35. Но и сенат признал это мнение слишком суровым, и раздраженные плебеи едва не взялись за оружие: их уже теснят голодом, точно неприятелей, лишают пищи и насущно необходимого; иноземный хлеб, единственное пропитание, неожиданно посланное судьбою, будет вырван изо рта, если Гнею Марцию не будут выданы трибуны связанными, если он не получит удовлетворения, бичуя римских плебеев. Он является новым палачом для них, так как приказывает: умирать или идти в рабство. При выходе из курии он подвергся бы нападению, если бы трибуны в пору не назначили ему срок явиться в суд²⁰⁰. Это успокоило раздражение: всякий видел себя судьей, господином над жизнью и смертью врага. Марций сперва с презрением слушал угрозы трибунов: им-де дано право защищать, а не наказывать; они трибуны плебеев, а не патрициев. Но плебеи были до того враждебно настроены, что патриции считали себя вынужденными пожертвовать одним человеком. Тем не менее, несмотря на негодование плебеев, они оказали им сопротивление, прибегая частью к личному влиянию, частью к влиянию всего сословия. Сперва попробовали, нельзя ли расстроить дело, отстраняя при помощи разосланных клиентов угрозами от сходов и совещаний. Затем выступили все – можно было подумывать, что все патриции подсудимые, – умоляя плебеев подарить им одного только гражданина,

²⁰⁰ ...если бы трибуны в пору не назначили ему срок явиться в суд. – Право требовать на суд народа покусившихся на его права патрициев, вероятно, дано было вместе с законом о трибунах, а не присвоено, как уверяет Кориолан; если бы трибуны незаконно привлекали его к ответственности, то, разумеется, сенат протестовал бы против такого превышения власти.

одного только сенатора, как будто виноватого, если они уже не хотят освободить невинного²⁰¹. Но так как он сам в назначенный день не явился, то раздражение упорно держалось. Осужденный заочно, он ушел в изгнание к вольским, грозя отечеству и уже тогда питая враждебные замыслы.

Вольски любезно приняли его и с каждым днем тем с большим почтением относились к нему, чем больше он проявлял гнев на земляков и чем чаще слышались то жалобы, то угрозы его. Он пользовался гостеприимством Атия Тулия. Последний выделялся в то время знатностью среди вольских и был всегда врагом римлян. И вот они совещаются о войне против Рима, один – подстрекаемый старинной враждой, другой – недавней обидой. Они понимали, что нелегко побудить народ после стольких несчастных попыток снова взяться за оружие: многие предшествовавшие войны, а в последнее время моровая язва истребили молодежь, а это сокрушило дух сопротивления; так как ненависть ослабела уже от времени, то надо действовать искусственными средствами, чтобы вызвать раздражение какой-нибудь новой обидой.

36. Как раз в Риме готовились к Великим играм, подлежавшим возобновлению²⁰². Причина возобновления была следующая: во время игр рано утром, еще до начала представления, какой-то хозяин гнал через цирк раба под колодкой и сек его; затем начались игры, точно будто бы приведенное обстоятельство не имело никакого отношения к празднеству. Немного погодя плебей Тит Латиний видел сон: ему представилось, будто Юпитер сказал ему, что на играх ему не понравился предводитель процессии; если игры не будут повторены в великолепной обстановке, то город подвергнется опасности; пусть он идет и возвестит об этом консулам. Хотя ум его не был, конечно, свободен от религиозного страха, однако уважение к значению должностных лиц и опасение показаться смешным одержали верх. Эта нерешительность дорого обошлась ему: через несколько дней он потерял сына. Чтобы причина этой неожиданной беды не осталась сомнительной, душевно измученному явилось во сне то же лицо, спрашивая, достаточно ли он награжден за небрежение к воле божества. Предстоит еще горше, если он не отправится поскорее и не сделает сообщения консулам. Дело было уже ясно, а когда он, однако, медлил и откладывал, его поразила страшная болезнь, проявившаяся во внезапном параличе. Тут гнев богов уже подействовал на него. И вот, измученный предшествовавшими и настоящими бедами, он созывает на совет близких и излагает им виденное и слышанное, неоднократное явление во сне Юпитера, угрозы и гнев небожителей, сбывшиеся в его несчастиях; по единогласному решению всех присутствующих его несут на носилках на форум к консулам; внесенный оттуда по приказанию консулов в курию, он рассказал то же самое сенаторам к великому удивлению всех; и вот свершается новое чудо: рассказывают, что он, который внесен был в курию лишенным движения всех членов, исполнив свой долг, ушел домой пешком.

37. Сенат постановил отправить игры самым торжественным образом. На эти игры, по совету Атия Тулия, явилось множество вольских. Перед началом игр Тулий, согласно уговору с Марцием, явившись к консулам, заявляет, что имеет сделать секретное сообщение по государственному делу. По удалении свидетелей он говорит: «Против воли я должен сказать нечто дурное о своих согражданах. Но я являюсь не с обвинением, что они уже совершили что-нибудь, а с предостережением, чтобы им не удалось совершить. Наши граждане непостоянны в гораздо большей степени, чем я хотел бы. Это мы испытали во многих поражениях, так как самим существованием своим мы обязаны не своим заслугам, а вашему терпению. Теперь здесь большое количество вольских; у вас игры, граждане будут заняты зрелищем. Я помню, что при таком же случае сделали в этом городе сабинские юноши; страх берет, чтобы не случилось

²⁰¹ ...подарить им одного только гражданина... как будто виноватого, если они уже не хотят освободить невинного. – Виноватого – по мнению плебеев. Невинного – по мнению патрициев.

²⁰² Как раз в Риме готовились к Великим играм, подлежавшим возобновлению. – По свидетельству Тита Ливия, Великие игры были вотивными, т. е. учреждены по обещанию (ср. I, 35). Если случалось во время игр что-нибудь, что могло служить дурным предзнаменованием, то их следовало устроить снова.

чего-нибудь необдуманного и безрассудного. Я решил, консулы, в наших и ваших интересах наперед сказать вам об этом. Что касается до меня, то я решил теперь же уйти отсюда домой, чтобы, оставаясь, не попасть в какую-нибудь беду за участие в чем-нибудь словом или делом». Сказав это, он ушел.

Когда консулы донесли сенату об этом сомнительном деле, переданном, однако, верным лицом, то по обыкновению обратили больше внимания на свидетеля, чем на суть дела, а это повело к принятию даже излишних мер предосторожности. Состоялось сенатское постановление об удалении вольсков из города, и разосланы были глашатаи с приказом, чтобы они ушли до наступления ночи. Сперва, когда они бежали собрать у знакомых свои вещи, их объял великий ужас; а затем, когда они уходили, ими овладело негодование, что их, точно злодеев и оскверненных, удалили от игр, от праздника, от этого, так сказать, сообщества богов и людей.

38. Шли они почти сплошными вереницами, и Туллий, пришедший наперед к Ферентинскому источнику, встречал знатнейших, по мере прибытия их, жалобами и выражением негодования; все они, охотно слушая речи, вторившие их раздражению, пошли за ним на поле, лежащее ниже дороги, а за ними собралась и остальная толпа. Здесь, точно оратор в народном собрании, упомянув о прежних обидах, причиненных римским народом, и поражениях, понесенных вольсками, он сказал: «Забыв все остальное, как вы относитесь к этому сегодняшнему оскорблению – к празднованию игр, начатому нашим позором? Или вы не понимаете, что сегодня отпразднован триумф над вами? Что ваше удаление послужило зрелищем для всех граждан и пришельцев, для стольких соседних народов, а ваши жены и ваши дети уведены на глазах всех? О чем, по вашему мнению, думали все, которые слышали слова глашатая, которые видели вас уходящими, которые повстречались с этой опозоренной толпой, как не о каком-нибудь безбожном деле? Потому нас гонят с места благочестивых, из их собрания, что мы своим присутствием осквернили бы игры и вызвали бы очистительные жертвоприношения. Что же далее? Вам не приходит в голову, что мы живы потому, что поспешили уйти? Разумеется, если то, что мы делаем, есть удаление, а не бегство. И вы не считаете вражеским этот город, оставшись в котором один день, вы все бы погибли? Они объявили вам войну, и великое горе будет объявившим, если только вы мужи!» Раздраженные сами по себе и воспламененные еще более этими словами, они разошлись оттуда по домам и, подстрекая каждый свое племя, добились отпадения всех вольсков.

39. Согласно решению всех племен, главнокомандующими для этой войны были выбраны Аттий Туллий и римский изгнанник Гней Марций, на которого полагали больше всего надежд [488 г.]. И он не обманул этих надежд, доказав, что Римское государство сильнее вождями, чем армией. Отправившись в Цирцеи, он прежде всего выгнал оттуда римских колонистов и, освободив таким образом этот город, передал его вольскам. Перейдя отсюда проселочными дорогами на Латинскую дорогу, он отнял недавно приобретенные римские города – Сатрик, Лонгулу, Полуску, Кориолы; затем взял Лавиний; затем, один за другим, Корбион, Вителлию, Требий, Лабики и Пед. Наконец от Пед он двинулся к Риму и, расположившись лагерем в пяти тысячах шагов от города у Клуилиева рва, начал опустошать оттуда римские поля, послав с опустошителями наблюдателей, которые следили бы за неприкосновенностью полей патрициев, – то ли потому, что он был более раздражен против плебеев, то ли с целью посеять раздор между патрициями и плебеями. И он бы возник, – так своими обвинениями трибуны возбуждали против знати и без того уже ожесточенных плебеев! – но страх перед внешним врагом, эти самые крепкие узы согласия, соединял умы, хоть и относившиеся друг к другу с подозрением и неприязнью.

В одном только не было согласия: сенат и консулы полагали всю надежду на оружие, а народ все предпочитал войне. Консулами были уже Спурий Навтий и Секст Фурий²⁰³. Когда они

²⁰³ Консулами были уже Спурий Навтий и Секст Фурий. – Прибавляя ужасе, Тит Ливий показывает, что эти консулы не

делали смотр легионам и распределяли отряды по стенам и другим пунктам, где казалось необходимым иметь сторожевые посты и караулы, их сперва напугала мятежным криком огромная толпа, требовавшая мира, а затем заставила созвать сенат и сделать доклад относительно отправления послов к Гнею Марцию. Сенаторы согласились с докладом, когда убедились, что мужество плебеев поколебалось; но отправленные к Марцию послы с просьбой о мире принесли суровый ответ: переговоры возможны, если вольскам будут возвращены поля; если же они хотят спокойно пользоваться добытым на войне, то он, помня об обиде, нанесенной ему гражданами, и о гостеприимстве друзей, постарается доказать, что изгнание раздражило, а не сокрушило его. Когда те же лица вновь были посланы, то их не пустили в лагерь. Рассказывают, что ходили в неприятельский лагерь с просьбами и жрецы в своих священных одеждах; но и они не более, чем послы, имели успех.

40. Тогда матроны толпой собираются к матери Кориолана Ветурии и его жене Волумнии. Было ли то следствием общественного рвения или страха женщин, я не нахожу точных известий; во всяком случае они добились того, что и Ветурия, женщина преклонных лет, и Волумния, неся с собою двух своих маленьких сыновей от Марция, пошли в неприятельский лагерь, и так как мужи не в состоянии были защищать город оружием, то женщины попытались защитить его мольбами и слезами.

Когда они пришли к лагерю и Кориолану было возвещено, что явилась большая толпа женщин, то сперва, при виде женских слез, он обнаружил еще большее упорство, так как остался бесчувственным перед величием государства при появлении послов и перед святыней, представшей пред его взорами и умом, при прибытии жрецов. Затем один из приближенных, узнав среди других объятую горем Ветурию, стоявшую между невесткой и внуками, сказал: «Если меня не обманывают глаза, то тут твоя мать, жена и дети». Тогда Кориолан, приведенный в замешательство, почти как безумный, побежал со своего места навстречу матери с распростертыми объятиями; но эта женщина, сменив мольбы на гнев, сказала: «Прежде чем принять объятия, позволь мне узнать, к врагу или к сыну я пришла, пленница или мать я в твоём лагере. К тому ли влекла меня долгая жизнь моя и несчастная старость, чтобы я видела тебя сперва изгнанником, а потом врагом? Ты мог опустошать эту землю, которая родила и вскормила тебя? В каком бы враждебном и угрожающем настроении ты ни пришел сюда, неужели твой гнев не пал при вступлении в эти пределы? В виду Рима не пришло тебе на мысль: “За этими стенами мой дом и пенаты, мать, жена и дети?” Итак, если бы я не родила, то Рим не был бы в осаде; если бы у меня не было сына, то я умерла бы свободно в свободном отечестве. Но мне уже не осталось ничего более позорного для тебя и более прискорбного для меня, и если я весьма несчастна, то ненадолго; ты подумай об этих, которых, в случае твоего упорства, ждет или преждевременная смерть, или продолжительное рабство!» Затем объятия жены и детей, вопль всей толпы женщин, оплакивавших себя и отечество, сломили наконец решимость этого мужа. Обняв своих, он отпускает их, а сам отодвигает лагерь от города.

Рассказывают, что, когда войска были уведены из римской области, то вследствие негодования на его поступок он погиб – по одним одной, а по другим – другой смертью. У Фабия, древнейшего писателя, я нахожу известие, что он дожил до старости; по крайней мере, по его рассказу, на склоне дней он часто повторял, что для старика изгнание еще гораздо тяжелее. Римские мужи не лишили женщин должной им похвалы – столь чуждо было тому времени стремление порочить чужую славу! – и даже для увековечения этого события, соорудили и освятили храм Женскому счастью²⁰⁴.

непосредственно следовали за предшествующими (гл. 34). Из позднейших списков (фастов) дополняют две пары: Квинт Сульпиций Камерин и Сергей Ларций Флав (264 г. до н. э.) и Гай Юлий Юл и Публий Пинарий Руф (265 г. до н. э.).

²⁰⁴ ...храм Женскому счастью. – Храм Женскому счастью (или Женской Фортуне) находился на Латинской дороге; в четырех милях от города, на милю ближе лагеря вольсков.

Затем, присоединив эквов, вольски вернулись в римскую область, но эквы не согласились признавать долее вождем Аттия Туллия; из спора, вольски или эквы должны дать вождя соединенному войску, возник раздор, а затем ожесточенная битва. Тут судьба римского народа истребила два неприятельских войска в битве, столь же гибельной, сколь и упорной.

Консулами стали Тит Сициний и Гай Аквиллий [487 г.]. На долю Сициния выпала борьба с вольсками, на долю Аквиллия – с герниками²⁰⁵, тоже взявшимися за оружие. В том году герники были окончательно побеждены; борьба с вольсками ничего не решила.

41. Затем консулами стали Спурий Кассий и Прокул Вергиний [487 г.]. С герниками заключен был договор; две трети полей у них было отнято²⁰⁶.

Половину их консул Кассий полагал отдать латинам, а половину плебеям. К этому дару он хотел присоединить часть общественного поля, с упреком указывая, что оно, будучи собственностью государства, находится в руках частных лиц²⁰⁷. Многим патрициям, состоявшим владельцами этой земли, такая мера грозила опасностью для их благосостояния. Но беспокоились они и за государство, полагая, что своею щедростью консул создает себе могущество, опасное для свободы. Тогда в первый раз опубликован был аграрный законопроект, обсуждение которого в последующее время до наших дней всегда сопровождалось великим потрясением государства.

Этой раздаче воспротивился другой консул, опираясь на сенат и встречая противодействие со стороны части плебеев, которые сперва начали роптать, что дар этот теряет цену, став общим для граждан и союзников; затем они неоднократно слышали в собрании как бы пророчества консула Вергиния, что предлагаемый товарищем дар губителен, что эти поля приведут их будущих владельцев к рабству, что они открывают путь к царской власти. С какой стати, в самом деле, было привлекать сюда же союзников и латинское племя? Какая иная цель была возвращать третью часть отнятого поля герникам²⁰⁸, недавно бывшим врагами, как не та, чтобы эти народы вместо Кориолана считали вождем Кассия? И уже противник, мешавший проведению аграрного закона, стал делаться популярным. Затем оба консула наперерыв друг перед другом стали угождать народу. Вергиний заявлял, что он допустит отвод полей лишь в том случае, если он будет произведен только римским гражданам; Кассий, стремившийся раздачей полей заслужить симпатию и союзников и потому не особенно угодивший гражданам, желая склонить их на свою сторону иным даром, приказал разделить народу деньги, вырученные от продажи сицилийского хлеба. Но плебеи отвергли этот дар, считая его не чем иным, как наличной платою за царскую власть, – до такой степени, вследствие зародившегося подозрения в домогательстве царской власти, граждане презирали в душе его подарки, точно все у них было в изобилии.

Известно, что немедленно по сложении должности он был осужден и казнен. Некоторые передают, что виновником казни его был отец; он, расследовав дело дома, высек и казнил сына, а имущество его посвятил Церере²⁰⁹; на эти деньги была изготовлена статуя и на ней вырезано:

²⁰⁵ с герниками... – Герники жили в горах и отличались храбростью; они делились на несколько самостоятельных племен, составлявших союз.

²⁰⁶ ...две трети полей у них было отнято. – Тут что-то неверно: если герники были побеждены, то приводимые условия чересчур выгодны для них; если все они добровольно вступили в союз, то чересчур суровы. Весьма возможно, что поровну делилась между союзниками (римлянами, латинами и герниками) получаемая от врагов добыча и отнимаемая у них земля, а это ошибочно перенесено на землю самих герников.

²⁰⁷ ...он хотел присоединить часть общественного поля, с упреком указывая, что оно, будучи собственностью государства, находится в руках частных лиц. – Неправда состояла в том, что патриции одни пользовались государственной землей, не допуская до нее плебеев. Консул предложил отнять эту землю от временных владельцев и раздать плебеям в собственность.

²⁰⁸ Какая иная цель была возвращать третью часть отнятого поля герникам... – По мнению Вергиния, герники – покоренный народ, а потому у них следовало отнять всю землю, не оставляя одной трети.

²⁰⁹ ...имущество его посвятил Церере... – Церера – древнейшая италийская и римская богиня производительных сил земли, главное божество плебейской триады богов (вместе с Либером и Либерой). Здесь выступает как подземное божество. Именно подземным богам обрекались нарушители божеского и человеческого права и именно им посвящалось имущество

«Дар дома Кассиев». У других я нахожу известие – и оно ближе к истине, – что квесторы Цезон Фабий и Луций Валерий привлекли его к суду за государственную измену, и он осужден был судом народа, а дом его разрушен по распоряжению властей. Это площадь, находящаяся перед храмом Земли²¹⁰. Во всяком случае, был ли то суд домашний или общественный, осуждение его состоялось в консульство Сервия Корнелия и Квинта Фабия [485 г.].

42. Раздражение народа против Кассия было непродолжительно. Прелесть аграрного законопроекта сама по себе, по устранении предложившего его, начала привлекать граждан, и страстное желание добиться его усилилось вследствие скаредности патрициев, которые после победы, одержанной в том году над вольсками и эквами, обошли воинов добычей: все взятое у врагов консул Фабий продал и отдал в казну. Из-за последнего консула имя Фабиев стало ненавистно плебеям; тем не менее патриции добились избрания в консулы Цезона Фабия вместе с Луцием Эмилием [484 г.]. Раздраженный этим еще более, народ вызвал домашними раздорами внешнюю войну, а во время ее гражданские распри были оставлены. Примирившиеся патриции и плебеи, предводимые Эмилием, в удачной битве разбили восставших вольсков и эквов. Но больше врагов погибло в бегстве, чем в битве: с таким упорством всадники преследовали рассеявшихся. В том же году в квинтильские иды был посвящен храм Кастора; обещан он был в латинскую войну диктатором Постумием; освящение совершил сын его, избранный для этого в дуумвиры²¹¹.

И в этом году умы плебеев были волнуемы заманчивым аграрным законопроектом. Народные трибуны старались проявить свою популярную власть в угодных народу предложениях; патриции же, считая, что и без надежды на пожизну народ слишком много неистовствует, с ужасом смотрели на эти подачки, побуждавшие его к безрассудству. Консулы оказались весьма деятельными вождями сопротивления патрициев. Поэтому победа оказалась на стороне этой партии и не только в настоящий момент, но и на следующий год [483 г.] привела к избранию в консулы Марка Фабия, брата Цезона, и Луция Валерия, еще более ненавистного плебеям за обвинение Спурия Кассия. И в этом году шла борьба с трибунами. Законопроект не прошел, а те, которые внесли его, оказались хвастунами, так как не дали предполагаемого дара. Имя Фабиев прославилось тремя следовавшими одно за другим консульствами, которые все сопровождались непрерывными спорами с трибунами; поэтому эта высокая честь довольно долго оставалась за этим родом, так как считали, что она в надежных руках.

Затем началась война с вейянами и восстание вольсков. Сил для ведения внешних войн было почти в избытке, а ими злоупотребляли, затеявая распри между собой. При всеобщем уже возбуждении умов почти ежедневно в городе и в деревнях стали появляться грозные небесные знамения. Прорицатели, вопрошаемые и от имени государства, и частными лицами и производившие гадания то по внутренностям животных, то по полету птиц, объясняли причину такого раздражения божества не чем иным, как ненадлежащим совершением священнодействий. Однако все эти ужасы разрешились тем, что весталка Оппия, обвиненная в прелюбодеянии, была казнена.

43. Затем консулами стали Квинт Фабий и Гай Юлий [482 г.]. В этом году не утихало внутреннее разногласие, а внешняя борьба шла еще более ожесточенная. Эквы взяли за оружие; кроме того, вейяне вступили в римскую область, опустошая поля. Когда тревога, причиняемая этими войнами, усиливалась, консулами сделались Цезон Фабий и Спурий Фурий. Эквы осаждали латинский город Ортону; вейяне, награбив уже много добычи, грозили осадить сам Рим.

такого преступника. – *Примеч. ред.*

²¹⁰ ...перед храмом Земли. – Храм Земли на Эсквилине был возведен только в 268 году до н. э.

²¹¹ ...освящение совершил сын его, избранный для этого в дуумвиры. – Дуумвиры избирались для наблюдения за постройкой храма; если обещавший построить храм не мог сам освятить его, то в число дуумвиров назначался ближайший родственник, которому и поручалось это дело.

Эти ужасы, которые должны были укротить плебеев, напротив, содействовали подъему их духа. И не по собственному почину они вновь прибегли к отказу от службы, но трибун Спурий Лициний, полагая, что пришло время воспользоваться крайне стесненным положением и навязать патрициям аграрный закон, взялся мешать ведению войны. Впрочем, все раздражение, которое он вызвал, злоупотребляя трибунской властью, обрушилось на самого виновника, и нападение консулов на него не было более ожесточенно, чем нападение собственных его товарищей, при содействии которых консулы и произвели набор. Войско набирается для ведения одновременно двух войн: одно передается Фабию, чтобы он вел его против вейян, а другое Фурию – против эквов. И в земле эквов не случилось ничего достойного упоминания; у Фабия же гораздо более хлопот было с гражданами, чем с врагами. Один этот муж, сам консул, насколько то зависело от него, поддерживал государственное дело, которое войско, из ненависти к нему, старалось предать. Ибо когда консул, весьма многих талантов главнокомандующего, обнаруженных им и в приготовлении к войне, и в ведении ее, так построил войско, что рассеял врага, выпустив лишь конницу, пехота отказалась преследовать рассеянных; и ни увещания ненавистного вождя, ни даже преступность дела и позор государства в настоящую минуту, а затем и опасность, что мужество вернется к неприятелю, не могли заставить их ускорить шаг или хоть, по крайней мере, стоять в строю. Не получив приказаний, они поворачивают знамена и печальные – можно было подумать, что они побеждены, – возвращаются в лагерь, проклиная то вождя, то усердие всадников. И полководец не изыскал никаких средств, чтобы побороть этот столь пагубный пример: до такой степени у человека выдающихся дарований скорее может не хватить умения управиться с гражданами, чем победить врага. Консул вернулся в Рим, не столько увеличив свою славу, сколько раздражив и ожесточив против себя ненависть. Тем не менее патриции добились того, что консульство осталось за родом Фабиев: консулом выбирают Марка Фабия, а в товарищи ему дают Гнея Манлия.

44. И в этом году [480 г.] один трибун выступил с предложением аграрного закона. То был Тиберий Понтифиций. Вступив на тот же путь, что и Спурий Лициний, точно тому сопутствовал успех, он на некоторое время помешал набору. Когда среди патрициев снова произошло смятение, то Аппий Клавдий заявил, что в прошедшем году трибунская власть побеждена: на деле – только на время, а по примеру – на вечные времена, так как оказалось, что она разрушается своими силами²¹². Всегда ведь найдется трибун, который захочет одержать победу над товарищем и заручиться расположением аристократии, содействуя благу государства; если нужно несколько, то и несколько трибунов всегда будет готово помогать консулам, но даже одного достаточно против остальных. Пусть только консулы и старейшие патриции стараются привлечь на сторону интересов государства и сената если не всех, то хоть нескольких трибунов. Убежденные советами Аппия, все патриции стали обращаться вежливо и приветливо с трибунами, да и бывшие консулы, пользуясь правами, вытекавшими из частных отношений к отдельным лицам, где влиянием, где авторитетом добились того, что те согласились обратить силу трибунской власти на пользу государства; таким образом, опираясь на содействие девяти трибунов²¹³ против одного противника общего блага, консулы произвели набор войска.

Затем они отправились на войну против Вей, куда сошлись вспомогательные войска со всей Этрурии, не столько из расположения к вейянам, сколько в надежде, что внутренние раздоры могут разрушить Римское государство. Знатнейшие люди в собраниях всех народов Этрурии громко заявили, что сила римская вечна, если они сами не станут уничтожать друг друга внутренними раздорами. Это единственная отрава, это единственная язва для сильных

²¹² ...Аппий Клавдий заявил, что в прошедшем году трибунская власть побеждена... так как оказалось, что она разрушается своими силами. – В среде самих трибунов обнаружилось разногласие, вследствие которого одни мешали мероприятиям других. На такое разногласие патриции могли рассчитывать и в будущем.

²¹³ ...опираясь на содействие девяти трибунов... – В книге II (30) упомянуты лишь пять трибунов, так что здесь следовало бы сказать «четыре»; или Тит Ливий имел перед собой другой источник, или же мы имеем дело с ошибкой переписчика.

государств, делающая великое господство их конечным. Долго было сдерживаемо это зло – часто разумными планами патрициев, часто терпением плебеев, но уже дело дошло до крайности: из одного государства стало два, у каждой партии свои должностные лица, свои законы. Сперва беспорядки происходили при наборах, но во время войны все-таки оказывали повиновение вождям; что бы ни происходило в городе, но если в войсках сильна была дисциплина, то государство могло держаться; но обычай не слушаться властей следует за римским воином уже в лагерь. В последнюю войну во время самого боя, в минуту ожесточения, вследствие соглашения воинов, победа добровольно была передана побежденным эквам, знамена покинуты, вождь оставлен в строю, без приказанья последовало возвращение в лагерь. Конечно, при настойчивости Рим может быть побежден собственными воинами; надо только объявить войну и открыть военные действия; остальное сделают сама судьба и боги. Эти надежды вооружили этрусков, бывших в многочисленных превратностях судьбы и побежденными, и победителями.

45. И консулы римские ничего не боялись, кроме своих собственных сил, своего оружия. Воспоминание о дурном примере, данном в последнюю войну, не позволяло доводить дело до того, чтобы одновременно надо было бояться двух войск. Итак, они держались в лагере, не решаясь сразиться ввиду двойной опасности: время и сами обстоятельства, думали они, быть может, ослабят раздражение и возвратят здравомыслие народу. Тем сильнее спешили действовать вейяне и этруски: сперва они вызывали на бой, подъезжая к лагерю с громким криком, а наконец, когда это нисколько не действовало, они стали бранить то самих консулов, то войско: притворные внутренние раздоры, говорили они, являются лишь прикрытием трусости и консулы столь же мало надеются на храбрость воинов, сколь мало доверяют их образу мыслей; небывалая форма мятежа – тишина и бездействие воинов. К этому они присоединяли частью верные замечания о необычайном происхождении римлян. К этим возгласам, раздававшимся под самым валом и у ворот, консулы относились довольно равнодушно; но неопытная толпа то выражала негодование, то стыдилась и забывала о домашних невзгодах: она не желает оставить неотмщенными врагов, но и не желает успеха ни патрициям, ни консулам; в душе плебеев происходит борьба между ненавистью к своим и к врагам. Наконец последняя одерживает верх: до такой степени высокомерно и нагло издевался враг! Толпой они собираются к палатке главнокомандующего, требуют, чтобы был подан сигнал. Консулы, как бы в раздумье, перешептываются и долго беседуют. Они желали сразиться, но желание надо было подавить и скрыть, чтобы сопротивлением и медленностью усилить пыл разгоряченных воинов. Отвечают, что это преждевременно, что не пришла еще пора сразиться; пусть остаются в лагере. Поэтому издают распоряжение воздерживаться от сражения; если кто без приказанья вступит в бой, то будет наказан, как враг. Разойдясь, воины воспаляются тем большим желанием сразиться, чем меньше его видят в консулах; и враги еще с гораздо большим ожесточением раздражают их, узнав, что консулы решили не давать битвы: оскорбления, думали они, останутся безнаказанными, воинам не доверяют оружия, вспыхнет ожесточенное восстание, наступил конец Римскому государству. В надежде на это они подбегают к воротам, усиливают брань, едва удерживаются от штурма лагеря. Но тут римляне не могли уже дольше выносить обид: по всему лагерю, со всех сторон бегут к консулам; уже не в сдержанной форме, как прежде, не через посредство старших центурионов передают свои требования, но повсюду все кричат. Решение назрело, но консулы медлят. Когда затем побуждаемый усиливавшимся шумом товарищ готов был уже уступить, опасаясь восстания, Фабий, дав знак молчать, сказал: «Я знаю, Гней Манлий, что они могут победить; но по их собственной вине я не знаю, хотят ли они этого. Итак, я бесповоротно решил не давать сигнала к битве, если они не поклянутся вернуться из этого боя победителями. Консула римского воины раз обманули в битве, но богов не обманут никогда!» В числе первых, требовавших битвы, находился центурион Марк Флаволей. «Победителем, – сказал он, – Марк Фабий, я вернусь из сражения!» На случай обмана он призывает на себя гнев отца-Юпитера, Марса Защитника и иных богов. Затем все воины, выступая вперед один

за другим, повторяют ту же клятву. После этого подается сигнал; берут оружие, идут на бой полными гнева и надежды. Пусть теперь злословят этруски, пусть теперь, когда они вооружены, идут на них эти враги, острые на язык. В тот день явили все отменную доблесть – и патриции, и плебеи; особенно отличился род Фабиев. Они решили этой битвой примирить с собою плебеев, которых вооружили против себя многими гражданскими распрями.

46. Войско выстраивается, не отказывается и враг: ни вейяне, ни этруские легионы. Они почти уверены были, что с ними так же будут сражаться, как сражались с эквами; можно-де надеяться и на другое, более тяжкое преступление, ввиду столь сильного раздражения и когда к тому представляется двойственный случай²¹⁴. Но дело вышло совсем иначе: ни на какую из предшествовавших битв римляне не шли с большим ожесточением – так озлобило их, с одной стороны, издевательство врага, с другой – медлительность консулов. Едва этруски успели развернуть ряды, как в самом начале суматохи дротики были не то что пущены, а, скорее, зря брошены, и дело дошло до рукопашной, до мечей, когда сражение отличается особенной яростью.

В первом ряду Фабии обращали на себя внимание и служили примером гражданам. Тут находился и Квинт Фабий, бывший три года назад консулом; стремительно несясь в густые ряды вейян и неосторожно попав в кучу врагов, он был пронзен мечом в грудь этрусском, человеком страшной силы и мастером владеть оружием; когда меч был извлечен, Фабий упал, склонив голову к пробитой груди. Гибель этого одного мужа почувствовали оба войска, и римляне стали отступать; но консул Фабий перепрыгнул через тело и, выставив вперед небольшой щит²¹⁵, сказал: «В том ли вы клялись, воины, что вернетесь в лагерь беглецами? Или вы даже трусливейших врагов боитесь более, чем Юпитера и Марса, которыми вы клялись? А я, не дававший клятвы, или вернусь победителем, или, сражаясь, лягу здесь около тебя, Квинт Фабий!» Тогда Цезон Фабий, консул предыдущего года, сказал консулу: «Или ты думаешь, брат, убедить их этими словами сражаться? Боги, которыми они клялись, заставят их; мы же, как подобает вождям, как прилично роду Фабиев, будем возбуждать мужество воинов сражением, а не увещаниями». Так два Фабия с копьями наперевес выбежали в первый ряд и увлекли за собою все войско.

47. Когда на одной стороне битва была восстановлена, консул Гней Манлий поощрял сражаться на другом фланге, где счастье было почти таким же изменчивым. Как на том фланге было с Квинтом Фабием, так и тут за консулом Манлием, пока он гнался за врагами, точно они были уже разбиты, бодро следовали воины; когда же он, получив тяжкую рану, вышел из строя, они дрогнули, думая, что он убит, и отступили бы, если бы поколебавшееся счастье не поддержал другой консул, прискакавший во весь опор в эту сторону с несколькими отрядами всадников, крича, что товарищ жив и что он сам победил, так как другой фланг врагов рассеян. Для восстановления порядка является и сам Манлий. Узнав обоих консулов, воины ободрились.

Вместе с тем ряды врагов были уже редки, так как, надеясь на численное превосходство, они послали резервы брать лагерь. Сделав на него не особенно энергичное нападение, они тратили время, думая больше о добыче, чем о битве; тем временем римские триарии²¹⁶, не бывшие в состоянии выдержать первого натиска, послали к консулам известие о своем положении, а сами по собственному почину собрались в кучу, возвратились к преторской палатке и возобновили сражение. Консул Манлий, вернувшись в лагерь, поставил у всех ворот воинов и отре-

²¹⁴ ...представляется двойственный случай. – Т. е. они могут убить вождей или перейти на сторону врагов и тем избавить себя от необходимости драться.

²¹⁵ ...выставив вперед небольшой щит... – Таким щитом были вооружены всадники; даже спрыгнув с коня, консул не взял большого щита пехотинца.

²¹⁶ ...римские триарии... – Триарии – опытные воины римских легионов (в построенном по манипулам войске они занимали последний из трех рядов), вступавшие в бой в случае крайней опасности и зачастую решавшие исход сражения. – *Примеч. ред.*

зал врагам путь. Это отчаянное положение возбудило в этрусках скорее ярость, чем храбрость. Ибо после нескольких неудачных нападений в тех местах, где являлась надежда выйти, одна кучка юношей бросилась на самого консула, заметив его по оружию. Его спутники первыми приняли на себя стрелы, но затем не в состоянии были выдержать напор: консул пал, пораженный смертельной раной, и все рассеялись. Храбрость этрусков растет, а трепещущих римлян страх гонит через весь лагерь, и они дошли бы до крайности, если бы легаты, подхватив тело консула, не открыли одни ворота, освободив путь врагам. Тут они выскочили, но, уходя беспорядочной толпой, натолкнулись на победителя – другого консула. Здесь враги были снова рассеяны и перебиты.

Одержана была блестящая победа, но ее омрачила смерть двух столь славных мужей. Ввиду этого, хотя и состоялось сенатское постановление относительно триумфа, но консул заявил, что он вполне согласен допустить триумф войска вследствие особенной его доблести, проявившейся в этой войне, если только оно может праздновать триумф без вождя; сам же он по причине семейного траура по смерти брата Квинта Фабия, ввиду того, что государство, потеряв одного из консулов, отчасти осиротело, пораженный общественной и частной скорбью, не может принять лаврового венка. Этот отказ от триумфа был славнее всякого триумфа – так иной раз своевременно отклоненное прославление воздавалось в большей мере. Затем он распорядился подряд двумя похоронами, товарища и брата, и обоим сказал надгробные речи; уступая им при этом свои заслуги, он тем самым вызвал признание большей части их за собой. Вместе с тем, помня о задуманном в начале консульства примирении с плебеями, он распределил между патрициями лечение раненых воинов. Большая часть была помещена к Фабиям, и нигде за ними не было более тщательного ухода. С этого времени Фабии стали уже популярны исключительно благодаря своим качествам, полезным для государства.

48. Итак, вместе с Титом Вергинием получил консульство Цезон Фабий [479 г.], опираясь столько же на патрициев, сколько и на плебеев. Пользуясь тем, что надежда на примирение уже в некотором смысле возникла, он заботился о войне, о наборе и обо всем ином в такой же степени, как о том, чтобы при каждом удобном случае плебеи сближались с патрициями. С этой целью в начале года он высказал мнение, что, прежде чем выступит какой-нибудь трибун с аграрным законопроектом, сенаторы должны предупредить его своим даром, разделив возможно равномерно плебеям отнятое у врага поле: вполне справедливо, чтобы им владели те, чьей кровью и потом оно приобретено. Сенаторы отвергли это предложение; некоторые даже жаловались, что энергичный некогда характер Цезона вследствие чрезмерной жажды славы слабеет и исчезает. Дальнейшей борьбы партий в городе не последовало. Латины были тревожимы нападениями эквов. Цезон, посланный туда с войском, перешел в землю самих эквов, чтобы опустошать ее; последние отступили в города и держались в стенах; вследствие этого не произошло ни одной замечательной битвы.

Между тем вейяне нанесли поражение вследствие неосторожности другого консула, и не явись своевременно на помощь Цезон Фабий, войско погибло бы. С того времени не было ни мира ни войны с вейянами; дело стало очень похоже на разбой: перед римскими legionами они отступали в города; но как только узнавали об их удалении, делали набеги на поля, превращая попеременно войну в мир, а мир в войну. Таким образом, нельзя было ни бросить, ни закончить этой борьбы. А между тем предстояли и другие войны: со стороны эквов и вольсков, которые оставались спокойными лишь до тех пор, пока давала себя чувствовать свежая боль от последнего поражения, или же – в ближайшем будущем – со стороны сабинян, постоянно враждебно настроенных, а также от всей Этрурии. Но вейяне были врагами не столько страшными, сколько постоянными, и чаще тревожили обидами²¹⁷, чем действительными опас-

²¹⁷ ...и чаще тревожили обидами... – Речь о постоянных нападениях с целью грабежа и опустошения.

ностями; таким образом они ни минуты не позволяли забыть о себе и заняться чем-нибудь другим.

Тогда явились в сенат Фабии. За всех речь держит консул: «Как вам известно, сенаторы, война с вейянами нуждается не столько в большом, сколько в постоянном отряде. Вы заботьтесь о других войнах, а Фабиям предоставьте войску. Ручаемся вам, что величие римского имени не подвергнется там опасности. Мы имеем в виду частными средствами вести эту, так сказать, нашему роду принадлежащую войну; государство будет свободно от поставки туда воинов и отпуска денег». За это была выражена им глубокая признательность. Выйдя из курии, консул вернулся домой в сопровождении толпы Фабиев, стоявшей в ожидании сенатского постановления в преддверии курии. Им приказано было на следующий день явиться в оружие к дому консула; затем они разошлись по домам.

49. Молва об этом распространяется по всему городу; Фабиев превозносят до небес: один род принимает на себя государственное бремя, вейская война перешла на попечение частных лиц, ведется частным оружием. Если найдется в городе два столь сильных рода, если один возьмет себе вольсков, другой эквов, то все соседние народы могут быть покорены, тогда как римский народ будет жить в мире. На следующий день Фабии вооружаются и сходятся в назначенное место. Консул, выйдя в военном плаще²¹⁸, видит перед домом своим весь род Фабиев построившимся в ряды. Вступив в середину, он приказывает нести знамена. Никогда еще по городу не двигалось войско столь малочисленное, но в то же время столь славное и возбуждающее большее удивление: триста шесть воинов²¹⁹, все патриции, все одного рода, из коих никого даже деятельный сенат не отверг бы в любое время в роли вождя, шли, грозя силами одного рода погубить вейский народ. За ними следовала целая толпа: тут были и свои – родственники и друзья, которые мечтали не о чем-нибудь обыкновенном, будь то надежда или страх, но непременно о великом²²⁰; были и чужие, привлеченные заботами о государстве, недоумевающие, как выразить свое расположение и удивление. Желают им мужества и счастья в походе, желают исхода, соответствующего замыслу; после того обещают консульства и триумфы, всякие награды и почести. Когда они проходили мимо Капитолия и Крепости и других храмов, то сопровождавшие молились богам, которых видели и которых мысленно представляли себе, чтобы они даровали этому отряду счастливый и благополучный поход и вернули их в скором времени здоровыми к родителям на родину. Но молитвы были напрасны. Отправившись по Несчастной улице²²¹, через правую арку Карментальских ворот, они дошли до реки Кремера²²². Это место было признано удобным для сооружения крепостцы.

Затем консулами стали Луций Эмилий и Гай Сервилий [478 г.]. И пока дело ограничивалось только опустошениями, то Фабиев было достаточно не только для защиты их крепостцы, но и на всем пространстве, где этрусские земли прилегают к римским, бродив по тем и другим границам, они защищали все свое и подвергали опасности вражеское. Затем последовал небольшой перерыв в опустошениях; тем временем вейяне, призвав войска из Этрурии, приступили к осаде крепостцы на Кремере, и римские легионы, приведенные консулом Луцием Эмилием, вступили в бой с этрусками; впрочем, вейяне едва имели время построить войско: в первые минуты лихорадочной поспешности, пока под знаменами размещаются ряды войска

²¹⁸ *Консул, выйдя в военном плаще...* – Так как предприятие Фабиев имело частный характер, то едва ли рассказ Тита Ливия верен: правдоподобнее Дионисий Галикарнасский называет вождем бывшего консула Марка Фабия, указывая, что Квинт Фабий присоединился к отряду лишь в следующем году, сложив консульство.

²¹⁹ *...триста шесть воинов...* – Показание Тита Ливия не противоречит свидетельству других историков, говорящих, что выступили 4000–5000 человек; естественно, что Фабии взяли с собой прислугу и кое-кого из клиентов.

²²⁰ *...мечтали не о чем-нибудь обыкновенном, будь то надежда или страх, но непременно о великом...* – Они думали, что предприятие Фабиев или беспримерно прославит этот род, или кончится полным его истреблением.

²²¹ *Отправившись по Несчастной улице...* – Так эта улица стала называться после гибели рода Фабиев.

²²² *...до реки Кремера.* – Кремера – маленькая речка, правый приток Тибра.

и резервы, налетавший внезапно с фланга отряд римских всадников не дал возможности не только начать битву, но и устоять на месте. Отброшенные таким образом к Красным Скалам²²³, где у них был лагерь, они умоляют о мире; но, по врожденному легкомыслию, еще до удаления римского отряда с Кремеры, стали жалеть, что получили его.

50. Опять у вейского народа началась с Фабиями борьба, хотя приготовлений к большой войне не было сделано и дело не ограничивалось уже набегам на поля или внезапными нападениями на грабителей; несколько раз сражались и в чистом поле, со знаменами с обеих сторон. И часто один род римского народа одерживал победу над могущественнейшим по тому времени этрусским городом. Это сперва огорчало и возмущало вейян, затем, сообразно с обстоятельствами, возник план уловить жестокого врага в засады; поэтому им даже приятно было видеть, что от больших успехов у Фабиев увеличивается храбрость. Ввиду этого неоднократно навстречу грабителям, как бы случайно, гнали стада, поселяне оставляли поля пустыми, а вооруженные отряды, которые были посылаемы, чтобы удержать опустошения, бежали чаще от притворного, чем от истинного страха.

И уже Фабии с презрением смотрели на врага, думая, что их непобедимого оружия не может сдержать никакое место и никакое время. Эта самонадеянность увлекла их так далеко, что они побежали за скотом, который увидели далеко от Кремеры за большим полем, хотя тут и там заметны были вооруженные враги. И когда, не замечая того, они проскакали мимо засад, расположенных на самом пути, и, рассыпавшись, ловили разбежавшийся по обыкновению от страха скот, внезапно враги поднимаются из засад и показываются перед ними. Сперва их испугал слышавшийся со всех сторон крик, а затем отовсюду посыпались стрелы. По мере того как этруски сходились, Фабии были окружены уже непрерывной цепью вооруженных, и чем больше враг наступал, тем более и они вынуждаемы были собираться в тесный круг; это делало заметной их малочисленность и многочисленность этрусков, так как число рядов последних вследствие тесноты места увеличилось. Прекратив битву, которая велась равномерно на все стороны, они отступают в одно место; напирая туда телами и оружием и построившись клином, они проложили себе путь. Дорога вела на полого возвышавшийся холм. Здесь только они остановились; затем, получив возможность на возвышенном месте перевести дух, они оправились от страха и даже отразили подступавших; пользуясь удобством места, меньшинство победило бы, если бы посланные в обход горами вейяне не взобрались на вершину холма. Это дало опять перевес врагу. Фабии все до одного были перебиты и крепостца их занята. Согласно засвидетельствовано, что все триста шесть человек погибли и остался один только близкий к совершеннолетию наследник рода Фабиев²²⁴, которому суждено было и в мире, и на войне неоднократно помогать римскому народу в критические минуты.

51. Во время этого поражения консулами были уже Гай Гораций и Тит Менений [477 г.]. Последний немедленно был послан против этрусков, возгордившихся победой. Но и тогда дело шло неудачно, и враги заняли Яникул; город, теснимый, кроме войны, дороговизной, был бы осажден – этруски перешли уже Тибр, – если бы консул Гораций не был отозван из земли вольсков. И эта война угрожала самим стенам, так что первая нерешительная битва была у храма Надежды²²⁵, вторая – у Коллинских ворот. Хотя здесь на римской стороне был и незначитель-

²²³ ...к Красным Скалам... – Красные Скалы – гористая местность, лежавшая недалеко от Рима у Фламиниевой дороги.

²²⁴ Согласно засвидетельствовано, что все триста шесть человек погибли и остался один только близкий к совершеннолетию наследник рода Фабиев... – Уже Дионисий сомневался, что из всех Фабиев остался только один юноша; и сам Тит Ливий, называя его консулом 467 года до н. э., тем самым свидетельствует, что в 478 году он был вполне зрелым мужем. День истребления рода Фабиев приурочивали к 18 июля; в этот день считалось непозволительным предпринимать что-либо важное (т. е. был «неслужебный» день). Впрочем, относительно времени истребления Фабиев остается сомнение, если указанный день верен, то непонятна прибавка в начале 51 гл. «уже», указывающая на начало 477 года, а не на конец 478-го.

²²⁵ ...у храма Надежды... – Храм Надежды находился на Эсквилине. Не следует путать с воздвигнутым во время Первой Пунической войны храмом Надежды на Овощном рынке (см. XXI, 62). – *Примеч. ред.*

ный перевес, но в этой битве к воинам вернулось прежнее мужество, укрепив их для будущих сражений.

Консулами стали Авл Вергиний и Спурий Сервилий [476 г.]. После поражения, понесенного в ближайшей битве, вейяне воздержались от боя; происходили опустошения и делались нападения на римские поля во все стороны с Яникула, точно из крепости; ни скот, ни поселяне нигде не были в безопасности. Но они были обмануты тем же способом, каким обманули Фабиев. Преследуя скот, разогнанный нарочито повсюду для приманки, они попали в засаду. И насколько число их было больше, настолько сильнее была резня. Возникшее из этого поражения крайнее ожесточение послужило основанием и началом для большего побоища. Ибо, переправившись ночью через Тибр, они бросились штурмовать лагерь консула Сервилия. Прогнанные оттуда с большими потерями, они едва отступили на Яникул. Немедленно консул сам переходит Тибр и укрепляет лагерь под Яникулом. На рассвете следующего дня, ободренный в значительной степени вчерашней удачной битвой и еще более побуждаемый нехваткой хлеба хоть и к рискованному предприятию, да лишь бы оно скоро кончилось, он неосторожно направил войско прямо на Яникул на неприятельский лагерь, был оттуда прогнан с большим позором, чем накануне враги, и спасся сам с войском лишь благодаря прибытию товарища. Попав между двух армий и поворачивая тыл то к одной, то к другой, этруски были совершенно уничтожены. Так, благодаря удачному, но безрассудному предприятию, окончена была вейская война.

52. С водворением мира подешевели съестные припасы в городе: и потому, что был привезен хлеб из Кампании, и потому, что вынуто было все припрятанное, после того как все перестали бояться голода в будущем. Затем обилие и мир снова сделали народ необузданным, и он стал искать прежнего, внутреннего, зла, когда не стало внешнего. Трибуны начали волновать плебеев, прибегая к своей обычной отраве – аграрному законопроекту – и возбуждая не только против всех патрициев, сопротивлявшихся им, но и против отдельных лиц. Предложившие аграрный законопроект Квинт Консидий и Тит Генуций привлекли к суду Тита Менения. В вину ставилась ему потеря крепостцы на Кремере, так как он, будучи консулом, стоял лагерем неподалеку. Это обвинение привело его к гибели, хотя патриции стояли за него не меньше, чем когда-то за Кориолана, и расположение к отцу его Агриппе еще не утратилось. Трибуны, однако, уменьшили наказание: хоть и требовали они казни, по обсуждении приговорили его к уплате двух тысяч медных ассов²²⁶. Но и оно обратилось для него в смертную казнь: говорят, что он не вынес позора и огорчения, заболел и умер.

Затем предан был суду другой – Спурий Сервилий, как только сложил консульство, уже в начале года [475 г.]. Это было при консулах Гае Навтии и Публии Валерии; когда трибуны Луций Цедиций и Тит Стаций назначили ему срок явки в суд, он встретил их вызов не просьбами своими или патрициев, как Менений, но выражением полной уверенности в своей невинности и в расположении к нему. И ему поставлена была в вину битва с этрусками у Яникула. Но, будучи человеком пылкого характера, как прежде при опасности государства, так тогда при своей, он уничтожил ее смелостью: в грозной речи он опроверг не только трибунов, но и плебеев и упрекал их за осуждение и смерть Тита Менения, несмотря на то что его отец своими стараниями некогда вернул их и благодаря ему они имеют теперь и эти законы, и этих должностных лиц, при посредстве которых неистовствуют. Поддержал его и товарищ Вергиний, выставленный свидетелем, уделив ему часть своей славы; особенно же помог ему суд над Менением – так переменялось тогда настроение.

53. Домашние споры кончились: началась война с вейянами, к которым присоединились сабиняне. Консул Публий Валерий, посланный по прибытии вспомогательных войск от лати-

²²⁶ ...приговорили его к уплате двух тысяч медных ассов. – Первоначально наказание определялось тем или другим количеством голов скота, но потом было переведено на деньги, а в законе определена высшая мера.

нов и герников с армией в Вейи, немедленно напал на сабинский лагерь, расположенный перед стенами союзников, и навел на сабинян такой страх, что, пока те делали вылазки отдельными манипулами в разных местах, чтобы удержать напор врага, взял лагерь, проникнув в него через те ворота, на которые направил свое первое нападение. За валом произошла затем не битва, а резня. Из лагеря смятение распространяется и на город; вейяне в страхе, точно их город взят, хватаются за оружие. Часть идет на помощь сабинянам, часть нападает на римлян, устремивших все свое внимание на лагерь. На некоторое время римляне поколебались и пришли в смятение; но затем, повернув знамена на обе стороны, они и сами оказывают сопротивление, и посланная консулом конница рассеивает и обращает в бегство этрусков; в один час побеждены были два войска, два могущественнейших и величайших соседних народа.

Пока это происходит у Вей, вольски и эквы расположились лагерем в латинской области и опустошали ее. Сами латины, без римского вождя или помощи, в союзе с герниками лишили их лагеря; вернув свое, они захватили еще большую добычу. Тем не менее против вольсков был послан из Рима консул Гай Навтий; я полагаю, в Риме не понравилось, что союзники без римского вождя и войска сами, собственными силами и по собственному плану, ведут войны. Все роды бедствий и обид применены были против вольсков, и все-таки нельзя было добиться, чтобы они вышли на бой.

54. Затем консулами были Луций Фурий и Гай Манлий [474 г.]. На долю Манлия достались вейяне; но войны не было; согласно просьбе, им дано было на сорок лет перемирие, после того как приказано было доставить хлеб и уплатить издержки. С водворением мира немедленно следуют внутренние раздоры. Плебеи неистовствовали, волнующие аграрным законопроектом трибунов. Консулы, нимало не уstraшенные осуждением Менения и опасностью Сервилия, усиленно сопротивлялись. Когда они слагали власть, то привлечены были к суду трибуном Гнеем Генуцием.

В консульство вступают Луций Эмилий и Опитер Вергиний [473 г.]; в некоторых летописях вместо Вергиния я нахожу консула Вописка Юлия. В этом году – какие бы там консулы ни были – обвиненные перед народом Фурий и Манлий обходят в траурной одежде как плебеев, так и младшее поколение патрициев. Убеждают, склоняют не принимать должностей и управления государством; консульские пучки, претексту и курульное кресло следует считать не чем иным, как принадлежностями похоронной церемонии; облеченные блестящими знаками власти, точно жертвенными повязками, предназначаются к смерти. Если им так нравится консульство, то пусть они уже теперь убедятся, что оно находится в плену и угнетении у всемогущих трибунов; консул, точно трибунский служитель, должен делать все по мановению и распоряжению трибуна; если же он пошевелится, если обратит внимание на патрициев, если подумает, что в государстве есть еще что-нибудь, кроме плебеев, то он должен живо представить себе изгнание Гнея Марция, осуждение и смерть Менения. Возбужденные такими речами, патриции начали совещаться не в курии, а частным образом и не доводя о том до сведения большого числа лиц. Поскольку решено было, что подсудимых надо освободить правдой или неправдой, они одобряли все самые суровые мнения, и не было недостатка в исполнителях даже дерзкого дела. И вот в день суда плебеи в напряженном ожидании стояли на форуме, они сперва дивились, отчего не выходит трибун; затем, когда замедление начало уже представляться очень подозрительным, полагали, что он запуган знатью, и жаловались, что общественное дело покинуто и предано. Наконец бывшие у преддверия жилища трибуна возвестили, что он найден дома мертвым. Когда молва разнесла эту весть по всему собранию, то подобно тому, как войско рассеивается по убиении вождя, и плебеи разбежались все в разные стороны. Но особенно напуганы были трибуны, убедившиеся смертью товарища, сколь лишена значения помощь, представляемая законами о неприкосновенности их. И патриции неумеренно выражали свою радость: до того никто не раскался в вине, что даже невинные желали казаться свершившими ее и открыто говорили, что власть трибунов следует укротить злодеяниями.

55. Еще под впечатлением этой победы, дававшей очень дурной пример, объявляется набор, и консулы производят его без всякого протеста со стороны напуганных трибунов. Тогда плебеи стали гневаться больше на молчание трибунов, чем на распоряжения консулов, и говорили, что настал конец их свободе, что опять все вернулось к старому; вместе с Гenuцием погибла и похоронена власть трибунов. Надо действовать иначе и изыскивать иные способы сопротивления сенату; способ же тут один: плебеи, не находя ни в ком защиты, должны сами защищать себя. Двадцать четыре ликтора служат консулам, и все они плебеи; нет учреждения более достойного презрения и более слабого, если только есть люди, которые могут не обращать на них внимания; но каждый представляет их себе чем-то большим и страшным. Такими речами возбудили они друг друга, и вот к плебею Волерону Публилию, который говорил, что он не обязан идти в солдаты, потому что он командовал ротой, консулы послали ликтора. Волерон обращается к трибунам; когда же никто не подавал ему помощи, консулы приказывают обнажить его и приготовить розги. «Я апеллирую к народу, – сказал Волерон, – так как трибуны предпочитают видеть, как на их глазах секут римского гражданина, чем погибать самим в своей постели от рук ваших». Чем громче кричал он, тем яростнее ликтор рвал с него тогу и раздевал его. Тогда Волерон, очень сильный сам по себе и поддерживаемый подошедшими, оттолкнул ликтора и скрылся в самой гуще толпы, откуда раздавался особенно сильный крик негодующих за него, и уже оттуда взывал: «Я апеллирую и умоляю народ о защите; помогите, граждане, помогите, товарищи! Нечего ждать трибунов, которые сами нуждаются в вашей помощи». Возбужденная толпа готовится будто к сражению; и было очевидно, что наступил решительный момент, что никакое ни общественное, ни частное право не будет ни для кого священным. Выйдя навстречу этой ужасной буре, консулы легко убедились в том, что величие без силы беззащитно. Ликторы были оскорблены, пучки сломаны, с форума они были загнаны в курию, не зная, насколько Волерон захочет пользоваться своей победой. Когда шум стих, созвав сенат, они жалуются на причиненную им обиду, на насилие со стороны плебеев, на дерзость Волерона. Хотя было высказано много резких мнений, но верх одержали старейшие, решившие, что сенаторам не следует состязаться с неразумными плебеями в раздражении.

56. Обратив на Волерона свое расположение, плебеи в ближайшие комиции избирают его народным трибуном на тот год, когда консулами были Луций Пинарий и Публий Фурий [472 г.]. Наперекор всеобщему мнению, что он займет свое трибунство преследованием консулов предыдущего года, он, ставя личное оскорбление ниже общего дела, ни единым словом не затронул консулов, а внес к народу предложение, чтобы плебейские чиновники избирались на трибутных комициях. Предложение касалось очень важного предмета, хотя и озаглавливалось именем, на первый взгляд, вовсе не страшным: оно совершенно лишало патрициев возможности при помощи голосов своих клиентов выбирать угодных им трибунов²²⁷. Этому весьма приятному для плебеев предложению упорно сопротивлялись патриции, и хотя ни консулам, ни знатнейшим лицам не удалось своим влиянием добиться вмешательства кого-нибудь из коллегий трибунов (что представляло единственную возможность противодействия), тем не менее это дело, трудное в силу своего важного значения, вследствие партийной борьбы затянулось на целый год. Плебеи вновь выбирают трибуном Волерона, патриции же, полагая, что дело дойдет

²²⁷ Предложение касалось очень важного предмета, хотя и озаглавливалось именем, на первый взгляд, вовсе не страшным: оно совершенно лишало патрициев возможности при помощи голосов своих клиентов выбирать угодных им трибунов. – Предложение Волерона имело целью учреждение трибутных комиций, в которых бы избирались плебейские магистраты вместо куриатных комиций. При новом порядке в избрании принимали бы участие только те плебеи, которые имели недвижимую собственность, тогда как до сих пор в куриатных комициях, кроме самих патрициев, голоса подавали и их многочисленные клиенты, действуя, разумеется, не в интересах плебеев, а в интересах своих патронов. Понятно, что патриции самым энергичным образом воспротивились этому предложению. Надо заметить, что сам Тит Ливий не имеет вполне ясного представления о положении плебеев того времени, а потому в рассказе его встречаются противоречия. Так, например, сообщаемое в разбираемом месте не вяжется с гл. 23 и другими местами, где говорится о плебеех как о не имеющих никакой собственности и опутанных долговыми обязательствами патрициев.

до решительного столкновения, проводят в консулы Аппия Клавдия, сына Аппия, ненавистного и враждебного плебеям уже со времени борьбы, веденной его отцом. В товарищи ему дается Тит Квинкций.

С самого начала года [471 г.] речь шла прежде всего о новом законопроекте. Но как Волерон был автором закона, так товарищ его Леторий был столь же новым, сколь и усердным защитником его. Решительным делала его огромная военная слава, так как в то время не было никого, кто бы превосходил его личной храбростью. И между тем как Волерон говорил лишь о законопроекте, воздерживаясь от нападок на консулов, этот, начав с обвинения Аппия и рода его, высокомерного и жестокого против римских плебеев утверждал, что патриции выбрали не консула, а палача, чтобы мучить и терзать плебеев. Но грубая речь военного человека не соответствовала его свободолюбивому образу мыслей. И вот, ощущая недостаток в выражениях, он сказал: «Так как я нелегко говорю, но твердо держусь того, что сказал, то прошу вас, явитесь завтра сюда. Здесь я или умру на ваших глазах, или проведу законопроект».

На следующий день трибуны занимают освященное место²²⁸; консулы и знать, чтобы помешать закону, остаются в собрании. Леторий приказывает удалить всех, кроме желающих подавать голоса²²⁹. Но знатные юноши стояли, нимало не отступая перед курьерами²³⁰. Тогда Леторий приказывает взять некоторых из них. Консул Аппий отрицает право трибуна против кого-нибудь, кроме плебеев; он ведь чиновник не всего народа, а плебеев; даже сам он, в силу своей высшей власти, не может, согласно обычаю предков, удалять²³¹, так как говорится: «Если вам угодно, квириды, уходите». Рассуждая небрежным тоном о законах, он легко мог взволновать Летория. И вот раздраженный трибун посылает к консулу курьера, а консул – к трибуну ликтора, крича, что он частный человек, не имеет высшей власти, что он не чиновник; и трибун подвергся бы оскорблению, если бы все собрание с яростью не поднялось на консула в защиту трибуна и не сбегалась бы со всего города на форум возбужденная толпа. Но Аппий упорно выдерживал эту бурю; и конечно дело дошло бы до кровопролития, но другой консул, Квинкций, поручил консулярам, если нельзя будет иначе, то хоть силой увести товарища с форума, а сам успокоил просьбами рассвирепевший народ и убедил трибунов распустить собрание; пусть дадут срок успокоиться гневу; время не лишит их принадлежащей им силы, а прибавит к силе рассудительность, и сенат подчинится народу, и консул – сенату.

57. С трудом успокоил Квинкций плебеев, еще с гораздо большим трудом патриции – другого консула. Когда наконец собрание плебеев было распущено, под председательством консулов происходит заседание сената. Здесь страх и раздражение поочередно вызывали различные мнения; но с течением времени, чем больше умы от увлечения обращались к размышлению, тем больше забывали о борьбе, так что даже выразили благодарность Квинкцию за его содействие успокоению раздоров. Аппия просят стремиться только к такому величию консульской власти, какое может быть в государстве, желающем согласия. В то время как трибуны и консулы все рвут к себе, посередине не остается вовсе сил; государство разделено и растерзано; стремятся не столько к целостности его, сколько к обладанию им. Напротив, консул призывал в свидетели богов и людей, что из трусости государство предают и покидают; не сенату недостает консула, а консулу – сената; принимаются более тягостные законы, чем были приняты на Священной горе. Тем не менее, побежденный единодушием сенаторов, он смолк.

²²⁸ ...занимают освященное место... – Т. е. кафедру. Только с места, освященного авгурами, можно делать предложения народу.

²²⁹ ...кроме желающих подавать голоса. – Право подавать голос имели все присутствующие, но не все, конечно, хотели им пользоваться: многие являлись, чтобы помешать правильному ходу дела.

²³⁰ ...перед курьерами. – Курьеры исполняли все распоряжения трибунов.

²³¹ ...даже сам он, в силу своей высшей власти, не может, согласно обычаю предков, удалять... – Избираемые всем народом должностные лица имели право только просить расступиться, а не приказывать.

58. Закон прошел тихо. Тогда трибуны в первый раз были выбраны в трибутных комициях. Пизон свидетельствует, что прибавлено было три трибуна, как будто бы раньше было два. Он приводит и имена трибунов: Гней Сикций, Луций Нумиторий, Марк Дуиллий, Спурий Ицилий, Луций Мецилий.

Во время беспорядков в Риме началась война с вольсками и эквами. Они опустошили поля, чтобы, в случае какого-нибудь удаления плебеев, последние имели основание обратиться к ним; но когда восстановлено было согласие, они отодвинули лагерь назад. Аппий Клавдий послан был в землю вольсков, а на долю Квинкция достались эквы. Ту же суровость, которую Аппий проявлял дома, проявил он и на войне, но только с большей свободой, потому что она не стесняема была трибунскими оковами. Он ненавидел плебеев ненавистью, превышавшей ту, которую он унаследовал от отца; он считал, что он побежден ими; хотя и избрали как противовес власти трибунов его, единственного консула, но закон прошел, тот закон, который при помощи некоторых крутых мер прежние консулы остановили, хотя сенат и не возлагал на них таких надежд. Это раздражение и негодование побуждали его суровый дух терзать войско жестокими распоряжениями. И ничем нельзя было укротить воинов; так сильно укрепился в них дух сопротивления! Все делалось медленно, вяло, небрежно, наперекор; ни стыд, ни страх не мешали идти тихо всякий раз, как вождь желал ускорить марш; если он являлся поощрять к работе, то все ослабляли прилежание, обнаруженное добровольно; в присутствии его опускали взоры, и если он проходил мимо, то втихомолку посылали ему проклятия; все это порой тревожило и этот дух, которого не могла сломить ненависть плебеев. Испробовав напрасно все крутые меры, он перестал уже разговаривать с воинами, говоря, что войско развращено центурионами, называл их иногда в насмешку народными трибунами и Волеронами.

59. Все это было известно вольскам, и тем сильнее они наступали, надеясь, что римское войско будет так же раздражено против Аппия, как было раздражено против консула Фабия. Впрочем, ненависть против Аппия была гораздо сильнее, чем против Фабия, ибо они не только не желали победить, как воины Фабия, но даже желали быть побежденными. Выведенные в строй, они в позорном бегстве устремились в лагерь и остановились только тогда, когда увидели движение вольсков на укрепления и позорное избиение арьергарда. Тогда они были вынуждены сразиться, так что победоносный уже враг был отброшен от вала; тем не менее ясно было, что римские воины не хотели только отдавать свой лагерь, а во всем остальном они рады своему поражению и бесчестию. Когда, несколько не смущенный этим, суровый Аппий хотел еще прибегнуть к строгости и готов был созвать собрание, к нему сбегаются легаты и трибуны, убеждая его ни в каком случае не прибегать к власти, вся сила которой основывается на готовности слушаться. Все воины говорят, что они не пойдут на собрание, повсюду слышны голоса, требующие удаления лагеря из вольской области. Победоносный враг недавно был почти в воротах и на валу, и перед глазами всех очевидная, а не только призрачная великая беда.

Уступив наконец ввиду того, что выгадывается только отсрочка наказания, консул отменил собрание. Он приказал объявить на завтрашний день отправление, а на рассвете сигналом дал знак выступать. Когда войско выступило из лагеря, вольски, точно поднятые тем же сигналом, напали на арьергард. Шум, достигший оттуда до авангарда, произвел такое смятение среди частей и отрядов, что невозможно было ни слышать команды, ни строиться. Все думали только о бегстве. И они неслись врассыпную через груды тел и наваленного на них оружия так, что римляне только тогда остановили бегство, когда враг прекратил преследование. Собрав наконец воинов из рассеявшего их бегства, консул, напрасно посылавший вслед своим приказание вернуться, расположился лагерем на дружественной земле. Созвав собрание, он основательно упрекал войско, предавшее военную дисциплину, ушедшее от своих знамен, спрашивая отдельных лиц, где их знамена, где оружие. Затем, подвергнув наказанию розгами, он казнил безоружных воинов, знаменосцев, покинувших знамена, кроме того, центурионов и пользо-

вавшихся двойным пайком²³², которые оставили свои ряды; из остального войска взят был по жребию для казни каждый десятый.

60. Напротив, в земле эквов консул и воины соперничали в предупредительности и услугах. Квинкий был более кроток по природе своей, а несчастная суровость товарища еще более склоняла его в пользу своего характера. Не решаясь выступить против вождя и войска, столь согласных между собою, эквы позволяли врагу ходить по их стране с целью опустошить ее; и ни в одну войну до того не была сгоняема добыча с более обширного пространства. Вся она была предоставлена воинам. Присоединялись и похвалы, которые не менее наград радовали сердца их. Войско вернулось более расположенным к вождю, а через него и к патрициям, говоря, что им дан сенатом отец, а другому войску – тиран.

Этот год, прошедший при различном военном счастье в жестокой борьбе дома и вне, особенно прославился трибутными комициями, имевшими более значения, как победа в затеянной борьбе, чем по реальной выгоде, ибо удаление из собрания патрициев не столько усилило плебеев или ослабило патрициев, сколько лишило достоинства сами комиции.

61. Последующий год [470 г.], год консульства Луция Валерия и Тита Эмилия, был более бурным как вследствие борьбы сословий из-за аграрного законопроекта, так и вследствие суда над Аппием Клавдием. Этот самый ожесточенный противник законопроекта, поддерживавший дело владельцев общественного поля, точно третий консул, был привлечен к суду Марком Дуиллием и Гнеем Сикцием. Никогда до того не был привлекаем к народному суду обвиняемый, столь ненавистный плебеям, накопившим злобу и против него, и против его отца. Но и патриции едва ли выступали так усердно в защиту кого-нибудь другого: предавался ведь раздраженным плебеям, думали они, борец за сенат и защитник его достоинства, стоявший против всех мятежей, поднимавшихся и трибунами, и плебеями, только перешедший меру в борьбе.

Сам Аппий Клавдий единственный из сенаторов ни во что не ставил ни трибунов, ни плебеев, ни суд над собою. Ни угрозы плебеев, ни мольбы сената ни на минуту не могли его склонить не только переменить одежду и просьбами заискивать расположения плебеев, но даже смягчить или убавить хоть сколько-нибудь обычную резкость речи, когда пришлось вести свое дело перед народом. То же выражение лица, то же презрение во взоре, тот же тон речи, так что большая часть плебеев так же боялась Аппия-подсудимого, как боялась Аппия-консула. Он сказал одну только речь в обычном своем обвинительном тоне, и до того поразил своей твердостью и трибунов, и плебеев, что они добровольно отсрочили дело, а потом позволили затянуть его. Между тем прошло немного времени; но прежде чем наступил назначенный срок, он заболел и умер. Когда трибуны попытались помешать произнесению над ним похвального слова, то плебеи не пожелали лишить погребения такого великого мужа обычной почести, и, явившись в большом числе на похороны, столь же спокойно выслушали хвалы умершему, как слушали обвинения против живого.

62. В том же году консул Валерий, отправившийся с войском в землю эквов, не будучи в состоянии вызвать врага на бой, приступил к осаде лагеря. Делу помешала посланная небом ужасная буря, сопровождавшаяся градом и громом. Удивление затем усилилось, когда за знаком к отступлению вернулась тихая и ясная погода; ввиду этого приступить вновь к штурму лагеря, как бы находящегося под защитой божества, представлялось безбожным. Все вызванное войною раздражение обратилось к опустошению полей. Другой консул, Эмилий, вел войну в земле сабинян. И там поля были опустошены, так как враг держался в стенах. Вызванные затем сожжением не только усадеб, но и деревень, которые были густо заселены, сабиняне вышли навстречу грабителям, но после нерешительной битвы на следующий день отодвинули лагерь в более безопасные места. Консул признал это достаточным, чтобы оставить врага как побежденного, хотя вся война не была еще и начата.

²³² ...пользовавшихся двойным пайком... – Награда эта давалась за храбрость.

63. Когда раздоры дома во время этих войн продолжались, консулами сделались Тит Нумиций Приск и Авл Вергиний [469 г.]. Было очевидно, что плебеи не допустят более замедления в принятии аграрного закона, и готовилось жестокое возмущение; но в это время по дыму от пожара усадеб и по бегству поселян узнали, что вольски близко. Это обстоятельство подавило мятеж, уже подготовленный и почти прорывавшийся. Внезапно отправившиеся по распоряжению сената на войну консулы вывели из города всю молодежь и тем успокоили остальных плебеев. А враги форсированным маршем удаляются, напрасно только напугав римлян; Нумиций отправился против вольсков в Антий, а Вергиний – против эквов. Здесь, едва не потерпев большого поражения вследствие нападения из засады, воины поправили своей доблестью дело, погибшее было по небрежности консула. Лучше велась война в земле вольсков; разбитые в первом сражении, враги побежали к богатейшему по тому времени городу Антию. Не решившись штурмовать его, консул взял у антийцев другой город, далеко не такой богатый, – Ценон. Пока эквы и вольски отвлекали римское войско, сабиняне, производя опустошения, дошли до самых ворот города. Затем спустя немного дней, когда оба раздраженные консула вступили в их пределы, сами понесли от двух армий больше урона, чем причинили.

64. Конец года прошел довольно мирно, но его, как всегда, нарушила борьба патрициев и плебеев. Рассерженные плебеи не желали принять участия в комициях для избрания консулов; патрициями и их клиентами в консулы были выбраны Тит Квинкий и Квинт Сервилий. Этот год [468 г.] похож был на предыдущий – вначале мятежный, а затем спокойный вследствие войны с внешними врагами. Сабиняне, пройдя форсированным маршем через крустуминские поля, произвели резню и пожар за Аниеном и хотя были прогнаны чуть не от Коллинских ворот и стен города, но угнали огромную добычу и много пленных. Консул Сервилий, преследуя их с войском, готовым вступить в бой, самой армии догнать не мог, так как место было ровное, но произвел опустошение на столь обширном пространстве, что не оставил ничего нетронутым и вернулся, взяв гораздо большую добычу.

И в земле вольсков дело велось отменно, благодаря усердию как вождя, так и воинов. Сперва дана была битва на равнине с огромными потерями и большим кровопролитием с обеих сторон. И римляне, малочисленность которых делала потери более чувствительными для них, отступили бы, если бы консул не ободрил войска, прибегнув к обману, послужившему ко благу, крича, что на другом фланге враги бегут. Сделано было нападение, и римляне, считая себя одерживающими победу, победили на самом деле. Опасаясь, чтобы чрезмерное преследование не повело к возобновлению сражения, консул приказал трубить отступление. Прошло несколько дней, во время которых обе стороны как бы молча заключили перемирие; тем временем из всех племен вольсков и эквов сошлось в лагерь огромное количество людей, не сомневаясь, что если римляне заметят это, то ночью уйдут. Поэтому около третьей стражи они идут на штурм лагеря. Успокоив смятение, возникшее было от внезапного страха, Квинкий, приказав воинам спокойно оставаться в палатках, выводит на стражу когорта герников, а горнистам и трубачам приказывает, сев на коней, трубить перед валом и держать неприятеля в тревоге до света. Остальную часть ночи в лагере все было настолько спокойно, что римляне могли даже заснуть. А вольсков держал в напряженном состоянии вид вооруженных пехотинцев, которых, им казалось, было больше и которых они принимали за римлян, а также фыркание и ржание коней, которые горячились, чуя необычных всадников и, кроме того, звуки труб.

65. Когда рассвело, римляне, свежие и выспавшиеся, выведены были в строй и при первом натиске поколебали утомленных стоянием и караулами вольсков; впрочем, враги скорее отступили, чем были прогнаны, так как сзади были холмы, куда безопасно можно было отступить в полном порядке за первые ряды. Консул, дойдя до неровного места, остановил войска. Воины с трудом были сдерживаемы, кричали и требовали, чтобы им позволено было наступать на пораженных. Еще энергичнее действовали всадники: окружив вождя, они громко заявили, что пойдут вперед знамен. Пока консул медлил, надеясь на доблесть воинов, но, не доверяя

месту, они кричали, что пойдут, и за криком последовало дело. Вонзив метательные копья в землю, чтобы с большей легкостью взбираться на крутизну, они устремляются бегом. Вольски, пустив при первом нападении копья, бросают валявшиеся под ногами камни на наступающих и, приведя их частыми ударами в смятение, начинают теснить с возвышенного места. И левый фланг римлян очутился бы в затруднительном положении, если бы консул не рассеял страх уже отступавших воинов, возбуждая стыд, упрекая их и в безрассудстве, и в трусости. Сперва они оказывают упорное сопротивление, затем, когда, не покидая своего места, отдохнули, решаются сами двинуться вперед и с новым криком наступают; возобновив нападение, они карабкаются вверх и преодолевают трудность местоположения. Уже они были близки к тому, чтобы взобраться на вершину холма, как враги обратили тыл; несясь врассыпную, и бегущие, и преследующие почти вместе вступили в лагерь. Во время этой паники лагерь был взят. Те вольски, которые могли убежать, устремились в Антий. В Антий приведено было и римское войско. После осады, продолжавшейся немного дней, город был сдан не вследствие необычайных нападений осаждавших, но потому, что уже со времени той несчастной битвы и потери лагеря вольски пали духом.

Книга III

Выведение колонии в Антий (1). Война Фабия с эквами; ценз (2–3). Восстание этрурийских вольсков и измена антийцев; неудача Фурия; помощь латинов и герников (4–5). Нападение эквов и вольсков на латинов и герников и движение к Риму (6). Беспомощное положение государства; умилоствление богов (7). Избиение вольсков (8). Попытка ограничить власть консулов (9). Внутренние раздоры (10–11). Занятие Капитолия изгнанниками и рабами; трибунские интриги (15–17). Помощь из Тускула (18). Протест Квинция против трибунов (19–21). Война с вольсками (22). Захват эквами тускуланской крепости и возвращение ее (23). Суд над Вольсцием (24). Восстание эквов (25). Нападение сабинян; Цинциннат избран диктатором (26). Поражение эквов и сабинян (27–29). Новое нападение эквов и сабинян; увеличение числа народных трибунов (30). Внутренние смуты; решено издать законы (31). Выбор децемвиров (32–33). Издание законов десяти таблиц; новый выбор децемвиров (34–35). Террор (36–37). Протест сената (38–39). Прения (40–41). Военные неудачи (42). Убийство Сикция (43). Гибель Вергинии (44–48). Восстание в Риме и в лагере (49–50). Выбор военных трибунов (50–51). Переход плебеев с Авентина на Священную гору; смятение сената (52). Переговоры с плебеями (53). Децемвиры слагают власть; возвращение плебеев и избрание народных трибунов (54). Законы, обеспечивающие свободу (55). Суд над Аппием (56–57). Самоубийство Аппия; суд над Оптием и Марком Клавдием (58). Прекращение казней (59). Победа над эквами и вольсками (60–61). Победа над сабинянами; триумф консулов (62–63). Выборы новых магистратов на 306 год от основания Рима [448 г. до н. э.] (64). Вражда патрициев и плебеев (65). Нападение эквов и вольсков и победа над ними (66–70). Решение спора между арицийцами и ардеянами (71–72).

1. По взятии Антия консулами стали Тит Эмилий и Квинт Фабий [467 г.]. Это был тот Фабий, который один пережил истребление своего рода при Кремере. Эмилий же еще в первое консульство стоял за раздачу плебеям земли, вследствие этого и во второе его консульство в сторонниках раздела полей возникла надежда добиться аграрного закона, и трибуны снова принимаются за это дело, которое они неоднократно затевали вопреки консулам, рассчитывая, что они достигнут успеха, когда один консул во всяком случае будет на их стороне. И консул оставался верен себе. Напротив, владельцы земли – большая часть патрициев – жаловались, что глава государства забавляется делами, приличными трибунам, и щедростью за чужой счет добивается популярности; таким образом, всю ненависть за это дело они с трибунов обратили на консула. Предстояла жестокая борьба, но Фабий разрешил спор советом, который не обидел ни той ни другой партии. «Есть, – говорил он, – много земли, отнятой у вольсков в прошлом году под личным предводительством и главным начальством²³³ Тита Квинция; можно вывести колонии в Антий, город соседний, удобный и притом приморский; таким образом, не обижая землевладельцев, плебеи получают поля, а согласие в государстве не будет нарушено».

²³³ ...под личным предводительством и главным начальством... – В выражении *ductu et auspiciis* первая часть указывает на личное командование, вторая – на верховное руководство, с которым связано было право производить гадания по полету птиц относительно того или другого предприятия. В императорское время, когда император был главнокомандующим всех войск государства, все войны велись под его auspiciis, а следовательно, и честь за все победы принадлежала ему, хотя он и не был в войске.

Это мнение было принято. Триумвирами для раздачи полей²³⁴ он выбирает Тита Квинкция, Авла Вергиния, Публия Фурия. Отдано было приказание, чтобы желающие получить землю записывались. Но, по обыкновению, изобилие сейчас же привело к пресыщению, и записалось до того немного, что для пополнения числа прибавлены были колонисты из вольсков; остальные предпочли требовать полей, оставаясь в Риме, чем получить их в другом месте. Эквы просили мира у Фабия, который явился туда с войском, но сами нарушили его, сделав внезапное нападение на латинские поля.

2. На следующий год [466 г.] Квинт Сервилий, бывший консулом со Спурием Постумием, послан был в землю эквов и расположился лагерем в латинской области. В войске развилась повальная болезнь, и оно бездействовало. Война затянулась на третий год, когда консулами были Квинт Фабий и Тит Квинций [465 г.]. Она была поручена Квинту Фабию вне порядка²³⁵, так как он победил эквов и даровал им мир. Отправившись с непоколебимой уверенностью, что слава его имени усмирит эквов, он послал на собрание этого племени послов, приказав им объявить: консул-де Квинт Фабий говорит, что он из земли эквов принес в Рим мир, а из Рима несет к эквам войну, взяв оружие в ту же десницу, которую раньше он протягивал им в знак мира. Чье вероломство и клятвопреступление виною тому, об этом теперь знают боги, которые вскоре явятся мстителями. Но, как бы то ни было, он и теперь предпочитает, чтобы эквы добровольно раскаялись, чем стали врагами. Если они повинятся, то найдут прибежище в известном им милосердии, если же им приятно нарушение клятвы, то они будут воевать не столько с неприятелями, сколько с разгневанными богами. Речь эта не только не произвела никакого впечатления, но даже послы едва не были растерзаны, и против римлян отправлено было войско на Альгид²³⁶. Когда весть об этом дошла до Рима, то и другой консул двинулся из города, побуждаемый не столько грозившей опасностью, сколько возмутительностью поступка. Так два войска, предводимые консулами, приблизились к врагу, выстроившись, чтобы немедленно сразиться. Но так как оставалась лишь небольшая часть дня, то один воин с неприятельской стоянки закричал: «Это, римляне, значит пугать войной, а не вести войну: на ночь глядя вы строите войско!

Для предстоящего боя нам нужен очень длинный день. Завтра с восходом солнца вернитесь в строй, и можно будет сразиться, не бойтесь!»

Раздраженные этими словами, воины отведены были назад в лагерь до следующего дня, негодуя, что наступает длинная ночь, оттягивающая сражение. Подкрепившись пищею и сном, на следующий день с рассветом римское войско выстроилось значительно раньше врага; наконец выступили и эквы. Началась с обеих сторон ожесточенная битва, так как римляне дрались под влиянием раздражения и ненависти, а эквов вынуждало к отчаянной храбрости и крайним мерам сознание опасности, навлеченной их собственной виной, и отчаяние, что им уже больше не поверят. Но не выдержали эквы натиска римского войска и были прогнаны; вернувшись в свои пределы, ожесточенная толпа, не более прежнего склонная к миру, начала бранить вождей, что они рискнули сразиться, тогда как римляне превосходят их военным искусством; для эквов-де удобнее опустошения и набеги, и рассеянные повсюду многочисленные отряды с большей надеждой на удачу ведут войну, чем хоть и многочисленная, но одна армия.

²³⁴ *Триумвирами для раздачи полей...* – Триумвиры – чрезвычайные чиновники, которые избирались в трибунных комиссиях под председательством консула и должны были организовать новую колонию; по крайней мере, такой порядок существовал в позднейшее время.

²³⁵ *...поручена вне порядка...* – Обыкновенно консулы решали по жребию или путем соглашения, кому чем заведовать; теперь в первый раз этот порядок нарушается, и сенат определяет круг деятельности консулов.

²³⁶ *...и против римлян отправлено было войско на Альгид.* – Альгид – горный хребет, замыкающий на северо-востоке Альбанскую долину и составлявший границу эквов; отсюда частью одни, частью в союзе с вольсками и сабинянами они долго держали в страхе Рим; это видно и из рассказа, хотя они старались приукрасить действительность, выдумывая разные удачные битвы.

3. Итак, оставив отряд на защиту лагеря, они выступили и столь грозно напали на римские пределы, что паника распространилась до самого города. Неожиданность еще увеличивала страх, так как меньше всего можно было бояться опустошений со стороны побежденного и почти осажденного в собственном лагере врага, а испуганные поселяне, вбегая в ворота, говорили не об опустошении и не о небольших отрядах грабителей, а, преувеличивая все под влиянием пустого страха, кричали, что близка армия, состоящая из легионов врагов, и что они несутся к городу колоннами, готовыми к нападению. Эти неверные слухи в еще более искаженном виде передавались другим. Беготня и крики призывавших к оружию очень походили на панику в захваченном врагами городе. В это время случайно вернулся в Рим с Альгида консул Квинкий. Прибытие его успокоило страх; когда волнение улеглось, он, порицая за робость перед побежденными врагами, расставил караулы у ворот. Затем созван был сенат; объявив с одобрения отцов суды закрытыми²³⁷ и оставив префектом в городе Квинта Сервилия, он выступил для охраны пределов, но не нашел врага в полях. Другой консул вел дело блистательно: зная, где пойдет неприятель, он напал на него, обремененного добычей и потому двигавшегося медленно, и сделал грабеж гибельным для него. Немногие враги избежали засады; вся добыча была отобрана. Так, с возвращением консула Квинкия в город, окончилось закрытие судов, продолжавшееся четыре дня.

Затем Квинкий произвел ценз²³⁸ и принес очистительную жертву. Говорят, что насчитано было сто четыре тысячи семьсот четырнадцать граждан, кроме сирот и вдов. В стране эквов не совершилось затем ничего достойного внимания. Они удалились в свои города, не оказав сопротивления сожжению и разграблению своего имущества. Консул, пройдя с целью опустошения несколько раз по всей неприятельской стране с войском, готовым к нападению, вернулся в Рим с огромной славой и добычей.

4. Затем консулами были Авл Постумий Альб и Спурий Фурий Фуз [464 г.]. Имя Фуриев некоторые пишут как Фузии; я напоминаю об этом, чтобы кто-нибудь это изменение имени не принял за наименование двух разных лиц. Не подлежало сомнению, что один из консулов будет вести войну с эквами. И вот они обратились за помощью к этетрийским вольскам, и когда она была оказана с полной готовностью, — до такой степени эти народы соперничали между собою в непримиримой ненависти к римлянам! — начались усиленные приготовления к войне. Герники узнают об этом и предупреждают римлян об отпадении этетрийской общины к эквам. Возбуждала подозрение и колония Антий, потому что по взятии города оттуда бежало большое количество народа к эквам; и действительно, во время войны с эквами это были самые свирепые воины. Когда затем эквы были разбиты и загнаны в крепости, эта шайка распалась и вернулась в Антий, она возбудила против римлян колонистов²³⁹, которые и сами по себе уже не отличались верностью. И когда, еще до полной организации этого дела, сенату было доложено, что готовится отпадение, то консулам дано было поручение, вызвав в Рим главных лиц колонии, допросить их, что там затевается. Прибыв немедленно, они представлены были консулами в сенат и на предложенные вопросы дали такие ответы, что, уходя, возбудили еще большее подозрение, чем когда пришли.

С этого времени война считалась вне сомнения. Один из консулов, Спурий Фурий, на долю которого выпало это дело, отправившись против эквов, нашел в земле герников врагов, производивших опустошение, и, не зная об их многочисленности, так как они нигде не показывались все вместе, безрассудно пустил в бой неравное по силам войско. Отраженный при

²³⁷ ...объявив с одобрения отцов суды закрытыми... — Закрытие судов и прекращение всякой общественной деятельности объявлялось с одобрения сената в случаях опасности, угрожавшей государству, или траура.

²³⁸ Затем Квинкий произвел ценз... — Первый ценз, упоминаемый Титом Ливием после Сервия; так как цензоров еще нет, то его производят консулы.

²³⁹ ...возбудила против римлян колонистов... — Выражение Тита Ливия неточно: он говорит здесь лишь о прежних обитателях Антия, а не о последних колонистах.

первой же стычке, он удалился в лагерь. Но это не был конец опасности: и в ближайшую ночь, и в следующий день лагерь был осаждаем и штурмуем с такою силой, что нельзя было даже вестника послать оттуда в Рим. Герники сообщили о неудачной битве и об осаде консула с войском и так напугали сенаторов, что другому консулу, Спурию Постумию, было предписано озаботиться, как бы государство не понесло какого-либо ущерба, каковая форма сенатского постановления всегда считалась признаком критического положения²⁴⁰. Признано было за лучшее, чтобы сам консул оставался в Риме вербовать всех способных носить оружие, а на помощь лагерю был послан с союзным войском Тит Квинкций, как заместитель консула²⁴¹. Для пополнения же армии приказано было латинам, герникам и колонистам Антия дать Квинкцию наскоро набранных воинов²⁴² – так назывались тогда внезапно требуемые вспомогательные войска.

5. В течение тех дней много происходило передвижений и приступов с разных сторон, так как враги, пользуясь численным превосходством, решились всячески тревожить римские силы, рассчитывая, что их не хватит на все. Одновременно штурмовали лагерь, часть же войска отправили опустошать римские поля, а если представится удобный случай, то попробовать напасть и на сам город. Луций Валерий был оставлен на защиту города, а консул Постумий отправлен остановить опустошение страны. И нигде не сделано было никаких упущений по части бдительности или усердия: в городе были расставлены караулы, перед воротами патрули, а на стенах сторожевые посты, вместе с тем на несколько дней закрыты суды, что было неизбежно ввиду такого великого смятения. Тем временем консул Фурий, сперва спокойно переносивший осаду в лагере, сделал вылазку через задние ворота против неосторожного врага²⁴³, и хотя имел возможность преследовать его, но остановился, опасаясь нападения на лагерь с какой-нибудь другой стороны.

Легат Фурий, брат консула, зашел слишком далеко; увлекаемый желанием преследовать, он не заметил удаления своих и нападения врагов с тыла. Отрезанный таким образом, после многих неудачных попыток проложить себе путь к лагерю, он пал, храбро сражаясь. Равным образом консул, получив известие, что брат его окружен, вернулся в бой и, врезавшись безрассудно в гущу врагов вопреки требованию осторожности, был ранен и едва вырван окружающими; это смутило его воинов и увеличило храбрость врагов: смерть легата и рана консула воспламенила их, а затем уже никакая сила не могла сдержать их, тогда как римляне, уступая уверенностью и силами, были загнаны в лагерь и осаждены; дело дошло бы до крайней опасности, если бы не явился на выручку Тит Квинкций с чужеземными силами – войском, состоявшим из латинов и герников. Напав с тыла на эквов, обративших все свое внимание на римский лагерь и яростно показывавших голову легата, он окружил огромные полчища врагов, а вместе с тем по данному издали сигналу сделана была вылазка и из лагеря. Избиение эквов на римской земле было менее значительно, но бегство более беспорядочно. Когда они, блуждая враспынную, гнали добычу, то Постумий сделал на них нападение в нескольких местах, где целесообразно были расположены отряды. Бежав в беспорядке, они наткнулись на победителя Квинкцию, возвращавшегося с раненым консулом. Тогда консульское войско в блистательном

²⁴⁰ ...каковая форма сенатского постановления всегда считалась признаком критического положения. – Сенатское постановление такого рода называлось постановлением о крайних мерах (*ultimum senatus consultum*) и давало неограниченную власть высшим должностным лицам, чаще всего консулам, а иногда и другим магистратам.

²⁴¹ ...на помощь лагерю был послан с союзным войском Тит Квинкций как заместитель консула. – Посылаемый заместитель (*pro consule*; позже *proconsul*) имел лишь военную власть, которой мог пользоваться только вне города; обыкновенно это делалось, когда ни одного консула не было в городе. Это первый случай назначения заместителя консула.

²⁴² ...приказано было латинам, герникам и колонистам Антия дать Квинкцию наскоро набранных воинов... – Так как в Риме набираются все способные носить оружие, то и от союзников требуются резервы.

²⁴³ ...сделал вылазку через задние ворота против неосторожного врага... – Так как задние ворота (*porta decumana*) находились на стороне лагеря, наиболее удаленной от неприятеля, то он и не ждал нападения оттуда; в этом смысле он назван «неосторожным».

сражении отомстило за рану консула, смерть легата и избиение когорт. Много в те дни и с той и с другой стороны было причинено и принесено потерь; соблюдая достоверность, трудно в таком древнем событии с точностью обозначить, сколько народу принимало участие в боях или пало; но Валерий Антиат решается подвести итог: римлян пало в земле герников 5800, а консул Авл Постумий убил 2400 грабителей из эквов, которые бродили по римским полям с целью производить опустошения; гораздо больший урон понесли остальные полчища, гнавшие добычу и наткнувшиеся на Квинкцию, – он утверждает, что на основании точных исследований число убитых простиралось до 4230 человек²⁴⁴.

По возвращении в Рим суды были открыты. Казалось, что небо на широком пространстве пылает; являлись перед глазами или представлялись напуганному воображению и другие знамения. Для предотвращения этих ужасов назначено было трехдневное празднество, во время которого толпы мужчин и женщин наполняли храмы богов, испрашивая у них милости. Затем сенат распустил по домам когорты латинов и герников, выразив им признательность за усердную службу, тысяча же воинов антийцев, явившихся на помощь слишком поздно, уже после сражения, были отосланы почти с позором.

6. Затем созваны были комиции; консулами были выбраны Луций Эбуций и Публий Сервилий [463 г.]. В консульство они вступили в секстильские календы, с которых тогда начинался год²⁴⁵. Время года было вообще тяжелое, а в тот год еще распространилась моровая язва в городе и по деревням, на людей и на скот; болезнь усилилась вследствие того, что из боязни опустошений были приняты в город скот и поселяне. Это скопление всякого рода живых существ стесняло и горожан, так как распространялось необычное зловоние, и поселян, которые, будучи согнаны в тесные жилища, страдали от жара и бессонницы; а взаимные услуги и просто общение вело к распространению болезни. С трудом можно было переносить эти несчастия, как вдруг послы герников приносят весть, что соединенные силы эквов и вольсков расположились лагерем на их земле и оттуда огромное войско опустошает их пределы. Уже сама малочисленность сената показывала союзникам, что государство находится в стесненном положении вследствие моровой язвы, а кроме того, им дан был печальный ответ, чтобы герники с латинами собственными силами защищали свое достояние: внезапно обрушившийся гнев богов губит Рим болезнью; если эта беда хоть сколько-нибудь ослабевает, как год назад тому, то они помогут союзникам, как это делали и в других случаях. Союзники удалились, неся домой на печальную весть еще более печальный ответ, так как им самим приходилось выдерживать войну, которую они с трудом выдержали бы даже при содействии римских сил. Но враг не особенно долго оставался в земле герников; оттуда он направляется в римские поля, опустошенные и без бедствий войны. Не встречая никого даже безоружного и проходя по местам не только незащищенным, но и необработанным, они дошли до третьего камня по дороге, ведущей от Рима в Габии.

Римский консул Эбуций умер; товарищ его Сервилий был еще жив, но подавал мало надежды на выздоровление. Поражены были болезнью большая часть лиц, стоящих во главе государства, большая часть сенаторов, почти все лица призывного возраста, так что не только для похода, как того требовали тогдашние обстоятельства, но даже для караулов на месте едва хватало сил. Обязанности караульных исполняли даже сенаторы, которым позволяли года и

²⁴⁴ ...Валерий Антиат... утверждает, что на основании точных исследований число убитых простиралось до 4230 человек. – Валерий Антиат (I в. до н. э.) – римский историк-анналист. Славился преувеличениями; достоверность приводимых им сведений, и особенно цифр, вызвала большие сомнения. Тит Ливий, избегающий обыкновенно называть точные цифры, с недоверием относился к вычислениям Валерия Антиата, внесшего много неверных известий в свою «Римскую историю», где были описаны события с основания Рима до времени Суллы, по крайней мере, в 75 книгах.

²⁴⁵ В консульство они вступили в секстильские календы, с которых тогда начинался год. – Год служебный начинался 1 августа, тогда как год гражданский – 1 марта.

состояние здоровья; плебейские эдилы²⁴⁶ обходили караулы и заботились о размещении их; к ним перешли высшее управление государством и верховная власть, принадлежавшая консулам.

7. Покинутое, лишенное главы и сил государство защищали боги-хранители и покровительница города Фортуна, вложив вольскам и эквам мысль быть более грабителями, чем врагами: в их сердцах не возникло надежды не только овладеть стенами Рима, но даже подойти к ним, и, увидав издали город и высокие холмы, они не захотели занять их; напротив того, по всему лагерю поднялся шум: зачем без дела тратить время в запустелых и покинутых полях среди гниющих трупов животных и людей, не получая добычи, когда можно идти в нетронутые опустошением места, в богатые тускуланские поля? И вот, внезапно схватив знамена, они перешли поперечными дорогами через лабиканские поля на Тускуланские холмы. Туда обратилась вся сила и все невзгоды войны. Между тем герники и латины, побуждаемые не только состраданием, но и стыдом, если они не задержат общего врага,двигающегося на Рим и готового к нападению, и не подадут никакой помощи осажденным союзникам, соединенными силами направляются к Риму. Не найдя там врага, они, руководясь слухами и следами, повстречали его, когда он шел с Тускуланских холмов в Альбанскую долину. Тут произошел далеко не равный бой, и верность союзников в данный момент принесла им несчастье.

Болезнь в Риме произвела не меньшее опустошение, чем оружие в рядах союзников. Оставшийся в живых единственный консул умер; умерли и другие славные мужи – авгуры Маний Валерий и Тит Вергиний Рутил и старший курион²⁴⁷ Сервий Сульпиций; сильное опустошение производила болезнь и среди малоизвестных лиц. Не находя помощи у людей, сенат направил народные молитвы к богам; отдано было приказание отправиться на молитву с женами и детьми и испрашивать милости богов. Так как каждого побуждала к этому своя беда, то, получив распоряжение со стороны властей, они наполняют все капища. Распростертые всюду матроны, отирающие своими волосами храмы, испрашивают у разгневанных небожителей милость и прекращение мора.

8. Затем пострадавшие от болезни начали мало-помалу поправляться, потому ли, что испрошена была милость богов, или потому, что уже прошло тяжелое время года. Когда умы обратились уже к заботе о государственных делах, после нескольких междуцарствий²⁴⁸ Публий Валерий Публикола, на третий день по вступлении в звание междуцаря, провозглашает консулами²⁴⁹ Луция Лукреция Триципитина и Тита Ветурия (или, быть может, Ветузия) Гемина [462 г.]. За три дня до секстильских ид²⁵⁰ они вступают в консульство, когда государство уже достаточно оправилось, так что не только могло остановить нападение, но и само сделать его. Поэтому, когда герники известили, что враги перешли в их пределы, им охотно была обещана помощь. Было собрано два войска, которые были вверены консулам. Ветурий был отправлен

²⁴⁶ ...плебейские эдилы... – Плебейских эдилов (эдилы, первоначально – помощники трибунов) Тит Ливий упоминает здесь в первый раз, ставя их непосредственно за консулами.

²⁴⁷ ...и старший курион... – Каждая из тридцати курий имела свои священнодействия, который совершал так называемый курион (*curio*); во главе стоял старший (или главный) курион (*curiomaximus*), объявлявший об общих праздниках курий. Это первое упоминание о таком курионе.

²⁴⁸ ...после нескольких междуцарствий... – Был обычай, чтобы первый междуцарь не производил выборов. Междуцарь (интеррекс) выбирался сенаторами для проведения выборов в случае гибели обоих консулов. Каждый междуцарь оставался в должности пять дней, затем назначался преемник. – *Примеч. ред.*

²⁴⁹ ...провозглашает консулами... – Точнее следовало бы сказать: «провозглашает (как председатель собрания), что народ избрал в консулы...»

²⁵⁰ За три дня до секстильских ид... – Т. е. 1 августа. Римский календарь был лунным, а дни считались по нонам, идам и календам. Нонами назывались шесть дней месяцев марта, мая, июня и октября, со 2 по 7 число, а в другие месяцы – со 2 по 5. По окончании нон начинались иды, которые продолжались восемь дней, т. е. в месяцах марте, мае, июне и октябре до 15 числа, а в другие месяцы – до 13. После ид следовали календы, которые продолжались до 1 числа следующего месяца включительно. Римляне говорили не: «Такой-то день месяца», но: «Такой-то день до нон (или ид, или календ) такого то месяца». – *Примеч. ред.*

в землю вольсков вести наступательную войну, Триципитин же, посланный в землю союзников, чтобы остановить опустошение, не пошел дальше пределов герников. Ветурий в первой битве разбивает и обращает в бегство врагов; от Лукреция же, пока он был в земле герников, ускользнул отряд грабителей, прошедший Пренестинскими горами и оттуда спустившийся в равнину. Они опустошили поля Пренесты и Габий, а из Габий повернули на Тускуланские холмы; наведен был великий страх и на Рим – не столько по недостатку сил для отражения нападения, сколько вследствие неожиданности его.

Префектом города был Квинт Фабий. Вооружив молодежь и расставив караулы, он устранил всякую опасность и успокоил умы. Поэтому враги, награбив добычу из ближайших мест, не рискнули подступить к городу; когда же, повернув, шли назад, ослабляя бдительность по мере удаления от города, то наткнулись на консула Лукреция, который, уже разведав раньше пути, построил войско и ждал битвы. И вот подготовленные римляне нападают на пораженных неожиданностью врагов и, значительно уступая им числом, обращают в беспорядочное бегство огромные полчища и, загнав их в долину, ввиду трудности выхода оттуда, окружают их. Здесь вольское племя было почти истреблено. В некоторых летописях я нахожу известие, что в битве и во время бегства были убиты 13 470 человек, взяты в плен живыми 1750 и принесено домой 27 военных знамен; хотя в числе и допущено некоторое преувеличение, но, во всяком случае, избиение было жестокое. Победоносный консул, захватив большую добычу, вернулся на прежнюю стоянку. Затем консулы объединяют войска, сводят вместе свои ослабленные силы и вольски с эквами. В тот год это была третья битва. Такая же удача сопровождала и это сражение: враги были разбиты, а лагерь их отнят.

9. Таким образом, Римское государство вернулось к прежнему положению, и счастье в войне немедленно вызвало волнение в городе. Народным трибуном в том году был Гай Теренций Гарса. Решив, что отсутствие консулов открывает простор для трибунских интриг, он в течение нескольких дней обвинял перед плебеями патрициев в гордости, особенно же нападал на власть консулов как чрезмерную и нетерпимую в свободном государстве. Ведь только по имени она менее ненавистна, по существу же чуть ли не ужаснее царской власти; вместо одного господина принято два, с неограниченной, не знающей меры властью: ничем не стесняемые и не удерживаемые, они применяют к плебеям все угрозы и все казни, указанные в законах. Во избежание увековечения этого произвола он собирается предложить законопроект о назначении пяти мужей для составления законов о власти консулов; какие права по отношению к себе дарует народ, теми и будет пользоваться консул, а не станет считать законом собственное желание и произвол²⁵¹.

С опубликованием этого законопроекта патриции стали бояться, как бы в отсутствие консулов им не попасть под ярмо нового закона; но префект города Квинт Фабий созывает сенат и с таким ожесточением нападает на предложение и автора его, что даже если бы оба консула восстали против трибуна, то ничего не прибавили бы к его угрозам и запугиванию, – он говорил, что Гарса строит козни и, пользуясь удобным случаем, нападает на государство. Если бы в предыдущий год, во время эпидемий и войны, разгневанные боги послали трибуна, похожего на него, то не было бы никакого спасения. После смерти обоих консулов, когда государство страдало от болезни, при всеобщем смятении он внес бы законопроект об уничтожении консульской власти в государстве и стал бы вождем вольсков и эквов при осаде города. Да разве, наконец, он не имеет права, в случае высокомерного или жестокого поступка консула против какого-нибудь гражданина, привлечь того к ответу и обвинять перед судом тех самых людей, один из которых обижен? Не консульскую, а трибунскую власть делает он ненавистной и невы-

²⁵¹ ... какие права по отношению к себе дарует народ, теми и будет пользоваться консул, а не станет считать законом собственное желание и произвол. – За отсутствием писаных законов и ввиду того, что законы знали лишь патриции (преимущественно жрецы), консулы имели полную возможность произвольно толковать законы и теснить плебеев в пользу патрициев. Начинаясь борьба, вызванная не нищетой, а желанием защитить себя от высокомерия знати, длилась почти сто лет.

носимой, возвращая ей после успокоения и примирения с патрициями прежний преступный характер. И он не обращается к нему, Терентилию, с просьбой прекратить начатое. «Вас, – говорит Фабий, – прочие трибуны, мы просим прежде всего принять во внимание, что ваша власть установлена для охраны отдельных лиц, а не для гибели всех; вы выбраны трибунами плебеев, а не врагами патрициев. Нападение на покинутое государство нам приносит горе, а против вас возбуждает ненависть; вам следует уменьшить не права свои, а ненависть против вас. Убедите товарища, чтобы он отложил все дело до прибытия консулов. Даже эквы и вольски не воспользовались в прошлом году смертью консулов от эпидемии и не преследовали нас настойчиво и высокомерно жестокой войной».

Трибуны переговорили с Терентилием, и, когда предложение, по-видимому, было отложено, а на самом деле взято назад, немедленно были призваны консулы.

10. Лукреций вернулся с огромной добычей и с гораздо большей славой, которой он придал еще больший блеск тем, что разложил всю добычу на Марсовом поле²⁵², где в течение трех дней всякий мог узнать свое и взять. Остальное, чему не нашлось хозяев, было продано. По общему мнению, консулу следовало дать триумф, но дело было отложено, так как трибун повел речь о законопроекте; этот вопрос консул признал более важным. Несколько дней он был обсуждаем в сенате и перед народом. Наконец трибун уступил обаянию консула и взял назад предложение. Тогда полководцу и войску воздана была подобающая честь: вождь праздновал триумф над вольсками и эквами, а за ним следовали его легионы. Другому консулу предоставлено было с овацией²⁵³ вступить в город без войск.

В следующий затем год новым консулам – то были Публий Волумний и Сервий Сульпиций – пришлось мириться с законопроектом Терентилия, предложенным всей коллегией. В том году [461 г.] казалось, что небо пылает, и было страшное землетрясение; поверили, что корова заговорила, к известию о которой в предыдущем году отнеслись с недоверием. Между прочими предзнаменованиями падали с неба, точно дождь, куски мяса, которые, как рассказывают, подхватывали птицы, летавшие среди них в огромном количестве; упавшее же мясо лежало разбросанным несколько дней, не издавая зловония. Духовные дуумвиры обратились к Книгам²⁵⁴. Предсказывались опасности от сборища чужеземцев: может-де произойти нападение на возвышенные пункты города и отсюда возникнуть побоище. Также было дано предостережение воздерживаться от мятежей. Трибуны жаловались, что это сделано с целью помешать законопроекту; предстояла великая борьба.

Но вот, как бы для того, чтобы ежегодно повторялся обычный круг событий, герники сообщают, что вольски и эквы, несмотря на истощение, снова собирают войска; центральное управление находится в Антии, а в Эцетрах открыто собираются на совещания антийские колонисты; там руководство, а тут средства для войны. Когда это было сообщено сенату, издается распоряжение о наборе. Консулам приказано распределить руководство войной между собой, чтобы один взял на себя вольсков, а другой – эквов.

Трибуны открыто заявляли на форуме, что рассказы о войне с вольсками одна комедия и что герникам дана роль в ней. Уже даже и не доблесть угнетает свободу римского народа,

²⁵² ...придал еще больший блеск тем, что разложил всю добычу на Марсовом поле... – Так как он собирался требовать триумф, то остался вне города; там же происходило и обсуждение предложения трибуна.

²⁵³ ...с овацией... – Овация – малый триумф, который предоставлялся победившему полководцу, если не хватало оснований для триумфа. В то время как триумфатор въезжал в город на позолоченной колеснице, запряженной четверкой белых коней, в облачении Юпитера, с лавровым венком на голове, сопровождаемый кликами «Йо, триумф!», – полководец, удостоенный овации, вступал в город пешком или верхом на коне и был одет в тогу-претексту, с миртовым венком на голове; при овации полководец приносил в жертву овцу, тогда как триумфатор закалывал при жертвоприношении быка.

²⁵⁴ ...обратились к Книгам. – Речь о Сивиллиных книгах, которые представляли собой собрание предсказаний в стихотворной форме. К ним обращались за советом в случае особенных знамений, для которых не было указано умиловительных жертв в книгах понтификов. Сивиллины книги находились в ведении двух мужей (дуумвиров по священным делам), позже десяти (децемвиров), но они заглядывали в книги лишь по распоряжению сената.

а издеваются над ней, прибегая к уловкам. Так как уже невероятно, чтобы почти совершенно уничтоженные вольски и эквы сами могли поднять оружие, то выискивают новых врагов, бесчестят верную и близкую колонию. Объявляют войну невинным антийцам, а ведут ее с римскими плебеями, которых хотят поскорее вывести из города, навьючив оружием; изгнанием и удалением граждан мстят трибунам. Результат всего этого один: законопроект погиб, если они, имея дело в своих руках, находясь дома, будучи еще мирными гражданами, не примут мер, чтобы не потерять обладания городом, чтобы не наложить на себя ярма. Если есть мужество, то не будет недостатка в средствах; все трибуны единодушны. Извне ничто не грозит, нет никакой опасности; в предыдущем году боги позаботились о том, чтобы можно было безопасно защищать свободу. Так рассуждали трибуны.

11. В другой стороне форума консулы, приказав поставить перед их глазами кресла, попробовали производить набор. Туда бегут трибуны и увлекают за собой толпу. Немногие были вызваны как бы для выяснений, но тотчас же началось насилие. Кого только ликтор схватывал по приказанию консула, того трибун приказывал отпустить. Не право руководило действиями каждого, а уверенность в превосходстве; силою приходилось помогать тому, к чему кто стремился.

Как вели себя трибуны, препятствуя набору, так действовали и патриции, мешая проведению законопроекта, который был предлагаем во все дни комиций. Когда трибуны отдавали народу приказание разойтись по трибам, то начиналась драка²⁵⁵, так как патриции противились удалению их. И старейшие из них почти не принимали участия, так как нужны были не советы, а лишь безрассудство и дерзость. Сторонились часто и сами консулы, чтобы среди всеобщей сумятицы не понесло ущерба обаяние их власти.

Жил тогда некто Цезон Квинкий, юноша решительный, отличавшийся как знатностью рода, так и огромным ростом и физической силой. К этим дарам богов он сам присоединил много военных отличий и красноречие на форуме, так что не было в государстве человека более речистого и более храброго. Стоя в толпе патрициев и будучи выше всех на целую голову, он один сдерживал нападения трибунов и неистовство толпы, точно совмещал в своем голосе и силах всю мощь диктатора и консула. Под его предводительством много раз были прогоняемы с форума трибуны и разгоняемы и обращаемы в бегство плебеи; если кто выступал против него, то уходил побитым и в разорванной одежде; было ясно, что если такой образ действий будет возможен и далее, то законопроект не будет проведен.

Когда уже почти все другие трибуны были в замешательстве, то один из всей коллегии Авл Вергиний назначил Цезону срок явиться в суд по обвинению в уголовном преступлении. Это скорее ожесточило, чем устранило суровый нрав; тем яростнее он стал сопротивляться законопроекту, раздражать плебеев и преследовать трибунов, как бы формально объявив им войну. А обвинитель позволял подсудимому неистовствовать, раздувал пламя ненависти против него и собирал материал для обвинения; тем временем он внес законопроект не столько в надежде провести его, сколько с целью увеличить безрассудство Цезона. Тут все многочисленные необдуманные слова и поступки молодежи обрушились на одного подозрительного Цезона. Как бы то ни было, но законопроекту оказывали сопротивление. И Авл Вергиний неоднократно говорил плебеям: «Понимаете ли вы уже, квинриты, что нельзя одновременно и оставить в числе граждан Цезона, и получить желаемый вами закон? Впрочем, что я говорю о законе? Он стоит на дороге к свободе! Своим высокомерием он превосходит всех Тарквиниев. Ждите, пока станет консулом или диктатором тот, который, будучи частным лицом, как вы

²⁵⁵ Когда трибуны отдавали народу приказание разойтись по трибам, то начиналась драка... – По прочтении предложения председательствующий чиновник приглашал присутствующих для подачи голосов разойтись по трибам, для которых на Комиции были особые места. Исполнению распоряжения мешали молодые патриции.

видите, царствует благодаря своей силе и дерзости». Многие соглашались, жалуясь, что они побиты, и даже настаивали, чтобы трибун довел дело до конца.

12. И уже близок был день суда, и ясно было, что, по убеждению большинства, с вопросом об осуждении Цезона тесно связан вопрос о свободе. Тут, наконец, поневоле, вызывая еще большее отвращение, он стал заискивать расположения отдельных лиц. Его сопровождали близкие люди, стоящие во главе государства. Тит Квинкций Капитолин, бывший три раза консулом, указывая на многочисленные военные отличия свои и своего рода, утверждал, что ни в роде Квинкциев, ни вообще в Римском государстве не было человека столь талантливого и притом так рано обнаружившего доблесть. В первый раз Цезон служил воином в его армии и не раз сражался против врагов на его глазах. Спурий Фурий говорил, что подсудимый, будучи послан Квинкцием Капитолином, помог ему в критическую минуту; по его мнению, никто в отдельности не содействовал более благоприятному исходу дела. Консул предшествующего года Луций Лукреций, чьи славные деяния были свежи, уделял часть своей славы Цезону, упоминал о битвах, говорил о его отменных подвигах и в походах, и в сражениях, настойчиво советовал удержать лучше в числе своих граждан, а не делать чужим этого талантливого юношу, наделенного всеми дарами природы и счастья, который станет важной опорой могущества всякого государства, в какое бы он ни пришел. Дурные его качества, горячность и дерзость, все больше исчезают с возрастом, желательное же – рассудительность – увеличивается со дня на день. Так как пороки старятся, а доблесть крепчает, то пусть они позволят такому способному мужу дожить до старости в государстве.

Находившийся тут же отец его, Луций Квинкций, по прозвищу Цинциннат, не стал повторять перечень его заслуг, чтобы не усилить негодования, а просил снисхождения к заблуждениям молодости, умолял подарить сына отцу, не оскорбившему никого ни словом, ни делом. Но одни или из почтения к Цинциннату, или из страха перед его сыном как бы не слушали просьб, а другие, жалуясь на побои, нанесенные им и их близким, давали суровые ответы и тем наперед показывали, каков будет их приговор.

13. Кроме всеобщей ненависти, к подсудимому предъявлено было одно тяжкое обвинение, свидетелем по которому был Марк Вольсций Фиктор, бывший за несколько лет перед тем народным трибуном. Он говорил, что немного спустя после морового поветрия он наткнулся на юношей, бесчинствовавших на Субуре²⁵⁶. Там произошла драка, и его старший брат, еще не совсем оправившийся от болезни, упал от удара кулаком, нанесенного ему Цезоном; еле живого, его на руках отнесли домой, где он и умер, по убеждению многих, именно от этого удара; между тем консулы предшествующих лет не позволили ему преследовать виновного судебным порядком. Эти громкие заявления Вольсция до того возбудили народ, что Цезон едва не сделался жертвою нападения толпы.

Вергиний приказывает схватить его и заключить в оковы. Патриции встречают насилие насилием. Тит Квинкций кричит, что нельзя до приговора, без разбирательства подвергать оскорблениям того, кто привлечен по уголовному делу и над кем скоро будет суд. Трибун заявляет, что он не будет казнить его ранее приговора, но до дня суда хочет содержать его в тюрьме, чтобы римский народ имел возможность наказать убийцу. Призванные на помощь другие трибуны, предложив среднюю меру, исполнили свой долг защитников: запретив заключать подсудимого в оковы, они объявили, что он должен явиться на суд, а в случае неявки представить народу денежное обеспечение. Возникло сомнение относительно суммы обеспечения; решение этого вопроса передается сенату. Пока происходило совещание сенаторов, подсудимого держали на форуме. Решено было представить поручителей; каждого из них обязали взносом в три тысячи медных ассов; а сколько их представить, должны были решить трибуны. Они опре-

²⁵⁶ ...на Субуре. – Субура – шумная улица Рима, лежала между холмами Эсквилин, Виминал и Квиринал. Позже это была из наиболее заселенных улиц, которая пользовалась дурной репутацией.

делили десятерых. Этим поручителям обвинитель выдал подсудимого на поруки²⁵⁷. То был первый случай представления поручителей казне. Отпущенный с форума, он в следующую же ночь удалился в изгнание к этрускам. Хотя в день суда и выставляли в объяснение его неявки выселение его в изгнание, тем не менее под председательством Вергиния происходили комичии²⁵⁸; но призванные на помощь товарищи его распустили собрание. Деньги были взысканы с отца так сурово, что, продав все имущество, он некоторое время жил за Тибром в отдаленной хижине, точно изгнанник.

14. Судебное разбирательство по этому делу и опубликование законопроекта держали государство в напряженном состоянии; внешних войн не было. Трибуны, точно одержав победу, считали законопроект уже почти проведенным, патриции были напуганы изгнанием Цезона и, поскольку это касалось знатнейших из них, отступились от участия в государственных делах; но молодежь, преимущественно составлявшая компанию Цезона, еще более озлобилась на плебеев и не потеряла присутствия духа. Но особенно полезным в этой борьбе оказалось для них то, что они несколько сдерживали свою стремительность. Как только после изгнания Цезона зашла речь о законопроекте и трибуны, попытавшись удалить их, подали повод, они, в сопровождении целой армии клиентов, сделали дружное нападение на трибунов. Никто не ушел домой оттуда, снискав единолично большую славу или вызвав большее ожесточение²⁵⁹: плебеи жаловались, что вместо одного Цезона их стала тысяча.

В следующие дни, когда трибуны не заводили речи о законопроекте, они были кротки и спокойны, как никто другой: любезно приветствовали плебеев, заговаривали с ними, приглашали к себе в дома, помогали им на форуме, самим трибунам предоставляли созывать собрания для всяких других целей, не оказывая помехи. Ни в общественной, ни в частной жизни не обнаруживали суровости, если только не заходила речь о законопроекте; во всех других случаях молодежь угождала народу. И трибуны не только спокойно исполнили все свои дела, но даже были выбраны на следующий год. Не произнося ни одного грубого слова, не говоря уже о насилии, они мало-помалу приручили плебеев кротким и ласковым обхождением. При помощи таких уловок они в течение целого года задерживали проведение законопроекта.

15. Консулы Гай Клавдий, сын Аппия, и Публий Валерий Публикола приняли государство успокоенным. Новый год [460 г.] не принес ничего нового; одна часть граждан была озабочена проведением законопроекта, другую тревожила необходимость принять его. Чем сильнее младшие патриции старались заручиться расположением плебеев, тем ожесточеннее трибуны своими обвинениями внушали народу подозрение против них: уже составлен заговор, Цезон в Риме; подготовлен план умерщвления трибунов и избиения плебеев; старейшие патриции поручили младшим принять меры к устранению из государства власти трибунов и восстановлению порядка, существовавшего до удаления на Священную гору.

В то же время со стороны вольсков и эквов боялись войны, почти привычной и чуть ли не из года в год повторяющейся, а между тем неожиданно разразилась другая, более близкая и небывалая беда. Изгнанники²⁶⁰ и рабы, числом до 2500, предводимые сабинянином Аппием Гердонием, заняли ночью Капитолий и Крепость. Немедленно в Крепости были перебиты все, не желавшие принять участие в заговоре и вместе с ними взяться за оружие, другие, пользуясь суматохой, стремглав в страхе бежали на форум. И слышны были попеременно крики: «К ору-

²⁵⁷ Этим поручителям обвинитель выдал подсудимого на поруки. – И в позднейшее время желавший добровольно удалиться в изгнание выставлял поручителей, оставляя им в обеспечение свое имущество.

²⁵⁸ ...тем не менее под председательством Вергиния происходили комичии... – По-видимому, Вергиний хотел настоять на смертной казни, но в этом ему помешали товарищи.

²⁵⁹ ...снискав единолично большую славу или вызвав большее ожесточение... – Как это было с Цезоном, который выделялся из всех патрициев.

²⁶⁰ Изгнанники... – Очевидно, во время гражданских споров не одни Цезон и Кориолан вынуждены были покинуть Рим.

жию!», «Враг в городе!» Консулы боялись и дать оружие плебеям²⁶¹, и оставлять их безоружными, так как не знали, какая беда столь неожиданно обрушилась на город – со стороны ли внешнего или внутреннего врага, есть ли то следствие ненависти плебеев или коварства рабов. Они старались успокоить волнение, а, успокаивая, иной раз сильнее возбуждали его: нельзя ведь было, опираясь на власть, управлять испуганной и оробевшей толпой. Тем не менее раздают оружие не всем, а столько, чтобы иметь на всякий случай достаточно сильный отряд против неизвестного врага. Расставляя караулы во всех местах города, открытых для нападения, они провели остаток ночи в тревоге и неведении, кто такие враги и сколько их. С рассветом открылось, что за война и кто вождь ее. Аппий Гердоний звал с Капитолия рабов, обещая свободу; он-де взял на себя защиту всех несчастных, возвращение в отечество несправедливо удаленных изгнанников и освобождение рабов от тяжкого ига. Он предпочитает сделать это с соизволения народа римского, если же на такой исход дела не будет надежды, то он поднимет вольсков и эквов и вообще испробует самые крайние средства.

16. Дело становилось все более и более ясным для сенаторов и консулов. Но не одни эти известия устрашали их; они боялись, что участниками этого плана окажутся вейяне и сабиняне и что, в то время как столько врагов находится в городе, явятся, согласно уговору, сабинские и этрусские войска, а затем подойдут и вечные враги, вольски и эквы, не для опустошения пределов, как прежде, а к самому городу, пользуясь тем, что часть его взята. Представлялось много разнообразных оснований бояться; но особенный ужас наводили рабы: опасались, как бы не оказался у каждого дома такой враг, которому рискованно было верить, но вместе с тем опасно было недоверием вызвать большее озлобление его. Очевидно было, что трудно будет спасти государство даже при согласии граждан. Так как поднимались волны других бедствий и грозили потопить государство, то никто не боялся трибунов или плебеев: полагали, что это зло укротимо, что остановленное страхом опасности извне, оно покоится и поднимается только тогда, когда нет никакой другой беды. На самом же деле оно чуть ли не одно больше всего грозило потрясенному государству. Безумие трибунов было так велико, что они утверждали, будто не враги, а пустой призрак врагов, друзья и клиенты патрициев засели на Капитолии, чтобы отвлечь умы плебеев от заботы о законопроекте; если он пройдет и они поймут, что затеяли шум напрасно, то эти враги уйдут тише, чем пришли.

Затем трибуны остановили вооружение народа, и под их председательством происходит собрание для проведения законопроекта. А тем временем под председательством консулов происходит заседание сената, так как со стороны трибунов обнаруживалась другая, более грозная опасность, чем та, которая возникла с появлением врага в ночную пору.

17. Когда было возвещено, что народ складывает оружие и покидает посты, Публий Валерий выбежал из курии – товарищ его не распускал сенат, – а оттуда на ораторскую кафедру²⁶² к трибунам. «Что это такое, трибуны? – вскричал он. – Под личным предводительством и верховным начальством Аппия Гердония вы собираетесь разрушить государство? Он, который не повлиял на рабов, был настолько счастлив, что соблазнил вас?! Когда враг у вас над головой, вам угодно оставить оружие и проводить законопроекты?» Затем, обращая речь к толпе, он продолжал: «Если вы, квириды, нисколько не заботитесь ни о городе, ни о себе, то побойтесь ваших богов, которые в плену у врагов. Юпитер Всеблагий Всемогущий, Юнона Царица и Минерва, и прочие боги и богини в осаде. Лагерь рабов окружает пенаты вашего государства. Ужели вы признаете это положение государства нормальным? Столько врагов находится не только в стенах, но и в Крепости, над форумом и курией, а между тем на форуме происходят комиции, в курии – заседание сената; точно как будто у нас царит глубокий мир, сенаторы

²⁶¹ ...*дать оружие плебеям*... – Обыкновенно граждане сами заботились о своем вооружении, и лишь в крайних случаях им раздавали оружие из казенных складов.

²⁶² ...*на ораторскую кафедру*... – Речь о том месте, откуда говорили к народу; оно называлось позже «ростра» (*rostra*). Место это должно было быть освящено и выбрано на основании гадания авгура.

высказывают мнения, а другие – квириды – подают голоса. Не приличнее ли было бы всем патрициям и плебейам, консулам, трибунам, всем богам и людям с оружием в руках спешить на помощь, бежать на Капитолий, освобождать и умиротворять священнейшее жилище Юпитера Всеблагого Всемогущего? Отец Ромул! Ты вложи в своих потомков свой дух, силою которого ты некогда вернул Крепость, захваченную при помощи золота теми же самыми сабинянами; вели идти той же дорогой, которой шел ты и предводимое тобою твоё войско. Вот я, консул, первый пойду за тобой и по твоим стопам, если только смертный может следовать за богом». Закончил он речь заявлением, что он берет оружие и призывает к оружию всех квиридов. Если кто будет мешать, то он, забыв о консульской власти, о власти трибунов и законах, гарантирующих их неприкосновенность, будет считать врагом всякого, кто бы он ни был, где бы он ни находился, на Капитолии или на форуме. Так как трибуны запрещают поднять оружие против Аппия Гердония, то пусть прикажут поднять его против консула Публия Валерия; он не побоялся поступить с трибунами так, как не побоялся поступить с царями глава его рода.

Очевидно было, что собираются прибегнуть к величайшему насилию и что усобица в Риме будет зрелищем для врагов. Однако провести законопроект не удалось, но и консул не мог отправиться на Капитолий. Ночь положила конец начавшейся борьбе. Трибуны, боясь вооруженной силы консулов, к ночи отступили. Затем, по удалении виновников мятежа, патриции стали обходить плебеев и, вмешиваясь в кучки народа, заводили разговоры, соответствующее обстоятельствам, упрасивали подумать, в какое критическое положение ставят они государство: не между патрициями и плебеями идет борьба, а Крепость, храмы богов, общественные и частные пенаты предаются врагам. Пока на форуме принимались такие меры для подавления мятежа, консулы удалились осмотреть ворота и стены, опасаясь движения со стороны вейян или сабинян.

18. В ту же ночь и в Тускул дошло известие о захвате Крепости и занятии Капитолия и вообще о смутах в городе. Там диктатором тогда был Луций Мамилий. Немедленно созвав сенат и приведя вестников, он настаивает, что нечего ждать прибытия из Рима послов с просьбой о помощи – этого требует и крайнее критическое положение, и боги – покровители союзов, и верность договорам. Никогда боги не представят такого удобного случая оказать услугу такому сильному и такому близкому государству. Решают подать помощь: собирают молодежь, раздают оружие. Приближение их на рассвете к Риму издали походило на приближение врагов; думали, что подступают эквы или вольски; затем, когда прошел ложный страх, они были впущены в город и стройно вступили на форум.

Там уже Публий Валерий, оставив товарища для охраны ворот, строил войско. Авторитет этого мужа произвел свое действие, так как он уверял, что, по возвращении Капитолия и умиротворении города, он не будет мешать собраниям плебеев, если они позволят уяснить ему, какое коварство скрыто в предложении трибунов; он помнит о своих предках, помнит о своем прозвище, в силу которого забота о благополучии народа, как бы по наследству, передана ему от отцов. Следуя за этим вождем, они направляются на Капитолийский холм, несмотря на крики трибунов, напрасно звавших назад. Присоединяется и тускуланское войско. Союзники и граждане состязались, кому из них будет принадлежать честь возвращения Крепости. Оба вождя ободряют своих воинов. Враги пришли в смятение и надеялись только на местоположение; пользуясь их испугом, римляне и союзники направляют на них свои знамена. И уже они ворвались в преддверие храма, как Публий Валерий, поощрявший, стоя в первом ряду, к битве, был убит. Бывший консул Публий Волумний видел, как он пал. Поручив своим прикрыть тело, сам он выбегает в первый ряд на место консула. В пылу битвы воины не заметили этого важного обстоятельства; они прежде победили, чем узнали, что сражаются без вождя.

Многие изгнанники кровью своей осквернили храм, многие были захвачены живыми. Аппий Гердоний был убит. Таким образом был возвращен Капитолий. Пленники были казнены каждый соответственно своему положению, был ли он свободным, или рабом; тускуланцам

выражена благодарность; Капитолий был очищен и вновь освящен²⁶³. Рассказывают, что плебеи бросали в дом консула монеты по четверти асса на устройство более торжественных похорон²⁶⁴.

19. По восстановлении мира трибуны стали настойчиво требовать от сенаторов, чтобы они исполнили обещание Публия Валерия, от Гая Клавдия – чтобы он освободил манов товарища²⁶⁵ от обвинения в обмане и позволил поднять дело о законопроекте. Но консул заявил, что он не допустит обсуждения законопроекта, пока не выберет товарища на место убитого. Эти споры продолжались вплоть до комиций для дополнительных выборов. В декабре, благодаря усиленным стараниям сенаторов, консулом был выбран отец Цезона Луций Квинкий Цинциннат, который немедленно должен был вступить в должность. Плебеи были в унынии, так как консулом являлся человек, раздраженный против них и в то же время сильный расположением патрициев, собственной доблестью, своими тремя сыновьями; из них ни один по мужеству не уступал Цезону, а по умению, в случае надобности, быть предусмотрительными и умеренными, они стояли выше его.

Как только он вступил в должность, то в своих постоянных речах он не с такой настойчивостью сдерживал плебеев, как порицал сенат, говоря, что вследствие вялости его трибуны стали уже бессменными и, пользуясь своим красноречием и предъявляя обвинения, распоряжаются не как в государстве римского народа, а как в заброшенном доме. Вместе с сыном его Цезоном изгнаны из города Рима и находятся в ссылке доблесть, постоянство, все высокие качества, отличавшие молодежь в мирное и военное время. Болтуны, мятежники, сеятели раздоров, делаясь при помощи самых грустных происков по два и по три раза трибунами, они пользуются царским произволом.

«Разве этот вот Авл Вергиний, – говорил он, – за то, что не был на Капитолии, меньше заслужил казнь, чем Аппий Гердоний? Клянусь Геркулесом! Гораздо больше, если оценивать дела по справедливости. Гердоний уже тем одним, что объявлял себя врагом, почти заставил вас взяться за оружие; этот же, утверждая, что нет войны, отнял у вас оружие и беззащитными поставил вас перед вашими рабами и изгнанниками. И вы – я не желаю тревожить мира усопших Гая Клавдия и Публия Валерия – решились двинуть знамена на Капитолийский холм прежде, чем удалить с форума этих врагов? Стыдно перед богами и людьми! Когда враг был в Крепости и на Капитолии, когда вождь изгнанников и рабов, осквернив все святое, поселился в храме Юпитера Всеблагого Всемогущего, в Тускуле прежде, чем в Риме, взяли за оружие. Неизвестно было, Луций ли Мамилий, вождь тускуланский, или консулы Публий Валерий и Гай Клавдий освободят римскую твердыню, и мы, прежде не позволявшие латинам брать оружие даже для защиты самих себя, когда в их пределах был враг, были бы в плену и разорены, если бы они самовольно не взяли за оружие. Итак, трибуны, предавать безоружных плебеев врагу, чтобы он убил их, значит помогать им? Конечно, если бы какой-нибудь самый последний из ваших плебеев, которых вы отторгли от остального народа, сделав как бы свое отечество и государство в государстве, – если бы кто-то из них заявил вам, что его дом осажден вооруженными рабами, то вы считали бы обязательным помочь ему; а Юпитер Всеблагий Всемогущий, окруженный вооруженными изгнанниками и рабами, не заслуживал уже помощи от людей? И эти люди требуют, чтобы их считали неприкосновенными, когда для них сами боги не священные и не неприкосновенны? Но вы, подавляемые преступлениями против богов и людей, заявляете, что проведете в этом году законопроект. В таком случае, то есть если вам удастся

²⁶³ ...Капитолий был очищен и вновь освящен. – Новое освящение было необходимо, так как храм был осквернен убийством.

²⁶⁴ ...на устройство более торжественных похорон. – Намек на так называемое погребение на общественный счет; но здесь оно совершается не по постановлению сената и не на средства казны, а на добровольные пожертвования граждан, вызванные, помимо заслуг умершего, его бедностью.

²⁶⁵ ...освободил манов товарища... – Маны – боги загробного мира, связанные с душой умершего. – Примеч. ред.

это, клянусь Геркулесом, плохую услугу оказали государству в тот день, когда меня избрали консулом, гораздо хуже, чем когда погиб консул Публий Валерий».

«Прежде всего, квириды, – закончил он, – я с товарищем намерен вести войска против вольсков и эквов. Вследствие какого-то рока боги милостивее к нам, когда мы воюем, чем когда мы живем и мире. Лучше догадываться, когда беда уже миновала, чем на деле испытать, какой бы опасности подверглись мы, если бы эти народы узнали, что Капитолий осажден изгнанниками».

20. Речь консула подействовала на плебеев; патриции ободрились и считали порядок в государстве восстановленным. Другой консул, будучи более энергичным помощником, чем инициатором, охотно предоставил товарищу почин в столь важном деле, а для себя избрал только участие в исполнении консульских обязанностей. Тогда трибуны, издеваясь над его словами как праздными, настойчиво спрашивали, как это консулы выведут войско, когда им никто не позволит производить набор, Квинкций отвечал: «Да нам вовсе и не нужно производить набор, так как, когда Публий Валерий раздавал плебеям оружие для отнятия Капитолия, все поклялись собраться по приказанию консула и не расходиться без его воли. Итак, мы повелеваем всем, принесшим эту присягу, завтра явиться вооруженными к Регилльскому озеру». Тогда трибуны начали подтрунивать и хотели освободить народ от присяги: Квинкций-де был частным лицом, когда давалась присяга. Но тогда не дошли еще до того пренебрежения к богам, которым одержим наш век, и никто путем толкования не приспособлял себе присягу и законы, напротив, свои нравы все сообразовали с ними. И вот трибуны, не имея надежды помешать делу, стали думать о том, чтобы отсрочить сбор войска, тем более что распространился слух о приказании, отданном и авгурам, явиться к Регилльскому озеру и обозначить место, где бы, произведя ауспиции, можно было говорить с народом²⁶⁶, с целью отменить там, на комициях, все решения, которые будут приняты в Риме под влиянием трибунов; там-де все выскажутся за то, чего захотят консулы; ведь право апелляции к народу прекращается на расстоянии более тысячи шагов²⁶⁷ от города, и трибуны, явившись туда, окажутся, наравне с остальной толпой квиридов, в подчинении у консулов. Это внушало опасения; но особенно волновало умы неоднократное заявление Квинкция, что он не будет председательствовать в комициях для избрания консула: не таков недуг государства, чтобы его можно было спасти обычными средствами; для государства нужен диктатор, чтобы покусившийся на нарушение общественного спокойствия знал, что против диктатуры не существует апелляции.

21. На Капитолии происходило заседание сената; туда явились трибуны с взволнованными плебеями. Толпа громко зывала о защите то к консулам, то к сенаторам, но консул только тогда отказался от своего мнения, когда трибуны дали обещание подчиниться решениям сената. Когда затем последовал доклад консула о требованиях трибунов и плебеев, то состоялись сенатские постановления, что трибуны не должны в тот год вносить законопроект, а консулы – выводить войско из города; вместе с тем сенат признает на будущее время несогласным с интересами государства продление должностей и вторичное избрание тех же лиц трибунами.

Консулы повиновались сенату; трибуны, несмотря на протесты консулов, выбраны были вновь. Равным образом и сенаторы, чтобы не уступать ни в каком отношении плебеям, тоже хотели снова выбрать в консулы Луция Квинкция. Но больше ни разу в том году консул не

²⁶⁶ ...распространился слух о приказании, отданном и авгурам, явиться к Регилльскому озеру и обозначить место, где бы, произведя ауспиции, можно было говорить с народом... – Собрание всего народа, созванное для принятия какого-нибудь решения, могло состояться только в том случае, если произведены ауспиции утром того же дня и на том месте, где оно должно происходить. Ауспиции же могли производиться лишь на месте, обозначенном и освященном авгурами для наблюдения за небесными знаменами. В городе и поблизости от него такие места были определены раз и навсегда; настоящий же случай исключительный, а потому *templum* должен быть освящен авгуром.

²⁶⁷ ...ведь право апелляции к народу прекращается на расстоянии более тысячи шагов... – Право обжалования действий должностных лиц за пределами города было предоставлено римлянам только во II веке до н. э.

держал такой энергичной речи. «Дивиться ли мне, сенаторы, – сказал он, – что ваш авторитет перед плебеями является призрачным? Вы ослабляете его; так как плебеи нарушили сенатское постановление относительно продления должностей, то и вы хотите нарушить его, чтобы не уступить безрассудству толпы. Точно будто бы могущество в государстве измеряется степенью непостоянства и своеволия! Ведь конечно о большем легкомыслии и ничтожестве свидетельствует нарушение собственных постановлений, чем чужих. Подражайте, сенаторы, бессмысленной толпе; лучше вам, которые должны бы служить примером для нее, заблуждаться, глядя на других, чем другим поступать правильно, глядя на вас; но только я не хочу подражать трибунам и не допущу назначения меня консулом вопреки сенатскому постановлению. Тебя же, Гай Клавдий, я тоже прошу удержать римский народ от такого произвола; будь уверен, что я приму такое твоё действие не за желание помешать моему возвышению, а за стремление усилить славу роняемой почетной должности и ослабить ненависть, которая грозила бы мне в случае продления моей власти». Затем сообщая они издают распоряжение, чтобы никто не избирал Луция Квинтия в консулы и что поданные за него голоса не будут ими приняты во внимание.

22. В консулы были выбраны Квинт Фабий Вибулан (в третий раз) и Луций Корнелий Малугинский. В тот год [459 г.] произведен был ценз; приносить же торжественную очистительную жертву боялись, потому что был взят Капитолий и убит консул²⁶⁸.

В начале года, в консульство Квинта Фабия и Луция Корнелия, сразу начались смуты. Трибуны подстрекали плебеев, а между тем латины и герники сообщали, что вольски и сабиняне затевают огромную войну, что войско вольсков находится уже в Антии. Было много оснований бояться, что отпадет и самая колония; со стороны трибунов едва удалось добиться, чтобы они позволили сперва справиться с этой войной²⁶⁹. Затем консулы разделили сферы деятельности: Фабия было поручено вести легионы на Антий, Корнелию – оставаться для защиты Рима из опасения, чтобы какая-нибудь часть врагов, по обычаю эквов, не явилась опустошать поля. Герникам и латинам приказано было, согласно договору, выставить воинов; таким образом, две трети войска состояли из союзников, а треть – из граждан. После того как союзники явились к назначенному дню, консул разбил лагерь за Капенскими воротами. Произведя затем смотр войск, он двинулся к Антию и остановился недалеко от города и от стоянки врагов. Пока вольски, не решаясь вступить в битву из-за неприбытия войска эквов, спокойно принимали меры по защите себя за валом, Фабий на следующий день выстроил вокруг неприятельского лагеря не смешанный строй из союзников и граждан, а три отдельных строя из трех народов; сам с римскими легионами стал в середине. Затем приказал наблюдать за сигналом, чтобы союзники одновременно начали дело и отступили, когда протрубят отбой. За первой шеренгой каждого отряда он помещает и соответствующие отряды конницы. Сделав таким образом нападение в трех пунктах, он окружает лагерь и, наступая со всех сторон, прогоняет с вала не выдержавших натиска вольсков. Пройдя затем через укрепления, он выгоняет из лагеря оробевшую и сбившуюся в одну сторону толпу. Когда враги бежали оттуда в беспорядке, всадники, остававшиеся зрителями этой битвы, так как им трудно было перейти вал, нагнав их на открытой равнине, приняли участие в победе, избивая перепуганных врагов. И в лагере, и вне укреплений происходила большая резня бежавших, но еще больше была добыча, так как враги едва имели возможность унести с собой оружие. И войско было бы уничтожено, если бы бегущие не скрылись в лесу.

23. Пока эти события происходили под Антием, эквы, послав вперед отборных молодцов, внезапно ночью захватили тускуланскую крепость; с остальными силами они расположились недалеко от стен Тускула, чтобы разделить силы врага. Известие об этом быстро достигло Рима,

²⁶⁸ ...потому что был взят Капитолий и убит консул. – Эти несчастья могли быть истолкованы как помеха религиозному торжеству.

²⁶⁹ ...чтобы они позволили сперва справиться с этой войной. – Т. е. отложив на время войны обсуждение законопроекта.

а оттуда – лагеря в Антии и произвело на римлян такое же впечатление, как если бы сообщено было о взятии Капитолия, – так недавно оказана была услуга тускуланцами, и все были убеждены, что само сходство опасности делает обязательным за оказанную помощь отплатить тем же. Фабий, бросив все другие дела, поспешно свозит добычу из лагеря в Антий; оставив там небольшой гарнизон, он спешит ускоренным маршем в Тускул. Воинам запрещено было брать с собой что-нибудь, кроме оружия и приготовленной пищи, сколько было под руками; провиант консул Корнелий подвозит из Рима.

Война около Тускула длилась несколько месяцев. С одной частью войска консул осаждал лагерь эквов, другую дал тускуланцам для возвращения крепости. Штурмовать его было невозможно; наконец голод вынудил врагов выйти оттуда. Доведенные до крайности, безоружные и нагие, они были прогнаны тускуланцами под ярмом. Когда они в позорном бегстве стремились домой, римский консул настиг их у Альгида и перебил всех до одного. Приведя назад войско, победитель располагается лагерем у Колумена – таково название этого места. И другой консул двинулся от Рима, когда, по удалении врага, миновала уже опасность для римских стен. Таким образом, вступив с двумя армиями во вражеские пределы, консулы производят страшное опустошение – один в землях вольсков, другой – в землях эквов.

У большинства писателей я нахожу известие, что в том же году отложились антийцы, что консул Луций Корнелий вел эту войну и взял город. Но я не смею утверждать этого наверняка, так как у более древних писателей нет никакого упоминания об этом.

24. По окончании этой войны патрициев страшит домашняя распря с трибунами. Последние громко заявляют, что войско коварно держат вне отечества, что этот обман имеет целью помешать проведению законопроекта, что они, тем не менее, доведут до конца начатое дело. Однако Луций Лукреций, префект города, добился отсрочки замышляемых трибунами дебатов до прибытия консулов.

Появилось еще новое основание для волнения. Квесторы Авл Корнелий и Квинт Сервилий привлекли к суду²⁷⁰ Марка Вольсция за то, что он несомненно был ложным свидетелем против Цезона. Ибо из многих показаний вытекало, что брат Вольсция, с тех пор как заболел, не только не показывался никогда на форуме, но даже и не вставал с постели и, проболев много месяцев, умер и что в то время, к которому свидетель относил преступление, Цезона не было в Риме, так как товарищи его по службе удостоверяли, что он постоянно был с ними в войске и не пользовался никаким отпуском. Многие частные лица предлагали ему доказать третейским судом противное²⁷¹. Так как он не решался идти на третейский суд, то все эти вполне согласные одно с другим обстоятельства так же мало позволяли сомневаться в осуждении Вольсция, как в свое время в осуждении Цезона на основании его показаний. Помехой служили трибуны, которые заявляли, что не позволят квесторам собрать комиции по делу подсудимого, если не состоятся предварительно комиции относительно законопроекта. Так оба дела затянулись до прибытия консулов.

Когда они с триумфом вступили в город в сопровождении победоносного войска, большая часть считала трибунов напуганными, так как относительно законопроекта они хранили молчание. А между тем они, ввиду окончания года, домогаясь в четвертый раз трибунства, перенесли борьбу со споров о законопроекте на выборные комиции. И хотя консулы ратовали против продления трибунства нисколько не меньше, чем если бы был опубликован законопроект об умалении их власти, победа, однако, оказалась за трибунами.

²⁷⁰ *Квесторы Авл Корнелий и Квинт Сервилий привлекли к суду...* – Квесторы, бывшие первоначально заместителями, в случае надобности являлись ежегодно избираемыми должностными лицами, производящими следствие и созывающими комиции для суда над преступником.

²⁷¹ *Многие частные лица предлагали ему доказать третейским судом противное.* – Спорящие стороны представляли известную сумму, которую третейский судья присуждал правому; этот приговор представлял собою как бы предварительное решение дела на суде народном; отказываясь от него, Вольсций тем самым показывал, что он неправ.

В том же году эквам, согласно их просьбе, дарован был мир. Ценз, начатый в предыдущем году, был закончен; рассказывают, что принесенная при этом очистительная жертва была десятой от основания города. Насчитано было сто семнадцать тысяч триста девятнадцать граждан.

Гражданская и военная слава консулов того года была велика, так как и вне отечества они установили мир, и дома государственная жизнь шла если не в полном согласии, то, во всяком случае, с меньшей враждой, чем прежде.

25. Последовавшие затем консулы Луций Минуций и Гай Навтий [458 г.] приняли два дела, оставшихся от предыдущего года. Так же, как прежде, консулы мешали проведению законопроекта, а трибуны – суду над Вольсцием; но новые квесторы были более сильны и пользовались большим авторитетом. С Марком Валерием, сыном Мания, внуком Волеза, квестором был Тит Квинкций Капитолин, бывший три раза консулом. Не имея возможности вернуть роду Квинкциев Цезона, а государству – лучшего юношу, он преследовал справедливой и законной враждой лжесвидетеля, лишившего невинного человека возможности защищаться. Так как Вергиний больше всех трибунов настаивал на обсуждении законопроекта, то консулам дан был двухмесячный срок для изучения его, с тем условием, что голосование будет допущено после того, как они объяснят народу, какое в предлагаемом законопроекте скрыто коварство. За назначением этого срока в городе наступило успокоение.

Но эквы ненадолго дали отдых: нарушив договор, заключенный с римлянами в прошлом году, они передали власть Гракху Клелию; он был тогда первым лицом среди эквов. Под предводительством Гракха они произвели вражеское опустошение в лабиканских, а затем и в тускуланских полях и с огромной добычей расположились лагерем на Альгиде. В этот лагерь явились из Рима послами Квинт Фабий, Публий Волумний и Авл Постумий жаловаться на обиды и требовать, согласно договору, удовлетворения. Вождь эквов приказывает им изложить требования римского сената дубу; а он-де тем временем займется другими делами. Огромный дуб этот возвышался над палаткой, и в тени его было прохладное место. Тогда один из послов, уходя, сказал: «И этот священный дуб, и все боги да услышат, что вы нарушили договор; да вмешаются они теперь нашим жалобам и да помогут оружию, когда мы будем преследовать в недалеком будущем одновременное нарушение законов божеских и человеческих». Когда послы вернулись в Рим, сенат приказал одному консулу вести войско против Гракха на Альгид, а другому поручил опустошать пределы эквов. Трибуны по обыкновению начали мешать набору и, быть может, до конца мешали бы, но неожиданно явилась новая опасность.

26. Огромные силы сабинян, производя ужасный разгром, подступили почти к самым стенам города: поля были страшно опустошены, на город наведен страх. Тогда плебеи, смилостивившись, взяли за оружие: несмотря на протесты трибунов, набрано было две больших армии. Одну повел Навтий против сабинян и, расположившись лагерем у Эрета, с малыми отрядами, нападая преимущественно в ночное время, произвел такое опустошение в сабинских полях, что сравнительно с ними римские пределы казались почти нетронутыми. Минуций в исполнении возложенного на него поручения не обнаружил такой же силы духа и не имел такого же счастья; расположившись недалеко от врага, не потерпев никакого значительного поражения, он робко держался в лагере. Заметив это, враги, став дерзкими при виде страха противника, как это обыкновенно бывает, напали ночью на лагерь; но так как открытое нападение не имело успеха, то на следующий день они обложили его окопами. Однако, прежде чем они успели заградить все выходы, пять всадников, пробравшись через неприятельские посты, принесли в Рим известие, что консул и армия в осаде. Ничего не могло случиться так неожиданно-негаданно. Распространились такой страх и такое смятение, точно враги осаждали не лагерь, а город. Приглашен был консул Навтий; но так как на него мало было надежды и решено было выбрать диктатора, который бы поддержал потрясенное государство, то с общего согласия выбран был Луций Квинкций Цинциннат.

Нижеследующее должны внимательно выслушать те, которые презирают все людские блага, кроме богатств, и думают, что нет места ни почету, ни доблести там, где нет изобилия в сокровищах. Луций Квинкций, единственная надежда Римского государства, обрабатывал за Тибром, против того места, где теперь находится верфь, поле в четыре югера²⁷², именуемое Квинкциевым лугом. Там, когда он усердно рыл канаву заступом или пахал – во всяком случае занят был полевыми работами, это известно точно, – послы, обменявшись с ним взаимными приветствиями, попросили его, на благо ему и государству, выслушать в тоге²⁷³ поручение сената; спрашивая с удивлением, все ли благополучно, он приказывает жене своей Рацилии поскорее подать из хижины тогу. Когда, отерши пыль и пот и одевшись в тогу, он выступил вперед, послы, принося поздравление, приветствуют его диктатором, призывают в город, объясняют, какая паника в войске. Для Квинкция был приготовлен по распоряжению властей корабль, и, когда он переправился, его встретили три сына, затем остальные близкие и друзья и, наконец, большая часть сенаторов. В сопровождении этой толпы, в предшествовании ликторов он отведен был в свой дом. И плебеи сбегались в большом количестве; но они далеко не с такой радостью смотрели на Квинкция, считая и власть эту чрезмерной, и мужа этого еще более крутым, чем сама власть. И в ту ночь ограничились тем, что расставили караулы в городе.

27. На следующий день, выйдя до рассвета на форум, диктатор назначает начальником конницы Луция Тарквинция, человека хотя и принадлежавшего к патрицианскому роду, но по бедности служившего в пехоте²⁷⁴; тем не менее по военной доблести он считался далеко превосходящим всю римскую молодежь. С начальником конницы он является в собрание, объявляет суды закрытыми, приказывает по всему городу запереть лавки, запрещает всем заниматься какими бы то ни было частными делами. Затем всем, находящимся в воинском возрасте, велит явиться до захода солнца на Марсово поле, вооружившись, запасшись готовой пищей на пять дней и взяв по двенадцать кольев; кто по преклонности лет не годен был для службы, тому он приказывает варить пищу для соседа-воина, пока тот будет готовить оружие и искать колья. Таким образом, юноши поспешно разошлись собирать колья; брали, где кому было ближе – никто не встречал противодействия; и все аккуратно явились согласно распоряжению диктатора. Построив затем строй, одинаково пригодный для марша и для сражения, если бы того потребовали обстоятельства, сам диктатор ведет легионы, а начальник конницы – всадников. В обоих отрядах сказаны были одобрительные речи, каких требовали обстоятельства: пусть прибавят шаг; надо спешить, чтобы за ночь добраться до врага; консул и войско римское в осаде, они заперты уже третий день; неизвестно, что принесет каждая ночь или день; часто в одну минуту решаются величайшие дела. И воины, угождая вождям, кричали также друг другу: «Спешь, знаменосец, не отставай, воин!» В полночь они достигают Альгида и останавливаются, заметив, что враг уже близко.

28. Тут диктатор, объехав и осмотрев, насколько позволяла ночь, протяжение и форму лагеря, распорядился, чтобы военные трибуны приказали воинам сбросить свое снаряжение в одно место и вернуться в ряды только с оружием и кольями. Приказание было исполнено. Затем в том же порядке, в каком были на пути, он располагает все войско вокруг лагеря врагов в одну шеренгу и приказывает по данному сигналу всем закричать, а затем каждому рыть перед собою канаву и насыпать вал. За распоряжением последовал сигнал. Воины выполняют приказание. Крик раздается вокруг врагов; он достигает и за пределы неприятельского лагеря и слышится в лагере консула. Это вызывает на одной стороне панику, на другой – радость. Римляне, поздравляя друг друга, что слышны крики сограждан и что близка помощь, также наводят

²⁷² ...в четыре югера... – Югер (*jugerum*) – римская земельная мера; представлял собой прямоугольную площадку 240 футов длиной и 120 футов шириной. – *Примеч. ред.*

²⁷³ ...в тоге... – Тога – официальная одежда римлянина. – *Примеч. ред.*

²⁷⁴ ...человека хотя и принадлежавшего к патрицианскому роду, но по бедности служившего в пехоте... – Патриции служили обыкновенно в коннице.

страх на врага с караульных постов. Консул говорит, что дело откладывать нельзя; крик этот обозначает не только приближение помощи, но и начало дела; несомненно, что с наружной стороны лагерь врагов уже осажден. Поэтому он приказывает воинам взяться за оружие и следовать за ним. Ночью началось сражение; криком они дают знать легионам диктатора, что и на их стороне началось дело. Эквы уже готовились помешать окапывать их лагерь, как запертый враг начал битву; поэтому, обратившись от окружающих на напавших с внутренней стороны из опасения вылазки через их лагерь, они дали возможность осождающим беспрепятственно заниматься всю ночь укреплениями; а консул дрался до рассвета. К восходу солнца диктатор уже окружил врагов валом и они едва выдерживали бой с одним войском. Затем войско Квинкция, по окончании работы взявшись тотчас за оружие, бросилось на вал. Тут предстояла новая битва, а прежняя между тем нисколько не ослабевала. Тогда, теснимые опасностью с двух сторон, они от сражения переходят к мольбам, упрасывая и диктатора, и консула, чтобы они не пользовались победой для избиения их, чтобы позволили им без оружия уйти оттуда. Консул отослал их к диктатору; тот в раздражении присоединяет позорное условие: приказывает привести к нему связанными вожда Гракха Клелия и других знатных лиц и удалиться из города Корбиона, заявив, что кровь эквов не нужна ему; они могут уйти, но они будут прогнаны под ярмо, с целью вынудить у них, наконец, признание, что они подчинены и побеждены. Ярмо делается из трех копий, из которых два втыкаются в землю, а одно перекидывается сверху и привязывается. Под такое-то ярмо диктатор и прогнал эквов.

29. По взятии неприятельского лагеря, наполненного всяким добром – враги отпущены были нагими, – всю добычу он отдал только своим воинам; а консульскому войску и самому консулу он с упреком сказал: «Вы не получите, воины, части добычи с того врага, которому вы сами чуть не стали добычей; и ты, Луций Минуций, пока приобретешь дух, достойный консула, будешь командовать этими легионами в качестве легата». При таких обстоятельствах Минуций отказывается от консульства²⁷⁵ и, повинувшись приказанию, остается у войска. Но в это время люди с такой готовностью преклонялись перед высшей властью, что это войско, более помня о благодеянии, чем о бесчестии, назначило диктатору золотой венок в фунт весом, а когда он уходил, приветствовало его именем защитника.

В Риме сенат, собравшийся под председательством городского префекта Квинта Фабия, приказал Квинкцию с триумфом вступить в город в том порядке, в каком он шел. Перед колесницей вели вождей врагов, несли воинские знамена, а за нею следовало нагруженное добычей войско. Говорят, что были накрыты столы с яствами перед всеми домами и пирующие провожали колесницу триумфальными стихами²⁷⁶ и обычными шутками, как бы гуляя с собутыльниками.

В тот день с общего одобрения было даровано право гражданства тускуланцу Луцию Мамилию²⁷⁷. Диктатор тотчас сложил бы власть, если бы его не задержали комиции по делу лжесвидетеля Марка Вольсия. Страх перед диктатором остановил сопротивление трибунов. Осужденный Вольсий удалился в изгнание в Ланувий. Квинкций, получивший диктатуру на шесть месяцев, сложил ее на шестнадцатый день. В эти дни консул Навий дал блестящую битву сабинянам у Эрета; и этому поражению предшествовало опустошение полей. Фабий послан был на место Минуция на Альгид. В конце года трибуны завели речь о законопроекте; но, ввиду отсутствия двух армий, сенаторы настояли на том, чтобы не делалось никаких предложений народу; плебеи, однако, одержали верх в том, что избрали в пятый раз тех же трибунов.

²⁷⁵ При таких обстоятельствах Минуций отказывается от консульства... – Ввиду своей высшей власти диктатор нуждается консула сложить свои полномочия.

²⁷⁶ ...триумфальными стихами... – Речь идет не о гимне, составленном специально для триумфа, а о стихах серьезного содержания, которые обыкновенно пелись при триумфе вместе с шутливыми стихами.

²⁷⁷ ...было даровано право гражданства тускуланцу Луцию Мамилию. – Первый пример дарования права римского гражданства иностранцу за заслуги перед государством.

Рассказывают, что на Капитолии показались волки, но были прогнаны собаками; вследствие этого предзнаменования на Капитолии принесена была очистительная жертва. Такие события произошли в этом году.

30. Далее консулами были Квинт Минуций и Марк Гораций Пульвилл. В начале года [457 г.], пользуясь внешним миром, дома вызвали смуты те же трибуны, тот же законопроект; и дело пошло бы дальше – так сильно было раздражение умов, – если бы, точно нарочито, не пришло известие, что в Корбионе истреблен гарнизон при ночном нападении эквов. Консулы созывают сенат; им дается приказание произвести наскоро набор и отправиться с войском на Альгид. Это распоряжение, прекратив спор о законопроекте, вызвало новое препирательство из-за набора, и протест трибунов начинал уже одолевает власть консулов, как нагрянула новая беда: сабинское войско явилось для грабежа в римские поля, а оттуда двигалось к городу. Страх перед этой бедой заставил трибунов допустить набор, но под условием, чтобы с этого времени выбираемо было десять плебейских трибунов, так как над ними издевались пять лет и в них оказалось мало помощи плебеям. Крайность вынудила сенаторов согласиться на это; но они добились только того ограничения, чтобы после того не были избираемы те же самые трибуны. Немедленно собраны были комиции для избрания трибунов, чтобы после войны и это обещание, как многие другие, не оказалось ложным. На тридцать шестом году со времени избрания первых трибунов было выбрано их десять – по два из каждого разряда – и было выговорено, чтобы этот порядок остался и на будущее время. Затем, после окончания набора, Минуций отправился против сабинян, но не нашел врага. После того как эквы, перебив гарнизон в Корбионе, взяли уже и Ортону, Гораций дал битву на Альгиде, истребил много народу и прогнал врага не только с Альгида, но и из Корбиона и Ортоны. А Корбион он даже разрушил за предательство гарнизона.

31. Затем консулами сделались Марк Валерий и Спурий Вергиний [456 г.]. Внутри и вне государства господствовал мир; но граждане страдали от дороговизны съестных припасов, происшедшей вследствие проливных дождей. Был проведен законопроект о раздаче плебеям участков на Авентинском холме²⁷⁸. Вновь избраны были те же народные трибуны. На следующий год [455 г.], в консульство Тита Ромилия и Гая Ветурия, во всех своих речах они постоянно говорили о законопроекте: им-де стыдно, что число их напрасно увеличено, если в течение двух лет их службы дело остается так же без движения, как оно оставалось в предыдущее пятилетие. Когда всецело заняты были этим делом, из Тускула явились перепуганные гонцы с известием, что эквы находятся в тускуланской области. Недавняя услуга, оказанная этим народом, заставила стыдиться медлить с подачей помощи. Оба консула, отправившись с войском, находят врага на обычном месте – на Альгиде. Там произошла битва. Более 7000 врагов было убито, другие обращены в бегство, приобретена огромная добыча, которую консулы, вследствие оскудения казны, продали. Но эта мера вызвала негодование в армии и в то же время дала трибунам предлог к обвинению консулов перед плебеями.

Поэтому-то, как только они сложили власть, в консульство Спурия Тарпея и Авла Атерния, Ромилий был привлечен к суду Гаем Кальвием Цицероном, народным трибуном, а Ветурий – Луцием Алиеном, плебейским эдилом. Оба, к большому огорчению патрициев, были осуждены: Ромилий к уплате десяти тысяч медных ассов, а Ветурий – пятнадцати тысяч. Но несчастье, постигшее предшественников, не остановило новых консулов; они говорили, что осудить можно и их, но провести законопроект не в состоянии будут ни плебеи, ни трибуны. Тогда, оставив законопроект, сделавшийся уже старой песней, трибуны повели дело с сенатом мягче, говоря, что пора, наконец, положить конец спорам; если плебейские законопроекты не

²⁷⁸ Был проведен законопроект о раздаче плебеям участков на Авентинском холме. – Так как Авентин был еще мало заселен, внесли закон, чтобы остающуюся свободной землю отдать плебеям. Желая отвлечь плебеев от Терентилиева законопроекта, патриции согласились на эту уступку.

нравятся, то пусть позволять выбрать законодателей сообща – из плебеев и патрициев, которые бы внесли предложения, полезные тем и другим, и уравнили бы свободу. Сенаторы не отвергали предложения, но заявляли, что законодателями должны быть только патриции. Так как все согласны были относительно необходимости законов и расходились только относительно того, кому предлагать их, то отправлены были в Афины послы – Спурий Постумий Альб, Авл Манлий и Публий Сульпиций Камерин; им приказано было списать знаменитые законы Солона²⁷⁹ и ознакомиться с учреждениями, обычаями и правом других греческих государств.

32. За отсутствием внешних войн год этот прошел спокойно, а следующий [453 г.], когда консулами были Публий Куриаций и Секст Квинтилий, был еще спокойнее, так как трибуны все время хранили молчание, сперва в ожидании отправившегося в Афины посольства и иноземных законов, а затем вследствие появления двух ужасных бедствий – голода и моровой язвы, истреблявшей и людей, и скот. Поля опустели, в городе постоянно происходили похороны, многие знатные дома были в трауре. Умер фламин Квирина Сервий Корнелий, авгур Гай Гораций Пульвилл; на место его тем охотнее авгуры избрали Гая Ветурия, что тот был осужден плебеями. Умерли консул Квинтилий, четыре народных трибуна. Многочисленные бедствия омрачили этот год, внешние враги были спокойны.

Затем консулами были Гай Менений и Публий Сестий Капитолин. И в этом году [452 г.] не было внешней войны, но возникли внутренние смуты. Уже послы вернулись с аттическими законами. Тем настойчивее требовали трибуны, чтобы наконец было приступлено к составлению законов. Решают избрать децемвиров без права апелляции на них и не назначать на тот год никаких других магистратов. Долго спорили о том, должны ли быть избираемы и плебеи; наконец патрициям была сделана уступка, с тем только условием, чтобы не был отменяем Ицилиев закон об Авентине и другие законы, объявленные неприкосновенными²⁸⁰.

33. В 302 году от основания Рима [451 г.] снова меняется форма правления, так как власть от консулов перешла к децемвирам, как раньше от царей к консулам. Но эта перемена не имела важного значения, так как продолжалась недолго. Восторг, проявившийся при установлении этой должности, привел к чрезвычайному развитию ее; тем скорее пало это учреждение, и потребовали, чтобы имя и власть консулов снова были переданы двум.

Децемвирами были избраны Аппий Клавдий, Тит Генуций, Публий Сестий, Луций Ветурий, Гай Юлий, Авл Манлий, Публий Сульпиций, Публий Куриаций, Тит Ромилий, Спурий Постумий. Клавдию и Генуцию, которые были выбраны консулами на тот год, вместо одной почести была дарована другая, а равно Сестию, одному из консулов предшествовавшего года, так как он против воли товарища докладывал сенату об этом деле. Ближайшие три были присоединены к ним как бывшие в качестве послов в Афинах, с одной стороны, чтобы почтить их за столь далекое путешествие, с другой стороны, в том предположении, что они, как люди, познакоившиеся с иноземными законами, будут полезны при составлении нового кодекса. Остальные послужили для заполнения требуемого числа мест. Говорят, кроме того, что при дальнейшем голосовании избраны были люди зрелого возраста, чтобы с меньшим ожесточением сопротивлялись предложениям товарищей. Главенство в коллегии принадлежало Аппию, так как он пользовался расположением плебеев; и он до того изменил свой образ мыслей, что

²⁷⁹ ...знаменитые законы Солона... – Солон (ок. 640 – ок. 560 до н. э.) – афинский политический деятель, поэт и законодатель. В 594–593 годах до н. э. Солон провел ряд реформ. Он отменил поземельную задолженность, ликвидировал долговое рабство, крестьян, проданных за долги в рабство за границу, велел разыскать и выкупить на государственный счет. Также он разделил всех граждан на четыре разряда в зависимости от дохода, определявшегося в продуктовых мерах. Высшей законодательной властью в Афинах стало народное собрание, однако был создан особый Совет четырехсот для предварительного обсуждения законов. – *Примеч. ред.*

²⁸⁰ ...наконец патрициям была сделана уступка, с тем только условием, чтобы не был отменяем Ицилиев закон об Авентине и другие законы, объявленные неприкосновенными. – Таковы законы об учреждении трибуната (II, 33) и о числе трибунов (III, 30); Тит Ливий присоединяет сюда и закон Ицилиев, так как этот закон, ввиду его важности для плебеев, был утвержден центуриатными комициями.

из сурового и ожесточенного преследователя плебеев сразу стал поклонником их и усердно искал народного расположения.

Раз в десять дней каждый по очереди творил суд народу. И в тот день руководивший судом имел себе двенадцать ликторов; в распоряжении остальных девяти товарищей было по одному курьеру. И несмотря на замечательное согласие, господствовавшее между ними – оно вредит порой частным лицам, – они были в высшей степени справедливы к остальным. На одном примере достаточно доказать их умеренность. Хотя на них не было апелляций, но когда в доме патриция Публия Сестия был вырыт труп и принесен в собрание, по этому столь же очевидному, сколь и ужасному делу децемвир Гай Юлий привлек Сестия к суду и выступил обвинителем его перед народом, будучи сам по закону судьей его; он пожертвовал своим правом, чтобы это умаление его власти увеличило свободу народа.

34. В то время как все – знатные и незнатные – одинаково пользовались этим быстрым и нелицеприятным судом, точно по решению оракула, децемвиры заботились и о составлении законов; среди напряженного ожидания народа, выставив десять таблиц, они пригласили всех на собрание и предложили идти и читать законы на благо, счастье и благополучие государства, их самих и детей их. Они-де, насколько могут предусмотреть десять человек, уравнили права всех, знатных и незнатных; но ум и совет всех имеет большее значение. Пусть каждый обсудит каждый пункт, пусть посоветуются между собою, а затем изложат перед всеми, где и какие есть излишки или недостатки; тогда римский народ будет иметь законы, не предложенные другими и только принятые с общего согласия, а как бы предложенные им самим. Когда, согласно мнению народа, высказанному по поводу каждой статьи, законы десяти таблиц были признаны достаточно исправленными, то они были проведены в центуриатных комициях; и по настоящее время, среди массы нагроможденных один на другой законов, они остаются источником всего уголовного и гражданского права. Затем распространяется молва, что недостает двух таблиц, с прибавлением которых может быть завершен сборник всего римского права. Приближался день комиций, и ожидание этой прибавки породило желание снова выбрать децемвиров. Уже и плебеи, помимо того, что ненавидели имя консулов столь же сильно, как имя царей, не искали защиты у трибунов, так как децемвиры в ответ на протесты уступали друг другу.

35. А после того как объявлены были комиции для выборов децемвиров через три нундины²⁸¹, то честолюбие разгоралось так сильно, что даже знатнейшие лица в государстве ловили людей, униженно выпрашивая у плебеев, несмотря на вражду с ними, должность, на которую усиленно нападали. Причиной этого явления было, вероятно, опасение, чтобы, за устранением их, такая сильная власть не попала в руки недостойных. Препятствия к достижению этой должности разжигали Аппия Клавдия, который, несмотря на свою молодость, уже занимал такие высокие посты. Трудно было разобрать, децемвир он или кандидат; порой он более походил на ищущего власти, чем на обладающего ею: он обвинял оптиматов, восхвалял самых ничтожных и низких кандидатов, сам среди бывших трибунов, Дуиллиев и Ицилиев, носился по форуму, через них распространял выгодное о себе мнение среди плебеев, пока наконец и товарищи, до того времени чрезвычайно преданные ему, не обратили на него внимание, недоумевая, чего это он замышляет. Очевидно, все это неискренно; разумеется, обходительность в столь гордом человеке не пройдет даром: кто так умаляет сам себя и сближается с частными лицами, тот не спешит покинуть власть, но ищет средств к продлению ее. Не решаясь открыто выступить против его увлечения, они берутся успокоить его стремительность угодливостью. Так как он моложе всех, то на него единогласно возлагают обязанность председательствовать в комициях.

²⁸¹ ...через три нундины... – Нундинами назывался последний (9-й, по нашему 8-й, римляне считают и тот день, от которого начинается счет, так что их неделя имела 9 дней, т. е. 7 дней рабочих между двумя нундинами) день недели, когда поселяне, свободные от полевых работ, приходили в город за покупками; в эти дни обыкновенно объявляли о времени комиций и о делах, подлежащих решению на них.

Это была уловка, чтобы он не мог избрать себя, чего никто никогда не делал, кроме народных трибунов, да и у них это считалось за дурной пример.

Объявив, что он, конечно, будет председательствовать в комициях, что послужит ко благу, он воспользовался как удобным случаем тем, что должно было служить помехой: лишив путем компромисса²⁸² должности двух Квинкциев, Капитолина и Цинцинната, и дядю своего Гая Клавдия, твердо стоявшего за дело знати, и других граждан того же ранга, он проводит в децемвиры людей, далеко не равных им по своему прошлому, и прежде всего себя; такой образ действий его благонамеренные граждане встретили неодобрением, так как никто не думал, что он дерзнет поступить так. Вместе с ним были выбраны Марк Корнелий Малугинский. Марк Сергий, Луций Минуций, Квинт Фабий Вибулан, Квинт Петилий, Тит Антоний Меренда, Цезон Дуиллий, Спурий Огий Корницин и Маний Рабулей.

36. На этом кончилось притворство Аппия; с этого времени он начал уже жить соответственно своему характеру и еще до вступления во власть учить своих новых товарищей действовать, как он. Ежедневно они собирались без свидетелей. Утвердившись здесь тайно от других в решениях, рассчитанных на установление тирании, они перестали уже скрывать гордость, редко допускали к себе, были неразговорчивы; так дело шло до майских ид. Майские иды были в то время обычным сроком вступления в должность.

И вот, вступив в должность, они ознаменовали первый день управления тем, что навели страшную панику. Ибо в то время, как у первых децемвиров был обычай одному иметь пучки и это царское отличие имел каждый поочередно, вдруг они все выступили, имея по двенадцать пучков. Сто двадцать ликторов наполнили форум, неся не только пучки, но и секиры; толковали так, что секиры отнять нельзя, так как децемвиры выбраны без права апелляции на их решения.

Походило на то, будто в Риме десять царей, и это усилило ужас не только простых людей, но и знатнейших из патрициев, так как они полагали, что ждут только повода начать резню, что в случае, если кто в сенате или в народном собрании проронит слово, напоминающее о свободе, немедленно пустят в ход розги и секиры для устрашения и остальных. Ибо, кроме того, что с уничтожением права апелляции не было никакой надежды на народное собрание, путем взаимного соглашения они уничтожили право обжалования товарищей, между тем как первые децемвиры допускали поправку своих решений посредством обращения к товарищу и некоторые дела, подсудные им, предоставляли решению народа.

Некоторое время они наводили страх одинаково на всех; но мало-помалу всецело начали обращать его на плебеев; патрициев оставляли в покое, а с людьми низкого происхождения стали поступать произвольно и жестоко. Как люди, у которых пристрастие заступает место справедливости, они исключительно обращали внимание на лица, а не на дела. Судебные решения составляли дома, а на форуме только объявляли. Если кто обращался к товарищу, то уходил от него с раскаянием, что не остался доволен решением первого. Распространился даже слух, неизвестно кем пущенный, что они не только согласились в настоящее время поступать несправедливо, но даже тайно заключили между собою клятвенный договор не собирать комиций и, оставаясь бессменными децемвирами, удерживать раз захваченную власть.

37. Тогда плебеи стали обращать свои взоры на патрициев и оттуда ждать проблеска свободы, хотя, боясь попасть к ним в рабство, сами же довели государство до такого положения. Знатнейшие сенаторы, думали они, ненавидят децемвиров, ненавидят и плебеев; они не одобряют того, что делается, но вместе с тем считают, что это случилось с ними поделом; они не желают помогать тем, которые, жадно стремясь к свободе, попали в рабство; они желают даже

²⁸² ...путем компромисса... – Т. е. вступив в соглашение с другими кандидатами относительно передачи друг другу голосов центурии (или триб). Этим путем достигалась подтасовка голосов, и прием этот считался преступным.

умножения обид, чтобы безотрадное настоящее сделало наконец желательным избрание двух консулов и вообще восстановление прежнего порядка вещей.

Уже прошла большая часть года [449 г.] и прибавлены были две таблицы законов к двум прошлогодним, и если бы и эти законы были проведены в центуриатных комициях, то не было бы уже никакого основания нуждаться государству в этой должности. Ожидали, скоро ли будут объявлены комиции для избрания консулов. Одно волновало плебеев: как им восстановить утраченную трибунскую власть, этот оплот свободы. А между тем о комициях и слуху не было. И децемвиры, которые прежде окружали себя бывшими трибунами, считая это приятным народу, теперь приблизили к себе патрицианских юношей. Толпы последних окружали трибуналы. Они преследовали плебеев и грабили их имущество, так как успех был на стороне сильного, чего бы он ни пожелал. И уже не оказывали пощады и спине: одних секли, других казнили, и чтобы жестокость не была напрасной, за казнью хозяина следовала раздача его имущества. Подкупленная такими наградами знатная молодежь не только не противилась несправедливостям, но открыто предпочитала свой личный произвол общей свободе.

38. Наступили майские иды. Так как на место старых магистратов не было выбрано никаких новых, то децемвиры стали частными лицами, сохраняя ту же решимость удерживать власть и не слагая внешних знаков своего звания. Очевидно было, что это несомненная царская власть. Оплакивают свободу, утраченную навеки: не выступает и не виднеется в будущем никакого защитника ее. И мало того, что сами римляне пали духом: они стали предметом презрения для соседей, возмущавшихся зависимостью от народа, который сам не пользуется свободой.

Большой отряд сабинян сделал нападение на римские поля; опустошив обширное пространство, угнав безнаказанно много людей и скота, эта повсюду блуждавшая толпа располагается лагерем у Эрета, надеясь на римские раздоры, которые, по их мнению, должны были помешать набору. И не одни вестники, но и бежавшие поселяне вызвали панику в городе. Децемвиры, чувствуя себя одинокими вследствие ненависти патрициев и плебеев, совещаются, что делать. А судьба посылает и другую грозу: эквы с другой стороны располагаются лагерем на Альгиде и, производя оттуда набеги, опустошают тускуланские поля. Это известие приносят тускуланские послы, прося помощи.

Ужас побудил децемвиров, ввиду опасности войны, угрожавшей городу с двух сторон, обратиться за советом к сенату. Они приказывают пригласить сенаторов в курии, хорошо понимая, какой взрыв негодования ожидает их; вся ответственность за опустошение полей и грозящие опасности будет взыскана на них, и вместе с тем будет сделана попытка лишить их власти; и она будет успешна, если они не окажут единодушного сопротивления и, воспользовавшись властью со всей строгостью по отношению к немногим, наиболее яростным, не сдержат попыток остальных. На форуме раздался голос глашатая, призывавшего сенаторов в курию к децемвирам, и так как они уже давно оставили обычай совещаться с сенатом, то это обстоятельство, как нечто новое, обратило на себя внимание плебеев, удивлявшихся, что это заставило их прибегнуть к мере, сделавшейся вследствие продолжительного промежутка необычной: врагов и войну следует благодарить, что возвращаются к некоторым порядкам свободного государства.

Плебеи озираются кругом, ища по всему форуму сенаторов, и редко кое-где видят их; смотрят затем на курию и пустоту, окружающую децемвиров, которую и сами они объясняли единодушной ненавистью к их власти, и плебеи толковали, что отцы не собираются, так как частные лица не имеют права созывать сенат. Найдется уже вождь у желающих вернуть свободу, если плебеи станут заодно с сенатом, и как сенаторы, несмотря на приглашение, не идут в сенат, так плебеи откажутся от набора. Такие разговоры шли среди плебеев. Из сенаторов почти никого не было на форуме, немного их было и в городе. Негодуя на положение дел, они удалились в деревни и, потеряв руководящую роль в общем деле, жили своими личными интересами, полагая, что, отстранившись от сообщества и встречи с тиранами, они не участвуют в

неправде. Когда приглашенные не собирались, то разосланы были по домам служители взять залогов²⁸³ и разузнать, намеренно ли они отказываются явиться. Докладывают, что сенаторы в деревнях. Это было децемвирам приятнее, если бы им доложили, что они, находясь на лицо, отказываются повиноваться их распоряжению. Приказывают всех их вызвать и на следующий день назначают сенатское заседание; собрание оказалось гораздо более многочисленным, чем они надеялись. Ввиду этого плебеи решили, что патриции предали свободу, так как сенат, как будто законно созываемый, повинуетя тем, которые сложили уже власть, которые, следовательно, уже частные лица, если они не прибегнут к насилию.

39. Но до нас дошло известие, что сенаторы, высказывая мнения, не обнаружили того послушания, с каким пришли в курию. Рассказывают, что после доклада Аппия Клавдия, прежде чем по порядку были опрошены мнения, Луций Валерий Потит потребовал разрешения говорить о положении государства и на грозное сопротивление децемвиров заявил, что он выйдет к плебейцам; это было началом волнения. Не с меньшим ожесточением вступил в прения Марк Гораций Барбат, называя их десятью Тарквиниями и напоминая, что под предводительством Валериев и Горациев изгнаны цари. И не имя «царь» озлобило тогда людей: можно же называть так Юпитера, Ромула, основателя Рима, и последовавших за ним царей, сохранено оно как обычное и в священнодействиях; но возненавидели тогда гордость и жестокость царя. Если в свое время не признали возможным выносить этих качеств в царе и царском сыне, то кто станет терпеть их в стольких частных лицах? Как бы запрещая свободно говорить в курии, они не вызвали голоса и вне курии! И он не видит основания, почему он как частное лицо имеет меньше права созвать народное собрание, чем они собирать сенат. Если хотят, то пусть на опыте убедятся, насколько скорбное чувство защитников своей свободы сильнее страсти удерживать незаконное господство! Они делают доклад о сабинской войне, точно у римского народа есть какая-нибудь более важная война, чем с теми, которые, будучи выбраны для предложения законов, не оставили в государстве никаких законов, которые уничтожили комиции, ежегодно выбираемых должностных лиц, очередь в управлении, это единственное условие равенства свободы, которые, будучи частными лицами, имеют пучки и царскую власть. По изгнании царей существовали патрицианские магистраты, затем, после удаления плебеев, были выбраны плебейские. Он спрашивает их, к какой категории принадлежат они. Плебейских? А какую меру провели они при посредстве народа? Патрицианских? Они-то, которые уже чуть не целый год не собирали сената, а теперь собрали, но не позволяют говорить о положении государства? Пусть они не слишком надеются на страх перед иноземным врагом: народ считает более тяжелым то, что уже терпит, чем то, что грозит.

40. Таковы были громкие заявления Горация, и в то время как децемвиры не знали, в какой мере им должно сердиться или уступать, и не видели, чем все это кончится, выступил Гай Клавдий, дядя децемвира Аппия; речь его была более похожа на мольбу, чем на упреки, так как он заклинал его именем своего брата и его родителя более помнить о родном ему союзе с гражданами, чем о незаконно заключенном договоре с товарищами. Просит он об этом гораздо больше ради него самого, чем ради государства; государство ведь добьется своего права и помимо их воли, если нельзя будет иначе. Но ожесточенный спор почти всегда ведет к сильному раздражению; его-то исхода он и боится.

Хотя децемвиры и не позволяли высказываться о чем-нибудь другом, кроме предмета их доклада, но прервать Клавдия они постыдились. Итак, он высказался до конца, заявив в заключение, что, по его мнению, не может состояться сенатское постановление. Все понимали это в том смысле, что Клавдий считает децемвиров частными лицами; и многие бывшие консулы кратко выразили свое согласие с ним. Мнение других, которые требовали, чтобы сена-

²⁸³ ...разосланы были по домам служители взять залогов... – Не явившегося без законного основания в сенат приглашающий магистрат мог оштрафовать и в обеспечение взыскания штрафа взять залог.

торы собрались для назначения междуцаря, было на первый взгляд суровее, но имело гораздо меньше силы; ибо сам факт подачи мнения служил признанием лиц, председательствовавших в сенате, все же за магистратов, тогда как советовавший не делать никакого постановления считал их за частных лиц.

Когда таким образом положение децемвиров было уже поколеблено, Луций Корнелий Малугинский, брат децемвира Марка Корнелия, которому нарочито было предоставлено говорить последним из бывших консулов, притворяясь озабоченным войною, начал защищать брата и его товарищей, выражая изумление, как это случилось, что если не исключительно люди, искавшие децемвирата, то, по крайней мере, преимущественно они нападают на него; или почему это в течение стольких месяцев, когда царил мир, никто не возбуждал вопроса, законные ли магистраты стоят во главе государства, а теперь только, когда враг почти у ворот города, затевают гражданские смуты. Разве по чему иному, а не вследствие убеждения, что в смутное время цель действий будет менее заметна? Впрочем, считая неправильным предпринимать столь важное дело, когда все озабочено более серьезными обстоятельствами, он полагает, что заявление Валерия и Горация о сдаче должности децемвирами до майских ид должно поступить на обсуждение сената после окончания угрожающих теперь войн, когда государство будет успокоено. И уже теперь Аппий Клавдий должен знать, что ему предстоит дать отчет относительно комиций для избрания децемвиров, в которых он председательствовал, будучи сам децемвиrom, – выбраны ли они были на один год или пока проведут недостающие законы. В настоящую минуту следует оставить в стороне все, кроме войны; если они думают, что слух о ней распространен ложно, и не только вестники, но и тускуланские послы говорят неправду, то надо отправить соглядатаев, которые, разузнав, сделали бы более точное донесение; если же вестникам и послам верят, то следует как можно скорее произвести набор, децемвирам отправиться с войском, кто куда пожелает, и ничего другого не делать ранее.

41. Младшие сенаторы старались дать перевес этому мнению; но вот снова выступившие еще с большим ожесточением Валерий и Гораций стали громко требовать позволения говорить о положении государства; если приверженцы децемвиров не позволят сделать этого в сенате, то они станут говорить к народу; частные лица ведь не могут помешать им ни в курии, ни в народном собрании, и они не отступят перед их призрачными пучками. Тогда Аппий, полагая, что дело уже клонится к победе над властью, если стремительность противников не будет остановлена равной решительностью, сказал: «Лучше будет говорить только о том, о чем мы спрашиваем!» Когда же Валерий заявил, что он не замолчит перед частным лицом, то тот приказал ликтору подойти к нему²⁸⁴. Когда Валерий с порога курии уже зывал о помощи к квиритам, Луций Корнелий, обняв Аппия и заботясь не о том, чьей участью притворялся заинтересованным²⁸⁵, разнял споривших. Благодаря Корнелию Валерий получил позволение высказать, что он хотел, но свобода не пошла дальше слов, и децемвиры достигли своей цели. Бывшие консулы и старейшие сенаторы, руководимые ненавистью к трибунской власти, о которой, думали они, народ гораздо более тоскует, чем о власти консулов, также склонялись к тому, чтобы децемвиры потом добровольно отреклись от власти, предпочитая такой исход новому бунту плебеев, который может быть вызван ненавистью к ним; если дело будет окончено мирно и управление возвращено консулам без народного волнения, то плебеи могут забыть о трибунах или занявшись войнами, или видя, что консулы умеренно пользуются своей властью.

Без сопротивления со стороны сенаторов объявляется набор. Ввиду того, что на власть децемвиров не было права апелляции, молодежь отзывается на вызов. Когда легионы были набраны, децемвиры распределяют между собой, кому идти на войну, кому иметь главное

²⁸⁴ ...тот приказал ликтору подойти к нему. – Аппий имел в виду арестовать Валерия в сенате, что случалось весьма редко.

²⁸⁵ ...заботясь не о том, чьей участью притворялся заинтересованным... – Т. е. заботясь на самом деле об Аппии, а не о Валерии.

начальство над войском. Главными между децемвирами были Квинт Фабий и Аппий Клавдий. Очевидно было, что внутренняя борьба будет значительнее внешней. Свирепого Аппия признали более годным для подавления движения в городе, Фабия же – не столько постоянным в хорошем, сколько опытным в дурном. Этот муж, выдававшийся когда-то и в мирное и в военное время, так переменялся под влиянием товарищей по децемвирату, что предпочитал походить на Аппия, чем на себя. Ему поручена была война с сабинянами вместе с Манием Рабулеем и Квинтом Петилием. Марк Корнелий отправлен на Альгид вместе с Луцием Минуцием, Титом Антонием, Цезоном Дуиллием и Марком Сергием. Спурия Оппия они назначили помощников Аппию Клавдию по охране города, распределив при этом власть между децемвирами поровну.

42. На войне дела шли не лучше, чем дома. Вожди были виноваты только в том, что вызвали раздражение граждан; вся остальная беда происходила от воинов, которые, позоря и децемвиров, и себя, давали себя побеждать, чтобы под личным предводительством и главным начальством децемвиров не совершено было какого-нибудь удачного дела. Войска были разбиты и сабинянами у Эрета, и эквами на Альгиде. Бежавшие в тиши ночи из-под Эрета стали поближе к Риму: на возвышенном месте между Фиденами и Крустумерией они укрепили лагерь; преследуемые неприятелем и нигде не вступая с ним в бой при одинаковых условиях, они защищали себя естественностью места и валом, а не доблестью и оружием. Большой позор и еще большее поражение было на Альгиде: там был потерян лагерь, и, лишившись всего имущества, воины удалились в Тускул, рассчитывая на честность и сострадание друзей, и эта надежда не обманула их. В Рим пришли такие страшные известия, что, забыв о ненависти к децемвирам, сенаторы постановили расставить караулы в городе, приказали всем, которые по возрасту своему способны были взяться за оружие, охранять стены и расположиться патрулями перед воротами. В Тускул же решили послать оружие и подкрепление и отправить децемвирам приказ: выйдя из тускуланской крепости, держать воинов в лагере, другой лагерь – от Фиден перенести в сабинскую землю и, начав наступательную войну, удержать врагов от намерения осадить город.

43. К поражениям, понесенным от врагов, децемвиры присоединили два страшных преступления – одно в войске, другое – дома. В земле сабинян высмотреть место для лагеря посылают Луция Сикция²⁸⁶, который, ненавидя децемвиров, в тайных разговорах распространял среди воинов воспоминания о выборе трибунов и удалении плебеев. Воинам, спутникам его в этой экспедиции, дают поручение напасть на него в подходящем месте и убить его. Убийство совершено было не безнаказанно: около него погибли несколько изменников, когда этот богатырь, храбрость которого равнялась его силе, защищался, будучи окружен. Остальные приносят известие в лагерь, что Сикций попал в засаду; храбро сражаясь, он пал, и вместе с ним погибли несколько воинов. Сперва этому известию поверили; но отправившаяся затем с разрешения децемвиров когорта для погребения павших, увидав, что ни один труп там не ограблен, что Сикций с оружием лежит посередине и тела всех обращены в его сторону, вместе с тем нет ни одного трупа врага, нет и следов удалявшихся, принесли тело, говоря, что он несомненно убит своими. Негодование охватило лагерь; воины хотели было немедленно нести Сикция в Рим, но децемвиры поспешили устроить ему на казенный счет похороны с воинскими почестями. Велика была печаль воинов при его погребении, репутация же децемвиров в армии стала очень дурна.

44. Следующее преступление, вызванное сладострастием, совершилось в городе; исход его был так же позорен, как исход того преступления (позор и смерть Лукреции), которое привело Тарквиниев к изгнанию из города и лишило их царства; так что не только конец, но и причина потери власти у децемвиров была такая же, как у царей.

²⁸⁶ ...посылают Луция Сикция... – Луций Сикций Дентат (ок. 514 – ок. 450 до н. э.) – легендарный древнеримский ветеран, герой плебса, прозванный за исключительную храбрость римским Ахиллом. – *Примеч. ред.*

Аппию Клавдию страстно захотелось опозорить плебейскую девушку. Отец ее, Луций Вергиний, занимал на Альгиде почетное место²⁸⁷ и был человек отменной репутации в гражданских и военных делах. Так же воспитана была жена его, так же воспитывались и дети. Дочь была просватана за бывшего трибуна Луция Ицилия, мужа решительного, доблесть которого в защите дела плебеев была испытана. Эту взрослую девушку замечательной красоты Аппий, пылая любовью, пытался соблазнить подарками и обещаниями; но, видя ее неприступное целомудрие, он задумал прибегнуть к жестокому насилию. Своему клиенту Марку Клавдию он поручает объявить девушку своей рабыней и, в случае требования предварительного решения вопроса относительно свободы, не уступать²⁸⁸, рассчитывая, что ввиду отсутствия отца неправда сойдет. Когда девушка шла на форум – там в палатках помещались начальные школы²⁸⁹, – прислужник похоти децемвира положил на нее руку, называя ее дочерью своей рабыни и рабыней, и приказал следовать за ним, страдая увести насильно, если она не послушается. Когда оробевшая девушка стояла в оцепенении, на крик кормилицы, взывавшей к гражданам о помощи, сбегается народ. Называют пользующиеся народными симпатиями имена Вергиния – отца и Ицилия – жениха. Расположение к ним склоняет на сторону девушки знакомых, а возмутительность поступка – целую толпу. Она была уже ограждена от насилия, но объявивший ее рабыней сказал, что возбуждать толпу нет никакой надобности: он действует законным образом, а не путем насилия. Он зовет девушку в суд. Защищавшие девушку советовали ей следовать; таким образом дошли до трибунала Аппия. Истец рассказывает перед судьей известную уже ему сказку, так как он сам придумал содержание ее: девушка-де родилась в его доме, затем была украдена, перенесена в дом Вергиния и подкинута ему. Это он заявляет на основании доноса и докажет, если судьей будет даже сам Вергиний, который еще больше других потерпел от этого обмана; а пока что она как служанка должна следовать за господином. Защитники девушки заявляют, что Вергиний находится в отлучке на службе государству, что если его известить, то через два дня он явится, что незаконно заочно вести тяжбу о детях, а потому требуют от Аппия отложить рассмотрение дела до прибытия отца, решить вопрос об освобождении на основании им самим проведенного закона и не допускать взрослую девушку рисковать своей репутацией еще до потери свободы.

45. Аппий предпослал своему решению замечание, что тот самый закон, на который ссылаются в своем требовании друзья Вергиния, доказывает, до какой степени он стоит за свободу. Но закон этот только в том случае будет твердым оплотом свободы, если не будет изменяться ни в каком случае, ни для какого лица. Право это установлено для тех людей, для которых требуют свободы, так как каждый гражданин может пользоваться законом; но относительно лица, находящегося во власти отца, господин должен только ему, и никому другому, уступить свои права. Итак, он решает призвать отца, а тем временем не лишать господина права увести девушку, пообещав представить ее по прибытии лица, именуемого отцом ее. На это несправедливое решение послышался ропот в толпе, но никто не решался один выступить против него; в это время являются Публий Нумиторий, дед девицы, и жених ее Ицилий. Толпа расступилась

²⁸⁷ ...занимал на Альгиде почетное место... – Он был старшим центурионом.

²⁸⁸ Своему клиенту Марку Клавдию он поручает объявить девушку своей рабыней и, в случае требования предварительного решения вопроса относительно свободы, не уступать... – Тот, который объявлял своим рабом человека, считавшегося до того времени свободным, клал на него руку и требовал его как свою собственность. Существовал и обратный процесс. В случае возникновения спора власть должна присудить временное (до решения процесса) обладание спорной вещью или лицом тому, в чьей власти оно состояло. Получивший такой приговор давал противной стороне поручителей за спорное лицо; в данном случае выставить поручителей должен был Марк Клавдий; но Аппий Клавдий советует ему отказаться идти в суд, так как-де в настоящем деле нет тех условий, при которых необходимо предварительное решение.

²⁸⁹ ...девушка шла на форум – там в палатках помещались начальные школы... – На форуме разбивались временные палатки специально для обучения детей грамоте и счислению. Посещение девушками школ редко упоминается древними писателями. В том, что Вергиния выше названа взрослой, а между тем она лишь учится грамоте, нет ничего удивительного: ей могло быть лет двенадцать.

в надежде, что вмешательство Ицилия может оказать Аппию наибольшее сопротивление; но ликтор объявляет, что приговор состоялся, и пытается удалить Ицилия, несмотря на его протесты. Такая жестокая несправедливость раздражила бы и кроткого человека. «Оружием тебе придется удалить меня отсюда, Аппий, – сказал он, – чтобы я умолчал о том, что ты хочешь скрыть. Я женюсь на этой девушке и хочу, чтобы моя невеста была целомудренна. Поэтому зови сюда всех ликторов и товарищей своих; прикажи им приготовить розги и секиры; невеста Ицилия не останется вне дома отца ее. Если вы лишили нас защиты трибунов и права апелляции к римскому народу, этих двух оплотов свободы, то этим еще не дано вашему сладострастию царской власти над нашими детьми и женами. Изливайте вашу ярость на наших спинах и наших шеях; но пусть хоть целомудрие будет в безопасности. Если оно подвергнется насилию, то я буду умолять заступиться за невесту присутствующих здесь квиритов, Вергиний за единственную дочь – воинов, а все – богов и людей, и ты, не убив нас, никогда не приведешь в исполнение этого приговора. Я требую, Аппий, хорошенько подумай, куда идешь ты! Вергиний, когда явится сюда, увидит, как поступить ему со своей дочерью; но пусть он знает одно: если он уступит требованиям Марка Клавдия, то ему придется искать партии для своей дочери. Я же, требуя свободы для своей невесты, скорее умру, чем нарушу слово».

46. Толпа была возбуждена, и было очевидно, что предстоит борьба. Ликторы окружили Ицилия; однако дело не пошло дальше угроз; Аппий говорил, что не Вергинию защищает Ицилий, а, будучи беспокойным человеком, все еще нося в себе дух трибуна, ищет случая затеять мятеж. В этот день он не даст ему повода к тому; но да будет ему ведомо, что эта уступка делается не его дерзости, а отсутствующему Вергинию, имени отца и свободе, – дела этого он сегодня разбирать не будет и решения не постановит. Марка Клавдия он попросит отказаться от своего права и требовать себе девушку в следующий день; если же отец завтра не явится, то он объявляет Ицилию и ему подобным, что ни законодатель не откажется от своего закона, ни децемвир – от решительности. И чтобы обуздать виновников мятежа, ему вовсе не понадобится сзывать ликторов своих товарищей – с него хватит и его собственных.

Когда нарушение права было отсрочено и защитники девушки удалились на совещание, то решено было прежде всего, чтобы брат Ицилия и сын Нумитория, проворные юноши, отправились оттуда прямо к воротам и с возможной скоростью призвали Вергиния из лагеря, сообщив ему, что спасение девушки зависит от того, своевременно ли он явится на следующий день защитить ее от несправедливости. Получив приказания, они отправляются и, пришпорив коней, приносят весть отцу. А Ицилий, в ответ на настояние истца предъявить требование на девушку и представить поручителей, говорил, что он об этом именно и хлопочет, а на самом деле тянул дело, чтобы посланные в лагерь выиграли время для дороги. Отовсюду из толпы граждане начали поднимать руки и изъявлять готовность быть поручителями. Растроганный до слез, он сказал: «Благодарю вас; завтра я воспользуюсь вашей помощью, а теперь поручителей довольно». Так Вергиния была отпущена на поруки родственников.

Аппий, помедлив некоторое время, чтобы не подумали, что он ради одного этого дела пришел сюда, удалился домой, когда никто не приходил к нему, так как все бросили другие дела и озабочены были одним; дома он написал товарищам в лагерь, чтобы они не давали отпуска Вергинию и даже заключили его под стражу. Бесчестный приказ, как и следовало, оказался слишком поздним: получив отпуск, Вергиний уже отправился в первую стражу²⁹⁰, а на следующий день рано утром напрасно было получено письмо о задержании его.

47. А в городе на рассвете, когда граждане в напряженном ожидании стояли на форуме, Вергиний в траурной одежде, с большой толпой готовых защищать его привел на форум дочь в изношенной одежде в сопровождении нескольких матрон. Здесь он стал обходить граждан,

²⁹⁰ ...в первую стражу... – Т. е. с 6 до 9 часов вечера. Ночные караулы в римском лагере, продолжавшиеся с 6 часов вечера до 6 часов утра, делились на четыре стражи (смены), по три часа каждая.

пожимая им руки, не только умоляя помочь ему из милости, но требуя этого, как должного: он-де ежедневно находился в строю, защищая их детей и жен, и нет другого человека, который может указать более отважных и решительных подвигов на войне; какая польза, если, несмотря на то что город цел, детям, однако, приходится терпеть того, чего бояться, как самого ужасного, если он взят? Говоря так, как будто в народном собрании, он обходил граждан. В том же роде говорил и Ицилий. Тихие слезы сопровождавших женщин производили более сильное впечатление, чем все речи. Оставаясь бесчувственным ко всему этому, – такое сильное безумие скорее, чем любовь, омрачило его разум! – Аппий входит на трибунал и после краткой жалобы истца, что вчера вследствие происков не решено было его дело, заговорил сам, не дав ему изложить свое требование и Вергинию ответить.

Быть может, древние писатели верно передали речь, которую он предпослал своему постановлению, но так как при такой гнусности приговора я не считаю ни одной из них правдоподобной, то я решил передать только несомненно известное: он постановил решение, по которому Вергиния была признана рабыней. Сперва все оцепенели от удивления перед столь страшным приговором; поэтому некоторое время все хранили молчание. Затем, когда Марк Клавдий двинулся в толпу матрон, чтобы взять девушку, и был встречен жалобными рыданиями женщин, Вергиний, простирая к Аппию руки, сказал: «С Ицилием, Аппий, а не с тобой обручил я дочь и воспитал, чтобы выдать ее замуж, а не отдать на позор. Вы хотите по обычаю животных и диких зверей без разбору вступать в сожительство? Потерпят ли это присутствующее, я не знаю, но я надеюсь, что те, у кого есть оружие, не допустят этого». Когда претендент был отогнан от толпы женщин и защитников, окружавших девушку, глашатай потребовал молчания.

48. Децемвир, обезумев от страсти, заявляет, что не из вчерашней только брани Ицилия и неистовства Вергиния, о которых может засвидетельствовать весь римский народ, но также из точных показаний ему известно, что всю ночь в городе происходили сборища с целью поднять восстание. Ввиду этого, хорошо зная о предстоящей схватке, он явился на форум с вооруженными людьми не для того, чтобы оскорблять мирных граждан, но чтобы обуздать нарушителей общественного спокойствия, как того требует величие его власти. «Поэтому лучше будет не бунтовать, – сказал он, – иди, ликтор, удали толпу и расчисти дорогу, чтобы господин мог взять свою рабыню».

Когда он с раздражением прокричал эти слова, толпа сама собой раздвинулась и девушка осталась покинутой на жертву обидчику. Тогда Вергиний, не видя ниоткуда никакой помощи, сказал: «Прежде всего, Аппий, прости огорченного отца, если я как-нибудь слишком резко отозвался о тебе; затем позволь здесь, в присутствии девушки, расспросить кормилицу, как было это дело, чтобы я спокойно мог уйти отсюда, если окажется, что я неправильно назывался отцом». Получив разрешение, он отвел девушку и кормилицу к лавкам, расположенным около часовни Венеры Очистительницы²⁹¹, именуемым теперь Новыми, и, выхватив у мясника нож, воскликнул: «Только так, дочь моя, я могу требовать твоей свободы!» Затем он пронзил грудь девушки и, обратившись к трибуналу, сказал: «Кровь эта да падет, Аппий, на тебя и на твою голову!»

Когда при виде этого страшного дела поднялся шум, раздраженный Аппий приказывает схватить Вергиния, но он всюду, где ни шел, пролагал себе путь мечом и, защищаемый также сопровождавшей его толпой, добрался до ворот. Ицилий и Нумиторий, подняв бездыханное тело, показывают его народу; жалуются на преступность Аппия, несчастную красоту девушки, безвыходное положение отца. Сопровождающие матроны взывают: на то ли должны мы родить детей? Такова ли награда за целомудрие? Такие речи подсказывают женщинам их скорбное

²⁹¹ ...к лавкам, расположенным около часовни Венеры Очистительницы... – Лавки эти, как видно из этого места, находились в северо-восточном углу форума; тут находилась часовня Венеры, почитаемой под именем *Cloacina* – «Очистительница».

чувство, которое они выражают тем сильнее, чем менее владеют собою. Мужчины, и прежде всех Ицилий, говорили только о том, что уничтожена власть трибунов и право апелляции к народу и вообще выражали негодование на положение дел в государстве.

49. Толпу возбуждает, с одной стороны, страшное преступление, с другой – надежда, воспользовавшись случаем, вернуть свободу. Аппий сперва приказывает позвать Ицилия, затем, ввиду отказа его, схватить; наконец, так как служителей не допускали, то он сам направляется к нему через толпу с горстью патрицианских юношей и велит заключить его в оковы. Около Ицилия не только уже образовалась толпа, но явились и вожди ее, Луций Валерий и Марк Гораций, которые, прогнав ликтора, говорили, что они защищают Ицилия от частного человека, если Аппий хочет действовать законным путем; если же он попытается действовать силой, то и тут они померятся с ним. Так начинается жестокая драка. Ликтор децемвира нападает на Валерия и Горация, но толпа ломает его пучки. Аппий является в собрание, но Валерий и Гораций следуют за ним. Их народ слушает, а децемвиру не дает говорить. Валерий, как бы опираясь на власть, уже приказывает ликторам оставить частного человека, а Аппий, забыв гордость и боясь за жизнь свою, незаметно для врагов, с закутанной головой, убежал в ближайший к форуму дом.

Спурий Опций с другой стороны ворвался на форум на помощь товарищу. Видит, что сила одолела власть. Слыша со всех сторон советы и соглашаясь со всеми, он обнаруживает свое смятение; наконец отдает приказание созвать сенат. Мысль, что действия децемвиров не нравятся большей части сенаторов, успокоила толпу, надеявшуюся, что сенат покончит с их властью. Сенат решил, что плебеев раздражать не следует, но особенно надо принять меры, чтобы прибытие Вергиния в лагерь не подняло военного бунта.

50. Поэтому посланы были в лагерь находившиеся в то время на горе Вецилийской²⁹² младшие сенаторы с приказанием децемвирам принять все меры, чтобы не допустить воинов до мятежа. Между тем Вергиний поднял там более сильное волнение, чем в Риме: видели его окруженным толпою почти в четыреста человек; все они последовали за ним из города под впечатлением возмутительного дела; кроме того, внимание всего лагеря было также обращено на обнаженный меч и брызги крови, покрывавшие его самого. Да и появление того в разных местах лагеря значительно увеличивало размеры толпы граждан сравнительно с тем, какова она была на самом деле. На вопрос, в чем дело, слезы долго не давали ему отвечать; наконец, когда уже собралась толпа и молчание сменило шум, он изложил по порядку все, как было. Затем, простирая руки к товарищам, он просил их не возлагать на него вину Аппия и не отворачиваться от него как детоубийцы; жизнь дочери была бы ему дороже его жизни, если бы она могла оставаться свободной и целомудренной; но, видя, что ее под предлогом рабства влекут для позора, он решил, что лучше гибнуть детям от смерти, чем от бесчестия, и, желая быть сострадательным, впал в кажущуюся жестокость. Он не пережил бы дочери, если бы не надеялся при помощи товарищей отомстить за смерть ее. И у них есть дочери, сестры и жены, и похоть Аппия Клавдия не угасла вместе с его дочерью, но безнаказанность увеличит только его необузданность. Чужое несчастье дает им пример остерегаться подобной же несправедливости. Что касается до него, то судьба похитила у него жену, а дочь, не имея долее возможности оставаться целомудренной, погибла горестной, но честной смертью. В его доме уже нет места для похоти Аппия, а от иных его жестокостей он сумеет защитить себя с таким же мужеством, с каким защитил дочь; прочие должны подумать о себе и своих детях.

Так взывал Вергиний, и толпа дружно отвечала ему, что она отомстит за его несчастье и защитит свою свободу. Смешавшиеся с толпой воинов граждане высказывали те же жалобы и заявляли, что видеть это было гораздо возмутительнее, чем слышать, и вместе с тем сообщали, что в Риме зло уже почти уничтожено; прибывшие вновь из города утверждали, что Аппий

²⁹² ...на горе Вецилийской... – Где находилась эта гора, неизвестно; полагают, что так называлась одна из вершин Альгида.

едва живой удалился в изгнание; все это привело к тому, что раздался призыв к оружию; схватив знамена, толпа двинулась к Риму. Децемвиры, потрясенные тем, что видели, и слухами о происшедшем в Риме, разбегаются по разным концам лагеря, чтобы подавить движение. Где они действовали кротко, там им не отвечали; но если кто прибегал к власти, то тем отвечали, что против них есть сила и оружие. Стройно направляются воины к городу и занимают Авентин, склоняя попадавших навстречу плебеев вернуть свободу и выбрать народных трибунов. Других речей, указывавших на ожесточение, не было слышно. Под председательством Спурия Оппия происходит заседание сената. Решено было не принимать никаких суровых мер, так как они сами подали повод к мятежу. Отправляют послами трех бывших консулов, Спурия Тарпея, Гая Юлия и Публия Сульпиция, спросить от имени сената, по чьему приказанию они оставили лагерь, или ради чего они заняли с оружием в руках Авентин и силою захватили родную землю, бросив войну с врагами. Отвечать было что, но не было человека, который бы отвечал, так как определенного вождя еще не оказалось, а отдельные лица не решались возбуждать против себя ненависть. Толпа заявила одно: чтобы им выслали Луция Валерия и Марка Горация; им они дадут ответ.

51. Когда послы были отпущены, Вергиний напоминает воинам, что в не особенно важном деле обнаружилось колебание, потому что у толпы не было руководителя; поэтому ответ дан был хотя и целесообразный, но более основанный на случайном согласии, чем на общем решении. Он предлагает избрать десять руководителей общего дела и соответственно их воинскому званию наименовать их военными трибунами. Когда ему самому первому предложена была эта почетная должность, он ответил: «Это суждение обо мне оставьте до того времени, когда и ваше, и мое положение улучшится; то обстоятельство, что моя дочь не отомщена, отравляет мне удовольствие, сопряженное с почетной должностью, и нехорошо, чтобы при смутном положении государства руководителями вашими являлись лица, наиболее заинтересованные. Если я могу принести какую пользу, то я принесу ее, хотя и останусь частным лицом». Таким образом, они выбирают десять военных трибунов.

Не было спокойно войско и в сабинской земле. И там, по совету Ицилия и Нумитория, отложились от децемвиров, так как умы столько же были взволнованы воспоминанием об убийстве Сикция, сколько новым рассказом о таком гнусном желании опозорить девушку. Ицилий, услышав об избрании на Авентин военных трибунов и опасаясь, как бы городские комиции, следуя примеру военных, не избрали тех же лиц в народные трибуны, перед отправлением в город озабочился, чтобы и его войско избрало столько же трибунов с такой же властью; так хорошо он понимал, как надо действовать с народом, и так добивался он звания трибуна! Через Коллинские ворота вступили они со знаменами в город и стройно прошли посередине города на Авентин. Соединившись тут с другим войском, они поручили двадцати военным трибунам выбрать двух, которые бы руководили всем делом. Избраны были Марк Оппий и Секст Манилий.

Озабоченные положением государства, сенаторы, несмотря на ежедневные собрания, проводили время больше в препирательствах, чем в совещаниях. Децемвирам ставили в упрек убийство Сикция, похотливость Аппия, военное бесчестие. Высказывались за отправление на Авентин Валерия и Горация. Те соглашались идти только под тем условием, если децемвиры сложат знаки своей должности, срок которой истек уже с концом прошедшего года. Децемвиры, жалуясь, что им мешают пользоваться их властью, говорили, что они не сложат ее, пока не проведут законов, ради чего они и избраны.

52. Плебеи, извещенные бывшим народным трибуном Марком Дуиллием, что непрерывные споры мешают прийти к какому-нибудь решению, переходят с Авентина на Священную гору. Они верили Дуиллию, что сенаторы только тогда призадумаются, когда увидят, что город покинут; Священная гора напомнит им о стойкости плебеев, они поймут, как мало можно надеяться на восстановление согласия в государстве, если не будет восстановлена три-

бунская власть. Отправившись по Номентанской дороге, которая ныне зовется Фикулейской, они расположились лагерем на Священной горе, ничего не трогая и таким образом подражая скромности своих отцов. За войском последовали плебеи, и никто из тех, которым возраст позволял идти, не отказывался. Их сопровождали жены и дети, жалобно спрашивая, на кого их покидают в этом городе, где не свято ни целомудрие, ни свобода.

Когда необычная малолюдность в Риме производила тяжелое впечатление пустыни и на форуме не было никого, кроме немногих стариков, а собиравшиеся в курии сенаторы видели совсем покинутый форум, уже не одни Гораций и Валерий кричали: «Чего вы еще ждете, сенаторы? Если децемвиры не полагают конца своему упорству, то неужели вы готовы допустить всеобщее разрушение и истребление? И что это за власть, децемвиры, за которую вы так крепко держитесь? Вы собираетесь творить суд над кровлями и стенами? Не стыдно ли вам, что на форуме чуть ли не больше видно ваших ликторов, чем иных, мирных граждан? Что станете вы делать, если враги подойдут к городу? Что, если плебеи, видя наше равнодушие к их удалению, вскоре явятся с оружием в руках? Или вы хотите сложить свою власть только тогда, когда город погибнет? Ведь мы должны или потерять плебеев, или назначить народных трибунов. Скорее мы можем обойтись без патрицианских магистратов, чем они без плебейских. Не зная и не испытав этой власти, они исторгли ее у наших отцов; а теперь, вкусив сладость ее, они, конечно, не захотят лишиться ее, особенно ввиду того, что мы не знаем меры в пользовании властью, освобождая их таким образом от необходимости искать защиты? Слыша отовсюду такие речи и уступая единогласному мнению сенаторов, децемвиры заявили, что, ввиду такого решения, они подчинятся власти сената. Они просят лишь об одном, чтобы их оградили от народного негодования, и убеждают не показывать плебеям их кровь и не приучать их, таким образом, казнить патрициев.

53. Тогда отправлены были Валерий и Гораций, чтобы вернуть плебеев на условиях, какие они признают нужными, и устроить соглашение, озаботившись вместе с тем ограждением децемвиров от нападения раздраженной толпы. С большой радостью плебеи встретили их в лагере, так как считали их и на основании начала движения, и на основании результата его несомненными освободителями. За это при прибытии им выражена была благодарность. От лица всех говорил Ицилий. Когда зашла речь об условиях, то на вопрос послов, чего хотят плебеи, он же, на основании соглашения, состоявшегося еще до прибытия послов, предъявил требования, свидетельствовавшие, что они более полагаются на их справедливость, чем на силу оружия. Плебеи требовали восстановления власти трибунов и права апелляции к народу, каковыми средствами защиты они пользовались до избрания децемвиров; вместе с тем они настаивали, чтобы не подвергался преследованиям никто из лиц, побудивших воинов и плебеев удалиться и требовать этим путем обратно свободу. Жестоко было лишь требование казни децемвиров: они считали правильным, чтобы те были выданы, и грозились сжечь их живыми. Послы на это отвечали: «Спокойно обдуманное требование ваши были до того справедливы, что вам следовало предложить желаемое даже без вашей просьбы: вы требуете средств защищать свободу, а не произвола нападать на других. Но раздражение ваше заслуживает скорее извинения, чем поощрения, так как, возмущенные жестокостью, вы впадаете в жестокость же и, не добившись еще свободы для себя, хотите уже быть господами над своими противниками. Ужели в нашем государстве никогда не прекратятся казни, совершаемые или патрициями над римскими плебеями, или плебеями над патрициями? Вам нужен щит, а не меч. Довольно понижен тот, кто сравнился в правах с другими гражданами и, не подвергаясь обидам, лишен возможности и сам наносить их. Впрочем, если когда-нибудь вы захотите заставить бояться себя, то, получив обратно своих магистратов и законы, а вместе с тем право произносить приговоры над жизнью и имуществом нашим, тогда уже вы будете постановлять решения, соответствующие каждому отдельному случаю. Теперь же следует удовольствоваться возвращением свободы».

54. Когда все предоставляли послам действовать по их усмотрению, они объявили, что, окончив переговоры, немедленно возвратятся. Отправившись, они изложили сенату требования плебеев; тогда все децемвиры, не слыша, сверх ожидания, ничего о казни их, были согласны на все условия; только Аппий, человек сурового характера и ненавистный более всех других, измеряя вражду к нему других по мере собственной ненависти, сказал: «Я хорошо знаю, какая судьба ждет меня. Я вижу, что нападение на нас отсрочено до того времени, пока противникам будет передано оружие. Кровь должна быть принесена в жертву ненависти. Тем не менее и я немедленно слагаю звание децемвира». Состоялось сенатское постановление, чтобы децемвиры немедленно сложили свои полномочия, чтобы Квинт Фурий, верховный понтифик, избрал народных трибунов и чтобы никто не подвергался преследованию за удаление воинов и плебеев.

Постановив эти решения, сенаторы разошлись, а децемвиры явились в народное собрание и сложили свои полномочия к величайшей радости народа.

Известие об этом сообщено было плебеем. Все остававшиеся в городе последовали за послами. К ним вышла навстречу из лагеря другая радостная толпа. Поздравляют друг друга с восстановлением свободы и согласия в государстве. Послы перед собранием держали такую речь: «Да послужит сие на благо, счастье и благополучие вам и государству, возвращайтесь в отечество к своим пенатам, женам и детям; но принесите с собой в город ту же скромность, какую вы сохраняли здесь, не тронув ничьего поля, несмотря на крайнюю нужду в средствах для продовольствия такой массы народа. Идите же на Авентин, откуда вы ушли; там, на этом счастливом месте, где вы положили начало восстановления своей свободы, вы выберете народных трибунов. Там будет верховный понтифик, который будет председательствовать в комициях». Велика была радость и единодушно выражалось одобрение. Затем они хватают знамена и, отправившись в Рим, выражают восторг наперебой с встречающими. Вооруженные тихо идут через город на Авентин.

Здесь под председательством верховного понтифика немедленно состоялись комиции, и были избраны народные трибуны: прежде всех – Луций Вергиний, затем – Луций Ицилий и Публий Нумиторий, дядя Вергиния – все советовавшие удалиться, потом – Гай Сициний, потомок того Сициния, который, по преданию, был выбран на Священной горе первым народным трибуном, и Марк Дуиллий, знаменитый своим трибуналом, предшествовавшим избранию децемвиров, не покинувший плебеев и в борьбе с ними. Затем, не столько по заслугам, сколько в надежде на них, были выбраны Марк Титиний, Марк Помпоний, Гай Апроний, Аппий Виллий, Гай Опций. Вступив в трибунал, Луций Ицилий немедленно внес предложение, и народ согласился с ним, чтобы никто не был преследуем за измену децемвирам. Вслед за тем Марк Дуиллий провел предложение об избрании консулов с правом апелляции на их решения. Все эти постановления сделаны были собранием плебеев на Фламиниевом лугу, именуемом теперь Фламиниевым цирком²⁹³.

55. Затем междуцарь произвел выборы консулов; избранные Луций Валерий и Марк Гораций немедленно вступили в должность. Их приятное народу управление хотя и не сопровождалось обидами по отношению к патрициям, но все же возбуждало недовольство последних, ибо всякую меру, служившую к ограждению свободы плебеев, они считали умалением своего могущества. Прежде всего, ввиду того, что представлялось спорным, обязательны ли для патрициев решения плебеев, они провели в центуриатных комициях закон, в силу которого решения трибунальных комиций должны были быть обязательны для всего народа. Этот закон открыл трибунам широкую возможность вредить своими предложениями. Затем другой консульский закон о праве апелляции, этом единственном в своем роде средстве защищать

²⁹³ ...на Фламиниевом лугу, именуемом теперь Фламиниевым цирком. – Фламиниев луг был расположен между Крепостью и Тибром, где впоследствии консул Гай Фламиний (павший в битве при Тразименском озере) построил Фламиниев цирк.

свободу, уничтоженный децемвирами, они не только восстанавливают, но и закрепляют на будущее время, санкционируя новый закон, чтобы не были выбираемы магистраты без права апелляции на них, а кто внесет такое предложение, то чтобы того можно было убить и чтобы это убийство не считалось уголовным преступлением. Обеспечив достаточно плебеев и правом апелляции, и защитой трибунов, они восстановили и почти уже забытую неприкосновенность самих трибунов, возобновив после долгого промежутка некоторые церемонии; достигли они этого столько же религиозным путем²⁹⁴, сколько установив закон, в силу которого оскорбивший народного трибуна, эдила или судью из коллегии десяти считался посвященным Юпитеру, а его имущество продавалось у храма Цереры, Либера и Либеры²⁹⁵. Законоведы объясняют, что на основании этого закона никто не признается неприкосновенным, а только кто причинит вред кому-нибудь из упомянутых лиц, голова того посвящается Юпитеру; итак, высшие магистраты подвергаются аресту эдила; хотя этот факт и представляется противозаконным – так как вред причиняется лицу, которому в силу этого закона нельзя причинять его, – но он служит доказательством того, что эдил не признается неприкосновенным²⁹⁶; напротив, трибуны неприкосновенны на основании древней клятвы, произнесенной плебеями при самом избрании их²⁹⁷. Некоторые объясняли, что тот же самый Горациев закон ограждает и консулов, и преторов, избираемых при одних и тех же ауспичиях, как и консулы, ибо консул именуется судьей²⁹⁸. Но это толкование опровергается тем, что в то время было еще обычай именовать консула не судьей, а претором. Таковы были законы, предложенные консулами Валерием и Горацием.

Они же постановили препровождать плебейским эдилам сенатские решения в храм Цереры²⁹⁹, тогда как прежде они были утаиваемы и подделываемы по произволу консулов. Затем народный трибун Га й Дуиллий вошел к плебеям с предложением, которое они и утвердили, чтобы всякий, оставивший плебеев без трибунов и избравший магистрата без права апелляции, подвергался наказанию розгами и казни. Все эти законы были проведены хотя и против воли патрициев, но все-таки без противодействия с их стороны, так как отдельные лица еще не подвергались нападениям.

56. Когда власть трибунов и свобода плебеев были обеспечены, тогда трибуны, решив, что уже безопасно и благовременно преследовать отдельных лиц, избрали первым обвинителем Вергиния, а обвиняемым Аппия. Когда Вергиний назначил Аппию день явки в суд и он явился на форум в сопровождении патрицианских юношей, сразу при виде его и его пособников ожило у всех воспоминание о его гнусной власти. Тогда Вергиний сказал: «Красноречие изобретено для темных дел; ввиду этого и я не стану терять времени, обвиняя перед вами человека, от жестокости которого вы сами защищались оружием, и ему не позволю к прочим своим преступлениям присоединить еще бессовестную защиту себя. Итак, я прощаю тебе, Аппий Клавдий, все те безбожные и преступные дела, которые ты в течение двух лет дерзко совершал одно за другим; но если по одному пункту обвинения ты не докажешь перед судьей, что ты

²⁹⁴ ...религиозным путем... – Плебеи давали клятвенное обещание мстить за всякое оскорбление трибунов.

²⁹⁵ ...у храма Цереры, Либера и Либеры. – В честь этих богов, особенно почитавшихся плебеями в силу того, что они были покровителями земледелия, возвели храм у подножия Авентина. Этот храм был освящен в 493 году до н. э.

²⁹⁶ ...но он служит доказательством того, что эдил не признается неприкосновенным... – По свидетельству Катона, эдилы были неприкосновенны; в позднейшее время они не состояли уже в такой тесной связи с трибунами и причислялись к *magistratus minores*, а потому их могли арестовать «старшими магистратами». К этому времени и относится упомянутое воззрение юристов.

²⁹⁷ ...при самом избрании их. – При первом удалении на Священную гору.

²⁹⁸ ...ибо консул именуется судьей. – Это толкование закона принадлежало аристократической партии, желавшей и консулов поставить под ту же гарантию, под которой находились трибуны. Когда явилось имя «судья», неизвестно; имя же «консул» впервые появляется после децемвиров вместо древнейшего «претор».

²⁹⁹ ...постановили препровождать плебейским эдилам сенатские решения в храм Цереры... – В храме Цереры находился архив плебеев, состоявший под надзором плебейских эдилов; таким образом, без ведома (и без согласия) трибунов нельзя было провести ни одного постановления в сенате. Важность доставки в плебейский архив копий с решений сената состояла еще и в том, что в то время для признания плебисцита состоявшимся требовалось утверждение сената.

не постановил, вопреки законам, решения против свободы и в пользу рабства, то я прикажу заключить тебя в оковы».

Аппий не мог надеяться ни на защиту трибунов, ни на суд народа; тем не менее он и обратился к трибунам и, арестованный курьером без всякого сопротивления с их стороны, воскликнул: «Я апеллирую!» Услыхав это слово, служившее прочной гарантией свободы, из уст человека, недавно постановившего решение против свободы, все смолкли. Поднимается глухой ропот, что есть же, наконец, боги, которые обращают внимание на человеческие дела, что хоть и поздно, но все-таки тяжкая кара настигнет гордость и жестокость; апеллирует уничтожавший право апелляции, умоляет народ о защите отнявший все права у народа, лишают права свободы и увлекают в темницу того, который осудил свободное лицо на рабство; и среди этого ропота в народном собрании слышен был голос самого Аппия, взывавшего о помощи к римскому народу. Он напоминал о гражданских и военных заслугах предков его по отношению к государству, о своем несчастном усердии по отношению к римским плебеем, из-за которого, ради уравнивания прав посредством законов, он сложил консульство к величайшему неудовольствию патрициев, напоминает и о своих законах, при существовании которых предложивший их заключается в оковы. Впрочем, свои личные заслуги и свою виновность он узнает тогда, когда получит возможность защищаться; теперь на основании общего права граждан, он, римский гражданин, привлеченный к суду, требует позволения говорить, позволения испытать суд римского народа. Он не настолько боится ненависти, чтобы вовсе не надеяться на справедливость и сострадание своих сограждан. Итак, если его без суда ведут в темницу, то он снова обращается к помощи народных трибунов и просит не подражать тем, кого они ненавидят. А если трибуны сознаются, что они связаны таким же договором относительно уничтожения обращения к ним, в заключении какого они обвиняли децемвиров, то он апеллирует к народу, взывает к законам об апелляции, изданным в этом самом году и консулами, и трибунами. Кто же будет апеллировать, если этого не позволяют еще не осужденному, до выслушивания дела? Для какого плебея и вообще человека низкого происхождения будет охрана в законах, если ее нет для Аппия Клавдия? Он на себе убедится, укрепили ли новые законы государство или свободу и право обращения к трибунам и право апелляции к народу против несправедливости должностных лиц написано ли только напоказ и останется мертвой буквой или дано на самом деле.

57. На это Вергиний возражал, что один Аппий Клавдий непричастен законам, гражданскому и общечеловеческому праву. Пусть граждане взглянут на трибунал, это убежище для всякого рода злодеяний, где этот бессменный децемвир, враг имущества, неприкосновенности и жизни граждан, угрожавший всем розгами и секирой, презиравший богов и людей, сопровождаемый палачами, а не ликторами, обратившись от грабежа и убийства к прелюбодеянию, на глазах римского народа подарил своему клиенту, служителю своего ложа, свободнорожденную девушку, точно военнопленную, вырвав ее из объятий отца; где своим жестоким постановлением и преступным решением он вооружил десницу родителя против дочери; где пораженный не столько убийством, сколько помехою прелюбодеянию, он приказал свести в тюрьму жениха и деда, несших бездыханное тело девушки. Тюрьма, которую он обыкновенно называл домом римских плебеев, выстроена и для него. Поэтому сколько бы раз Аппий ни апеллировал, столько же раз он предлагал ему третейского судью и готов потерять залог, если он не постановил решения против свободы в пользу рабства. Если же он не идет к судье, то он, Вергиний, приказывает свести его как осужденного в тюрьму. И он брошен был в темницу, хотя и без всяких протестов, но при сильном возбуждении плебеев, которые, видя наказание такого важного лица, уже сами считали свою свободу чрезмерной. Трибун отсрочил день суда.

Тем временем от латинов и герников явились послы с поздравлением по случаю примирения патрициев и плебеев и принесли за это на Капитолий в дар Юпитеру Всеблагому Всемогущему золотой венок небольшого веса, так как вообще богатства тогда не были велики и свя-

тыням поклонялись с большим благочестием, чем великолепием. От них же узнали, что эквы и вольски усиленно готовятся к войне. Ввиду этого консулам приказано было разделить сферы деятельности. На долю Горация достались сабиняне, на долю Валерия – эквы. Когда объявлен был набор для этих войн, то, при усердии плебеев, явились записаться не только молодые люди, но и большая часть добровольцев из отслуживших свой срок, а потому, вследствие присоединения ветеранов, войско это было сильно не только своей многочисленностью, но и качеством воинов. Прежде чем двинуться из города, консулы опубликовали законы децемвиров, именуемые законами Двенадцати таблиц, вырезав их на медных досках. Некоторые писатели сообщают, что это исполнено было эдилами по приказанию трибунов.

58. Гай Клавдий, возмущавшийся злодеяниями децемвиров, особенно же раздраженный надменностью племянника, удалился в древнее свое отечество Регилл; теперь этот старец, вернувшись, чтобы спасти от опасности того, от чьих пороков бежал, в траурной одежде, в сопровождении родственников и клиентов, останавливал на форуме каждого и просил не клеймить позором род Клавдиев, чтобы никто не признал их заслужившими тюремное заключение и оковы. Муж, изображение которого должно было бы пользоваться среди потомства большим почетом, законодатель и основатель римского права, валяется скованным среди ночных воров и разбойников! Пусть устранят на время гнев, подумают и взвешают дело; лучше помиловать одного за просьбы стольких Клавдиев, чем из-за ненависти к одному оставить без внимания просьбы многих. Сам он заботится об интересах рода и имени и не мирится с тем, которому хочет помочь в беде. Свобода возвращена доблестью; кротость может укрепить мир сословий.

Некоторые были растроганы не столько делом человека, за которого он хлопотал, сколько его родственною привязанностью. Но Вергиний просил скорее пожалеть его и дочь и слушать просьбы не рода Клавдиев, которые видят свое призвание в неограниченной власти над плебеями, а родственников Вергинии, трех трибунов, которые, будучи выбраны для защиты плебеев, теперь сами взывают к плебеем о помощи и защите. Их слезы были признаны более справедливыми. Итак, потеряв надежду, до наступления дня, назначенного для суда, Аппий наложил на себя руки.

Вслед за тем Публий Нумиторий напал на Спурия Оппия, почти столь же ненавистного, так как он был в городе, когда товарищ его решил несправедливо дело. Но большую ненависть против Оппия возбудила несправедливость, которую он совершил, а не та, которой он не остановил: выставлен был свидетелем воин, прослуживший двадцать семь лет и восемь раз получавший награды один от всей центурии; предъявляя все их народу, он, разорвав одежду, показал спину, истерзанную розгами; при этом он предоставлял подсудимому, хотя он и частное лицо, опять наказать его, если он сумеет назвать хоть одну его вину. Оппий был отведен в тюрьму и покончил там с собой до дня суда. Имущество Клавдия и Оппия трибуны конфисковали. Товарищи их удалились в изгнание; имущество их было конфисковано. И Марк Клавдий, требовавший Вергинию в рабство, привлечен был к суду и осужден; но Вергиний освободил его от казни, и он удалился в изгнание в Тибур. Тень Вергинии, более счастливой после смерти, чем при жизни, пройдя для свершения мщения по стольким домам, наконец успокоилась, покарвав всех виновных.

59. Великий страх объял патрициев, и уже трибуны являли собою некоторое подобие децемвиров, но народный трибун Марк Дуиллий, вовремя поставив предел чрезмерной власти, заявил: «Довольно свободы нашей и казней противников; в течение настоящего года я не позволю больше никого привлекать к суду и заключать в тюрьму. Нечего вспоминать старые, уже забытые грехи, когда новые искуплены казнью децемвиров, а непрерывная забота обоих консулов об охране вашей свободы служит ручательством, что не будет допущено ничего, где оказалась бы надобность в силе трибунов».

Такая умеренность трибуна освободила патрициев от страха, но вместе с тем усилила ненависть против консулов, так как-де они до того всецело преданы были плебеем, что пле-

бейский чиновник скорее патрицианского позаботился о благе и свободе патрициев, и враги прежде пресытились казнями их, чем увидали возможность сопротивления их произволу со стороны консулов. Многие утверждали, что отцы были слишком уступчивы, утвердив предложенные консулами законопроекты, и не подлежало сомнению, что под влиянием смутного положения государства они покорились обстоятельствам.

60. Упорядочив дела в городе и обеспечив положение плебеев, консулы разошлись для исполнения своих поручений. Валерий, двинувшись против успевших уже соединиться на Альгиде эквов и вольсков, намеренно затягивал войну; и если бы он сразу вверился случайностям сражения, то, вероятно, борьба стоила бы больших потерь, принимая во внимание тогдашнее настроение римлян и врагов, вызванное несчастными предприятиями децемвиров. Расположившись лагерем в тысячи шагов от неприятеля, он не выходил из него. Враги, построившись, начали наполнять пространство, лежавшее между двумя лагерями, и когда вызывали на бой, то никто из римлян не отвечал им. Наконец, когда эквам и вольскам надоело стоять и напрасно ждать битвы, они ушли грабить – часть в землю герников, часть – в землю латинов, решив, что победа почти уступлена им; оставленных войск было достаточно для охраны лагеря, а не для битвы. Заметив это, консул, в свою очередь, наводит на неприятелей страх и, выстроив войско, сам вызывает их на битву. Сознавая недостаток сил, неприятели отказывались от сражения; это сразу увеличило бодрость римлян, и они считали побежденными напуганных врагов, оставшихся в лагере. Простояв целый день готовыми к битве, они к ночи отступили. Римляне, полные надежд, укреплялись; враги же, бывшие в совершенно ином настроении, в страхе рассылают во все стороны вестников с целью вернуть назад грабителей. Те, которые были в ближайших местах, прискакали обратно; ушедших же дальше не нашли.

С рассветом римляне выступили из лагеря, решив напасть на вал, если не будет возможности сразиться. И когда солнце было уже высоко, а между тем враг не двигался, консул приказывает нести вперед знамена; это движение неприятеля вызвало негодование в эквах и вольсках, что их победоносные войска защищаются валом, а не доблестью и оружием. Поэтому и они вытребовали у вождей сигнала к битве. И уже некоторые отряды выступили из лагеря, а остальные в порядке, строй за строем, занимали каждый свои места, как римский консул, не дав всем неприятельским силам выстроиться, двинулся на них; когда последовало нападение, они еще не все были выведены, а вышедшие не успели развернуть своих рядов; оробевшая толпа колыхалась в разные стороны, воины озирались друг на друга и на своих товарищей; крик и стремительность римлян усилили их смятение. Враги сперва отступали; когда же собрались с духом и вожди со всех сторон начали упрекать их, как это они отступают перед побежденными, битва возгорелась вновь.

61. С другой стороны, консул напоминал римлянам, что сегодня они в первый раз свободные сражаются за свободный Рим. Для себя они одержат победу, а не для того, чтобы, победив, стать добычей децемвиров. Предводительствует не Аппий, а консул Валерий, потомок освободителей римского народа и сам освободитель. Они должны показать, что в предыдущих сражениях победе мешали вожди, а не воины. Позорно, если больше храбрости окажется в борьбе против граждан, чем против врагов, и домашнее иго страшнее иноземного. Целомудрие одной Вергинии подвергалось опасности в мирное время, один гражданин Аппий обнаружил опасную похотливость; но если военное счастье поколеблется, то дети всех граждан подвергнутся опасности со стороны стольких тысяч врагов. Не хочется предрекать, что город, основанный при столь счастливых предзнаменованиях, постигнет беда, которой не потерпел бы ни Юпитер, ни родоначальник Рима Марс. Он напоминал об Авентине и о Священной горе, прося, не опозорив государства, вернуться туда, где они несколько месяцев тому назад приобрели свободу, и показать, что дух римских воинов по изгнании децемвиров остался таким же, каким он был до избрания их, и уравнивание прав посредством законов не уменьшило доблести римского народа. Сказав такую речь среди рядов пехотинцев, он скачет затем к всадникам.

«Ну, молодцы, превзойдите пехоту доблестью, как вы превосходите ее своим почетным положением. При первой стычке пехотинцы заставили дрогнуть врага, а вы, пустив коней, прогоните его с поля битвы. Они не выдержат вашего натиска, да и теперь они не столько сопротивляются, сколько медлят». Всадники прищипоривают коней и устремляются на врага, приведенного в замешательство уже в битве с пехотинцами; прорвав ряды его, они достигают арьергарда, причем некоторые, пользуясь свободным местом, делают обходное движение, отрывают от лагеря большинство уже бегущих отовсюду неприятелей и отгоняют их, проезжая назад и вперед. Пехота, сам консул и все вообще вооруженные силы устремляются в лагерь и, захватив его после ожесточенной резни, получают очень большую добычу.

Весть об этой битве, дошедшая не только в город, но и в сабинскую землю к другому войску, в городе вызвала радость, а в лагере воспламенила дух воинов желанием соперничать в славе. Уже Гораций, испытывая своих воинов в набегах и небольших стычках, приучил их больше полагаться на себя и забыть о поражении, понесенном под предводительством децемвиров; и эти незначительные стычки содействовали всеобщему подъему духа. А сабиняне, ободренные удачами предыдущего года, беспрестанно подзадоривали и приставали с вопросами: зачем тратить время, производя набеги, как разбойники, в небольшом числе и поспешно удаляясь назад, и разделять на многочисленные и небольшие стычки решение войны? Не лучше ли сойтись для окончательного боя и предоставить судьбе решить дело разом?

62. Не одно мужество, разгоравшееся само собою, но и негодование воспламеняло римлян; другое войско, думали они, уже победоносно вернется в город, а над ними все еще издевается враг, если не теперь, то когда же они будут в силах помериться с неприятелем? Услышав такие разговоры в лагере среди воинов, консул созвал собрание и сказал: «Я полагаю, воины, вы слышали о случившемся на Альгиде. Войско держало себя так, как прилично войску свободного народа. Предусмотрительностью товарища и доблестью воинов приобретена победа. Что касается до меня, то у меня будет столько рассудительности и мужества, сколько дадите вы. Без ущерба можно тянуть войну, но можно и скоро покончить ее. Если придется тянуть ее, то принятым мною способом я добьюсь того, что ваша надежда и доблесть будут расти со дня на день; если же вы уже достаточно мужественны и хотите решить дело, то закричите здесь так, как вы закричали бы в строю, и тем покажите вашу волю и вашу доблесть». Когда воины с величайшей радостью закричали, то консул объявил: «Да послужит сие на благо, я послушаюсь вас и завтра выведу войско в битву!» Остальная часть дня была занята приготовлением оружия.

На следующий день, увидав, что римское войско строится, сабиняне, и сами уже давно желавшие сразиться, выступили. Сражение соответствовало уверенности в себе обеих войск, из которых одно ободряла старинная и постоянная слава, а другое – недавно одержанная победа, составлявшая для него новость. Сабиняне для подкрепления своих сил прибегли еще к хитрости: растянув свой строй вровень с римским, они оставили вне строя 2000 человек для нападения на левый фланг римлян во время самой битвы. Когда они, сделав нападение сбоку, стали приводить в замешательство почти окруженный фланг, около 600 всадников двух легионов спрыгивают с коней и выбегают в первый ряд перед отступающими уже товарищами; одновременно они становятся против врага и воспламеняют мужество пехотинцев, сперва подвергаясь одинаковой с ними опасности, а затем возбуждая в них чувство стыда. Стыдно было, что всадники принимают участие и в обычной им, и в чуждой битве, а пехотинцы не могут сравняться со спешившимися всадниками.

63. И вот они вступают в покинутый ими бой и возвращаются на прежнее место; в минуту битва не только возобновилась, но даже дрогнул фланг сабинян. Всадники, прикрытые рядами пехотинцев, вернулись к своим коням. Затем они ускакали на другую сторону возвестить своим о победе; вместе с тем они делают нападение на врагов, уже напуганных поражением более сильного фланга. Всадники отличились в этой битве более всех других. Ничто не ускользало от внимания консула: он хвалил храбрых, порицал, если где видел битву ослабевающей. Присты-

женные немедленно совершали подвиги мужества, и стыд возбуждал одних столько же, сколько других похвалы. Снова все римляне с воинственным криком дружно ударили со всех сторон на врага, и затем уже их натиска нельзя было выдержать. Рассеявшиеся повсюду по полям сабиняне оставили лагерь в добычу врагу. Здесь римляне вернули свое имущество, отнятое при опустошении полей, а не имущество союзников, как то было на Альгиде.

За двойную победу в двух разных сражениях сенат злонамеренно назначил молебствие на один день³⁰⁰ в знак признания заслуг консулов. Народ же без всякого приказанья и на следующий день отправился большой толпой молиться. Но эта народная молитва, не сопровождавшаяся никаким церемониалом, была чуть ли не торжественнее вследствие усердия молившихся. Консулы по уговору подошли к городу в течение двух дней один за другим и позвали сенат на Марсово поле. Старейшие из отцов роптали, что консулы говорили о своих подвигах, здесь, среди воинов, с явным намерением застрашать их сенат. Ввиду этого, во избежание обвинений, консулы пригласили сенат оттуда на Фламиниев луг, где теперь находится храм Аполлона, — уже тогда это место было посвящено Аполлону³⁰¹. Так как сенаторы с замечательным единодушием отказывали консулам в триумфе, то народный трибун Луций Ицилий внес это предложение к народу, хотя многие выступали с протестами, особенно же Гай Клавдий, говоривший, что, консулы хотят праздновать триумф над сенаторами, а не над врагами и требуют не почести за доблесть, а благодарности за частную услугу, оказанную трибуну. Никогда до того народ не решал дела о триумфе³⁰², всегда сенат обсуждал и давал это отличие; даже цари не умаляли значения высшего сословия; трибуны не должны всюду распространять свою власть, уничтожая тем всякие общественные совещания. Только при этом условии государство останется свободным и законы равными, если всякое сословие сохранит свои права, свое значение.

Хотя в том же смысле много говорили и другие старейшие отцы, однако все трибы приняли это предложение. Тогда в первый раз триумф был отпразднован по решению народа, без утверждения отцов.

64. Эта победа трибунов и плебеев чуть не привела к вредному своеволию: трибуны согласились между собою относительно их вторичного избрания, а чтобы скрыть свое властолюбие, они решили продлить и власть консулов. Причиной они выставляли соглашение сенаторов, которые презрительным отношением к консулам пошатнули права народных трибунов. Так как законы еще не окрепли, то что может случиться, если патриции, избрав консулов своего лагеря, нападут на новых трибунов? Не всегда ведь консулами будут Валерий и Гораций, которые ставят свое могущество ниже свободы плебеев.

Благодаря счастливой случайности, председательство в комициях выпало на долю Марка Дуиллия, мужа разумного, предвидевшего, что продление власти грозит взрывом негодования. Он заявлял, что не допустит кандидатуры ни одного из старых трибунов, и товарищи его настаивали, чтобы он или допустил свободную подачу голосов по трибам, или передал председательство в комициях товарищам, которые будут направлять их на основании законов, а не на основании воли патрициев. Во время этого спора Дуиллий призвал консулов к трибунским скамьям и спросил их, каковы их намерения относительно консульских комиций; и когда они отвечали, что хотят избрать новых консулов, то с этими популярными представителями непопулярного мнения он вступил в собрание. Здесь консулы были поставлены перед народом и

³⁰⁰ *За двойную победу в двух разных сражениях сенат злонамеренно назначил молебствие на один день...* — Следовало назначить по крайней мере по одному дню за каждого.

³⁰¹ *...где теперь находится храм Аполлона, — уже тогда это место было посвящено Аполлону.* — Очевидно, здесь уже было здание, если могло состояться сенатское заседание. И в позднейшее время в этом храме Аполлона (или в храме Беллоны) возвращавшиеся из похода вожди давали сенату отчет о своих действиях.

³⁰² *Никогда до того народ не решал дела о триумфе...* — Позже это делалось, или же рядом с сенатским постановлением упоминается решение народа. Собственно сенатское постановление нужно было лишь для того, чтобы сопряженные с триумфом издержки отнести на казенный счет; без того триумфатор должен был нести их сам.

спрошены, как они поступят, если римский народ, помня, что при их помощи дома он вернул свободу, помня и о их воинских подвигах, изберет их вновь консулами? Они остались верны своему мнению; тогда, похвалив консулов за то, что они настойчиво не хотят быть похожими на децемвиров, Дуиллий открыл комиции. Когда пять народных трибунов были выбраны, а остальные кандидаты, ввиду старания девяти трибунов, открыто искавших власти, не получали большинства голосов триб³⁰³, то он распустил собрание и не созывал его более для выборов. Он говорил, что закон исполнен, так как, не определяя числа, он требует только сохранения трибуната и повелевает, чтобы избранные сами избрали себе товарищей; при этом он прочитал формулу предложения, гласившую так: «Я предложу десять народных трибунов; если вы сегодня изберете менее десяти народных трибунов, то выбранные ими в товарищи должны считаться столь же законными трибунами, как избранные вами сегодня». До конца упорно отказываясь признать пятнадцать народных трибунов в государстве, Дуиллий сломил страстное желание товарищей и сложил свою власть, одинаково угодив и патрициям, и плебеям.

65. Новые народные трибуны при выборе товарищей исполнили желание сенаторов, приняв в свою коллегия даже двух патрициев, бывших консулов, – Спурия Тарпея и Авла Атерния³⁰⁴. Консулами были избраны Спурий Герминий и Тит Вергиний Целимонтан [448 г.], не склонявшиеся особенно ни на сторону патрициев, ни на сторону плебеев; внутри и вне государства при них был мир. Народный трибун Луций Требоний, негодуя на патрициев за то, что они, по его словам, перехитрили его при дополнительном избрании трибунов, а товарищи предали, внес предложение, чтобы руководящий плебеями при избрании народных трибунов продолжал это дело до тех пор, пока не будут выбраны десять народных трибунов; и весь свой трибунал он провел в преследовании патрициев, вследствие чего ему даже дано было прозвище Суровый.

Выбранные затем в консулы Марк Геганий Мацерин и Гай Юлий [447 г.] остановили нападки трибунов на знатную молодежь, не преследуя их власти и не нарушая достоинства патрициев. Мешая набору, назначенному для войны против вольсков и эквов, они не допустили плебеев до мятежа, утверждая, что если в городе мир, то и вне его все спокойно, а вследствие гражданских несогласий внешние враги поднимают головы. Забота о внешнем мире привела и к внутреннему согласию. Но одно сословие всегда мешало сдержанности другого: когда плебеи были спокойны, то молодые патриции начинали обижать их. Когда трибуны выступали на защиту униженных, то сперва это мало помогало, а потом и сами они стали подвергаться оскорблениям, особенно в последние месяцы, так как обиды наносили общества сильных людей, да и вообще сила всякой власти обыкновенно значительно ослабевает под конец года. И уже плебеи стали говорить, что только тогда на трибунал можно полагаться, если трибуны будут похожи на Ицилия; в последние же два года они имели трибунов только по имени. Напротив, старейшие патриции, хотя и признавали, что их молодежь чересчур увлекается, однако предпочитали, уж если необходимо переступить пределы законного, то чтобы больше смелости было на стороне их, а не противников.

Так трудно, охраняя свободу, соблюсти меру, так как всякий, притворяясь стремящимся к равноправности, возвышается до унижения другого, и не желая бояться, люди делают самих себя предметом страха, отстраняя же обиду от себя, наносят ее другим, как будто необходимо или делать, или терпеть неправду.

66. Затем выбраны были консулами Тит Квинкий Капитолин (в четвертый раз) и Агриппа Фурий [446 г.]; они не застали ни внутреннего мятежа, ни внешней войны, но пред-

³⁰³ ...не получали большинства голосов триб... – При выборах считались трибы после предварительного счета отдельных голосов в каждой трибе.

³⁰⁴ ...приняв в свою коллегия даже двух патрициев, бывших консулов, – Спурия Тарпея и Авла Атерния. – Консулы 454 года до н. э. Из этого места видно, что и патриции могли получать трибунал, но не путем народного избрания (*per rogationem*), а путем дополнительного выбора членов коллегии (*per cooptationem*).

стояло и то и другое. Уже нельзя было долее сдерживать несогласия в среде граждан, так как и трибуны, и плебеи были возбуждены против патрициев, в дни же, назначенные для суда над кем-нибудь из знатных, собрания всегда расстраивались вследствие новых беспорядков. При первых известиях об этом, точно по данному сигналу, эквы и вольски взялись за оружие; к тому же вожди, жадные до добычи, убедили их, что набор, назначенный два года тому назад, не мог состояться, так как плебеи уже отказываются повиноваться; оттого-то против них не было послано войско. Своеволие уничтожает воинскую дисциплину, и уже не все считают Рим общим отечеством. Все раздражение и вражду против внешних врагов они обратили на себя. Представляется случай напасть на волков, ослепленных яростью против своих. Соединив войска, они сперва опустошали латинские поля; затем, не встречая там никакого сопротивления, к торжеству виновников войны, они, с целью грабежа, подступили под самые стены Рима со стороны Эсквилинских ворот, производя нагло опустошения полей в виду города. Когда они безнаказанно в порядке удалились отсюда к Корбиону, гоня перед собою награбленный скот, консул Квинкий созвал народное собрание.

67. Здесь, по свидетельству писателей, он говорил так: «Квириты! Хотя я не сознаю за собой никакой вины, но выступаю перед вами под гнетом величайшего стыда. Знаете вы, передано будет и потомству, что в четвертое консульство Тита Квинкия эквы и вольски, едва равные по силам только герникам, безнаказанно с оружием в руках подступили под стены Рима. Хотя уже давно мы так живем и государство наше находится в таком положении, что нельзя ждать ничего хорошего, однако если бы я знал, что этому именно году грозит такой позор, то я, не имея иной возможности уклониться от почетной должности, избежал бы ее или удалившись в изгнание, или наложив на себя руки. Так значит, если бы то оружие, которое было у наших ворот, было в руках мужей, то Рим мог быть взят в мое консульство! Довольно имел я почестей, довольно и предовольно жил я! Мне следовало умереть, когда я был в третий раз консулом! Кого же, наконец, презирают эти трусливейшие враги? Нас, консулов, или вас, квириты? Если виноваты мы, то отнимите власть у недостойных ее, а если этого мало, то покарайте еще нас; если же вы виноваты, то вашего греха, квириты, пусть не карают ни боги ни люди; вы сами только покайтесь в нем. Не вашу трусость презирают они и не на свои силы они надеются! Эти люди, столько раз разбитые и обращенные в бегство, потерявшие лагерь, наказанные отнятием земли, посланные под ярмо, знают и себя, и вас. Подъем их духа вызвали раздоры сословий и язва этого города – спор патрициев с плебеями. Так как мы не знаем меры власти, а вы – меры свободы, вы ненавидите патрицианских магистратов, а мы – плебейских. Заклинаю вас богами, чего хотите вы? Вы пожелали народных трибунов; чтобы не нарушать согласия, мы уступили. Вы пожелали децемвиров – мы допустили избрание их. Нам надоели децемвиры – мы заставили их сложить власть. Так как ваше раздражение против них не успокаивалось, даже когда они стали частными людьми, мы допустили казнь и изгнание знатнейших и почетнейших лиц. Вы пожелали снова избрать народных трибунов – и избрали; пожелали сделать консулами людей вашей партии; признавая это обидным для патрициев, мы, однако, были свидетелями и того, что патрицианская должность была принесена в дар плебеям. Мы переносили и переносим защитников ваших трибунов, апелляцию к народу, навязывание патрициям постановлений плебеев, умаление наших прав под именем уравнивания законов. Где же будет конец раздорам? Можно ли будет когда-нибудь иметь один город, считать это отечество общим? Мы, побежденные, равнодушнее сохраняем спокойствие, чем вы, победители. Довольно ли с вас вашего страха перед вами? Против нас вы занимаете Авентин, против нас – Священную гору; мы видели, что враг едва не завладел Эсквилинским холмом и никто не отразил врагов вольсков, поднимавшихся на вал; против нас вы мужественны, против нас у вас есть оружие.

68. Осадив курию, наведя страх на форум, наполнив тюрьму первыми людьми в государстве, с той же яростью выходите за Эсквилинские ворота или, если вы и на это не дерзаете, со стен посмотрите, что ваши поля опустошены мечом и огнем, скот угнан, повсюду дымится

сожженные дома. А ведь общее дело из-за этого еще в худшем положении: поля горят, город в осаде, военная слава принадлежит врагам. Что же дальше? Ваше личное имущество в каком состоянии? Уже скоро каждый получит с полей весть об убытках. Чем, наконец, дома вы восполните их? Трибуны вернут и восстановят вам потерянное? Они наговорят вам слов и речей, сколько хотите, изыщут, сколько хотите, обвинений против знатнейших лиц, нагромодят законопроекты одни на другие, созовут собрания; но из этих собраний никто из вас никогда не приходил домой богаче. Кто принес жене и детям что-нибудь, кроме ненависти, оскорбления, вражды, государственной и частной? От нее вы должны оградить себя не своей доблестью и невинностью, а чужой помощью. А когда вы служили под предводительством нас, консулов, а не трибунов, и в лагере, а не на форуме, когда ваш крик в строю наводил страх на врагов, а не в народном собрании на патрициев, то, клянусь Геркулесом, вы с триумфом возвращались домой к пенатам, набрав добычу, отняв у врага землю, обогатившись, прославив государство и себя; теперь же вы позволяете врагу удалиться, обременив себя вашим имуществом! Оставайтесь постоянно в собраниях, живите на форуме; необходимость военной службы, от которой вы бежите, последует за вами. Вам тяжело было идти на эквов и вольсков; теперь война у ворот: не отразите врага оттуда, он проникнет за стены, поднимется в Крепость и на Капитолий, будет преследовать вас в ваших жилищах. Два года тому назад сенат приказал произвести набор и вести войско на Альгид; а мы сидим без дела дома, бранимся между собою, как бабы, радуясь настоящему миру и не видя, что от бездеятельности в короткое время вырастет война в разных местах. Я знаю, что есть речи более приятные; но если бы даже мой ум не приказывал мне, то нужда заставляет говорить вам правду, а не приятное. Я желал бы быть угодным вам, квириды; но гораздо больше я желаю вашего благополучия, что бы вы обо мне ни думали. Так уж устроила природа, что говорящий перед толпою в своих интересах приятнее, чем тот ум, которого имеет в виду только общее благо; разве, может быть, вы думаете, что эти общественные льстецы, эти народолюбцы, не позволяющие вам ни взять оружия, ни жить в мире, разжигают и раздражают вас в ваших интересах? Приведенные в волнение, вы или даёте им почести, или приносите им какую-нибудь иную выгоду; видя свое полное ничтожество при согласии сословий, они предпочитают быть лучше вождями в дурном деле, чем ни в каком, вождями смут и мятежей. В случае, если все это может наконец надоесть вам и от этих новых обычаев вы захотите вернуться к обычаям отцов и вашим прежним, то я не отказываюсь ни от какой казни, если в несколько дней я не лишу лагеря этих опустошителей наших полей, рассеяв и обратив их в бегство, и эту грозную войну, поразившую теперь вас, не перенесу от наших ворот и стен к их городам».

69. Редко когда речь популярного трибуна была приятнее плебеям, чем эта речь суровейшего консула. Даже молодежь, которая при таком критическом положении считала отказ от военной службы самым сильным средством против патрициев, желала оружия и войны. И прибежавшие поселяне, и ограбленные на полях и израненные, рассказы которых были ужаснее их вида, усилили раздражение во всем городе. Когда собрался сенат, то там все обратились к Квинкцию, смотрели на него как на единственного защитника величия Рима, а знатнейшие отцы признавали его речь достойною власти консула, достойною стольких прежних консульств, достойною всей его жизни, обильной почестями, которые он часто получал и еще чаще заслуживал. Другие консулы или льстили плебеям, изменяя патрициям, или, сурово защищая права этого сословия, своими попытками укротить раздражали еще более толпу; Тит Квинкций сказал речь, не забывая о значении патрициев, о примирении сословий и прежде всего о современном положении дел. Просили его и товарища его усердно взяться за государственные дела; просили трибунов, чтобы они единодушно с консулами позволили отразить войну от городских стен и внушили плебеям повиновение сенату ввиду такого критического положения: поля опустошены, город почти осажден; общее отечество вызывает к трибунам и умоляет их о помощи. С общего согласия назначается и производится набор. Консулы заявили в народном собрании,

что некогда заниматься разбором законности причин неявки; завтра на рассвете все молодые люди должны явиться на Марсово поле; исследованием причин неявки они займутся по окончании войны, и если признают их незаконными, то будут считать такого дезертиром. Вся молодежь на следующий день была налицо. Каждая когорта избрала себе центурионов и была вверена начальству двух сенаторов. Все это, как рассказывают, было сделано так быстро, что в тот самый день знамена были вынуты квесторами из казначейства³⁰⁵ и вынесены на Марсово поле, еще до полудня подняты оттуда, и вновь набранное войско, сопровождаемое немногими когортами добровольно явившихся старых воинов, остановилось у десятого камня. На следующий день показались враги, и около Корбиона был расположен лагерь близ неприятельского лагеря. На третий день не замедлили сразиться, так как римлян побуждало раздражение, а врагов сознание вины – они так часто производили восстания! – и отчаяние.

70. Хотя в римском войске было два консула с одинаковой властью, но высшее начальство с согласия Агриппы было в руках его товарища, что в важных делах весьма полезно; который тем не менее, будучи поставлен выше, на уступчивость отвечал вежливостью, сообщая ему свои планы, делясь с ним славою и вообще равняя с собой неравного. В строю Квинкий командовал правым флангом, Агриппа – левым; центр был вручен легату Спурию Постумию, а другого легата, Публия Сульпиция, они делают начальником конницы. На правом фланге пехота дралась отлично, несмотря на энергическое сопротивление вольсков. Публий Сульпиций с конницей прорвался сквозь центр врага. Имея возможность тем же путем вернуться к своим, прежде чем неприятели соберут приведенные в замешательство ряды, он предпочел атаковать тыл их; это нападение на тыл вмиг рассеяло бы неприятелей, так как им угрожала опасность с двух сторон, если бы конница вольсков и эквов не задержала римлян на некоторое время, завязав с ними конное сражение. Видя, что медлить некогда, Сульпиций закричал, что они будут окружены и отрезаны от своих, если, напрягши все свои силы, не окончат боя с конницей; и мало обратить их только в бегство; надо истребить лошадей и людей, чтобы никто оттуда не вернулся в строй и не возобновил битвы; враги не могут сопротивляться им, так как перед ними отступил сплошной строй пехоты. Его словам повиновались. Одним ударом они рассеяли всю конницу, многих сбросили с коней и пронзили копьями как самих, так и лошадей. Так кончилась конная битва. Напав затем на пехоту, они посылают вестников о случившемся к консулам, перед которыми враг также уже колебался. Это известие ободрило побеждавших римлян и поразило отступавших эквов. Победа началась с центра, где всадники привели в беспорядок ряды, затем консул Квинкий погнал левый фланг; труднее всего было на правом фланге. Здесь Агриппа, полный юношеских сил, видя, что везде битва идет удачнее, чем у него, схватывая знамена у знаменосцев, сам шел с ними на врага или даже бросал их в густую толпу неприятеля; боясь этого бесчестия³⁰⁶, воины ударили на врага. Таким образом, победа была равна во всех пунктах. Тогда пришло известие от Квинкия, что он победил и уже угрожает неприятельскому лагерю; но он не хочет врываться туда, прежде чем не узнает, что и левый фланг победил; если товарищ уже рассеял врага, то пусть соединится с ним, чтобы все войско вместе овладело добычей. Победитель Агриппа при взаимных приветствиях подошел к победителю-товарищу и к лагерю врага. Рассеяв быстро немногих защитников, без боя врываются они в укрепление и возвращаются с войском, овладевшим огромной добычей, вернувши и все свое, что было потеряно при опустошении полей. Я не нахожу известия о том, чтобы или сами они требовали триумфа, или он был предложен им сенатом; не передают и того, почему пренебрегли или не надеялись получить этого отличия. Насколько я могу догадываться о событии, отделенном столь большим промежутком времени, так как консулам Вале-

³⁰⁵ ...знамена были вынуты квесторами из казначейства... – Казначейство (*aerarium*) находилось при храме Сатурна в нижней части Капитолия; там хранились знамена, священные предметы и разные драгоценности. Здесь впервые квесторы упоминаются как хранители казначейства.

³⁰⁶ ...боясь этого бесчестия... – Т. е. опасаясь, что брошенные в ряды неприятелей знамена останутся у них.

рию и Горацию, приобретшим, кроме победы над вольсками и эквами, еще славу окончания войны с сабинянами, сенат отказал в триумфе, то эти консулы посовестились за половинное дело просить триумфа, чтобы, в случае получения его, не подумали, что больше обращают внимания на лица, чем на заслуги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.